

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

Руководители Костромской губернии и области
(1778-2009)

Администрация Костромской области
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

**Руководители Костромской губернии и области
1778–2008 гг.**

Кострома
2009

УДК 947
ББК 63.3(2Рос-4Кос-2Ко)
С491

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:

А. М. Белов, В. Л. Миловидов, А. Г. Кирпичник, А. Р. Наумов,
А. В. Новиков, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов

Рецензенты:

Д. А. Волков, доцент кафедры истории России
КГУ им. Н. А. Некрасова, канд. ист. наук;
А. А. Соловьев, профессор кафедры культурологии
и филологии КГУ, канд. ист. наук

Служение отечеству. Руководители Костромской губернии и об-
С491 ласти, 1778–2008 гг.: ист.-биогр. очерки / отв. ред., сост. А. М. Белов;
вступ. ст. А. М. Белова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова,
2009. – 296 с. : ил. XXVIII с.
ISBN 978-5-7591-0983-9

В книгу включены биографические очерки о руководителях Костромской губернии и области за 230-летию ее истории (1778–2008).

В исследовании прослеживаются не только важнейшие вехи жизненного пути, но и функции, полномочия первых лиц губернии и области. Читатель сможет почерпнуть немало полезных сведений о деятельности руководителей как в мирные, так и в чрезвычайные времена и, быть может, приблизиться к ответу на извечный русский вопрос: как нам обустроить Россию.

Издание адресовано учащимся средних и высших учебных заведений, преподавателям, всем, интересующимся историей Костромского края.

УДК 947
ББК 63.3(2Рос-4Кос-2Ко)

ISBN 978-5-7591-0983-9

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009
© Белов А. М., составление, 2009

УВАЖАЕМЫЕ КОСТРОМИЧИ! ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

Для меня большая честь представлять вашему вниманию уникальную книгу «Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области (1778–2008 гг.)». Перед нами – почти сотня историко-биографических очерков о людях, в течение 230 лет стоявших во главе исполнительной и представительной власти Костромского края, честно исполнявших свой гражданский долг перед Россией и костромичами. Непрерывный процесс истории становления и развития государственной власти раскрывается перед читателем сквозь призму личности и деяния первых лиц.

Листая страницы очерков, читая выдержки из архивных документов, рассматривая старые портреты и фотографии, я убеждаюсь в том, насколько значима жизнь каждого человека в отдельности, и насколько глубокий след эта личность может оставить в истории. Остается лишь сожалеть, что многие документы и изображения не сохранились до наших дней. Что говорить о полуторастолетней давности, если даже портреты первых лиц области послевоенной поры дошли до нас только на предвыборных листовках!

Заметными вехами в развитии региона принято считать те события, которые меняли, подчас драматическим образом, вектор самоопределения Костромской земли. Создание губернии, реформы государственного уп-

равления, отмена крепостного права, развитие капиталистических отношений, революции, наконец, ликвидация губерний в 1929 году и воссоздание Костромской области в 1944 году, – все эти события неотделимы от деяний тех личностей, тех людей во власти, что брали на себя бремя ответственности за свои решения. От исполнения ими своего гражданского долга зависела жизнедеятельность всего социально-экономического механизма губернии и области.

Среди костромских наместников, губернаторов, руководителей партийных и советских органов были очень разные люди с разными судьбами. Они имели разные происхождение и звание, образование и карьеру, характер и увлечения. Кто-то стоял во главе губернии два десятилетия, а кто-то – пару месяцев. Имена и дела одних из них канули в Лету, других же – остались в благодарной памяти костромичей и в названиях достопримечательных мест.

Государственная власть и в те далекие годы, и сегодня – это, прежде всего, служение Отечеству, испытание на готовность к продуманному волевому решению. Наверное, поэтому слова присяги, произносимой при вступлении в должность высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации, столь созвучны всеобъемлющим обязанностям губернаторов, определенных императорским «наказом» 1837 года: *«Имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого ими края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния. Им поручены и приняты меры для сохранения народного здоровья, обеспечения продовольствия в губернии, доставление страждущим и беспомощным надлежащего призрения и высший надзор за скорым исполнением всех законных постановлений и требований»* (Полное Собрание Законов Российской Империи, II изд., XII, 10303).

От имени администрации Костромской области и от себя лично выражаю искреннюю благодарность авторскому коллективу, взявшему на себя нелегкую, но благородную миссию подготовки издания. Ибо, как ни банально это звучит, история «держит» настоящее, помогает нам избегать ошибок прошлого и напоминает о том, что потомки оценят нас по делам нашим.

Приятного и полезного Вам прочтения.

Игорь Слюняев,
губернатор Костромской области

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ И ЕГО РУКОВОДИТЕЛИ

Учрежденное 5 сентября 1778 года¹ и образованное из окраинных провинций Архангельской, Московской и Нижегородской губерний, существовавших с 1708 года, Костромское наместничество по территории равнялось двум Швейцариям. По конфигурации оно походило на параллелограмм, геометрическим центром которого являлся город Макарьевна-Унже, однако столицей почти без возражений, а возражали, как ни странно, лишь костромичи, была признана расположенная в одной из его вершин Кострома – как самый древний, большой и богатый город наместничества.

Волга пересекала наместничество на всем его протяжении и служила его главной магистралью, а ее левые притоки от Костромы до Керженца позволяли поддерживать связь и товарообмен с остальными уездами. Соответственно вдоль рек, дававших воду, рыбу и работу, проживало большинство населения наместничества, кормившегося также земледелием и скотоводством. В каждом уезде к тому же наличествовали всевозможные кустарные промыслы, тем не менее родиной костромской промышленности оказалось все же Приволжье, где выращивался лен, выплавлялся металл, строились речные суда и кирпичные здания, и в Костроме, к примеру, в последней четверти XVIII столетия насчитывалось семь крупных полотняных мануфактур, колоколотейный и несколько свечных, кожевенных, кирпичных, мыловаренных, винокуренных, солодовенных и других заводов.

В составе 15 уездов 4 декабря 1778 года Костромское наместничество было открыто ярославским генерал-губернатором А. П. Мельгуновым, который считается не только первым костромским наместником, но и создателем самого наместничества, определившим с учетом культурно-исторических,

географических, экономических, транспортных и других связей его размер и состав, количество и границы уездов, назначившим уездными городами бывшие села, посады и пригородки и подготовившим генеральные планы и гербы Костромы и всех уездных городов.

Тогда вся империя состояла из полусотни наместничеств, но генерал-губернаторов было не больше полутора десятков. Они являлись высшими сановниками, наделялись чрезвычайными полномочиями, представляли самодержавную власть и отчитывались только перед императрицей. На местах генерал-губернаторы возглавляли администрацию, полицию, суд, гарнизон и все дислоцированные в наместничестве войска и осуществляли надзор за дело- и судопроизводством, соблюдением противопожарных мер, сбором податей, набором рекрутов и прочим. Согласно Высочайшему Наставлению², они именовались «ходатаями за пользу общую и государеву, заступниками утесненных и побудителями безгласных дел», и им предписывалось также попечение о народном продовольствии, пресечение расточительности, обуздание жестокости и т. п., а главное, регулярное посещение наместничеств, повседневное управление которыми возлагалось на правителей. В распоряжении наместников соответственно находились поручик правителя и наместническое правление, состоявшее из двух советников и секретаря.

Правление вместе с уездными и совестными судами, приказом общественного призрения, дворянской опекой и генеральной чертежной в Костроме до открытия специально построенного здания губернских присутственных мест 29 октября 1808 года помещалось в трапезном корпусе Богоявленского монастыря на посаде, некоторые другие корпуса которого занимали также наместнические гражданская и уголовная палаты, верхний и нижний земские суды, верхняя и нижняя расправы и наместнический и городской магистраты.

Спустя год после открытия Костромского наместничества Мельгунову было велено заняться Вологодским, поэтому Костромское перешло в подчинение нижегородского генерал-губернатора, а еще через два года по такой же причине – владимирского, чем, собственно, и объясняется приток в Костромской край владимирского чиновничества, духовенства и купечества в конце XVIII столетия, а также постой в Костроме штаба 6-й Владимирской пехотной дивизии во главе с А. В. Суворовым, участие в застройке Костромы владимирского архитектора Карла-Генриха фон Клера, по планам которого возводились гостиный двор, губернаторский и соборные дома.

Памятником же наместничеству осталось пространное «Описание Костромского наместничества вообще»³, часть которого под названием «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым» вышло из печати еще в 1792 году. Будущий вице-губернатор стал, таким образом, первым костромским краеведом.

Указ 12 декабря 1796 года⁴ обратил наместничество в губернию, которая, несмотря на сокращение количества уездов до двенадцати, вплоть до 1918 года существовала в границах наместничества, однако функция первого лица изменилась и сделалась сугубо полицейской. С учреждением министерств губернаторы служили в Министерстве внутренних дел и, согласно указу 1802 года «О непреступлении губернаторами пределов власти»⁵,

в деятельность других министерств не вмешивались. То есть они всего лишь обеспечивали сбор пошлин, установленных Министерством финансов, набор рекрутов в количестве, определенном Морским и Военным министерствами, а их сверхзадачу как нельзя лучше определял николаевский 1837 года «Наказ гражданским губернаторам», в соответствии с которым губернаторы «как непосредственные начальники вверенных им высочайшею Государя Императора волею губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы Государства и повсеместного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»⁶.

Единственной цели подчинялась и деятельность всех губернских учреждений. Донельзя ограниченное самоуправление как городское, существовавшее с 1785 года, так и земское, открытое в 1865 году, к исходу XIX столетия превратилось, по существу, в хозяйственное управление при губернаторе, который в соответствии с «Городовым положением» и «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» утверждал списки избирателей, гласных городских дум и земских собраний и председателей уездных земских управ, а следом – и постановления городских дум и земских собраний, представлял на утверждение министру внутренних дел кандидатуры городских голов и председателей губернской земской управы и по закону от 22 июля 1866 года имел право ревизовать все губернские учреждения и для отчета вызывать к себе всех должностных лиц губернии, каковыми с 1890 года и являлись земские служащие. К тому же при посредничестве губернских по городским (с 1870 года) и земским (с 1891 года) делам присутствий, впоследствии преобразованных в одно губернское по земским и городским делам присутствие (с 1895 года), губернатор не только контролировал органы местного самоуправления, но и для поддержания порядка на подведомственной им территории принуждал их организовывать всевозможные пикеты и заставы и субсидировать деятельность полиции и многочисленных других правоохранительных служб.

Судебная власть, законом от 20 ноября 1864 года, казалось бы, отделенная от административной, также утратила независимость, когда губернатор получил право отвода нежелательных кандидатов на должности уездных мировых судей и присяжных заседателей окружного суда. С другой стороны, судебная власть подменялась и постепенно вытеснялась такими внесудебными учреждениями, как губернские присутствия, возглавлявшиеся губернатором, который с 1904 года председательствовал и в так называемом «особом совещании», состоявшем из начальника губернского жандармского управления и прокурора окружного суда и руководившем производством дознания по государственным преступлениям. По закону от 14 августа 1881 года «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» губернатор имел право запретить любое общественное и частное собрание, закрыть любое торговое и промышленное заведение, арестовать на месяц и выслать за пределы губернии любого жителя, сочтенного им неблагонадежным⁷.

В целом, не считая губернского правления, которое из коллегиального органа управления в итоге сделалось второй канцелярией губернатора, последний возглавлял два десятка различных учреждений и ежедневно подписывал

до трехсот всевозможных бумаг, главнейшей из которых был ежегодный всеподданнейший отчет о состоянии дел в губернии.

От хозяйственных обязанностей для исполнения полицейских освобожден был также вице-губернатор (ранее – правитель наместничества), который до 1845 года возглавлял казенную палату. Отныне, кроме замещения первого лица, ему поручалось наблюдение за делопроизводством губернского и уездных правлений, полицейских управлений, исправительно-арестантских отделений и тюрем, а с 1882 года – цензура частных периодических изданий.

События первой русской революции оказались критическими для большинства губернаторов, которым силой пришлось подавлять антиправительственные выступления в своих губерниях, причем должностей лишились как те, кто проявил излишнюю, так и те, кто проявил недостаточную решительность. В условиях Первой мировой войны губернаторы сыграли важную роль в проведении мобилизаций, переводе на военный лад промышленности, размещении многочисленных беженцев из западных областей России. Однако тяжелой характер, тяжести и лишения военного времени, усугубленные нараставшей нехваткой продовольствия, припасов подорвали к 1917 году у населения авторитет местной власти.

Телефонным звонком председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова 5 марта 1917 года все губернаторы были отстранены от власти, которая передавалась председателям губернских земских управ с возложением на них обязанностей губернских комиссаров, однако аппарата власти они не имели⁸. Лишь через полгода, 17 сентября 1917 года, чтобы усилить единоначалие и восстановить деятельность большинства прежних губернских учреждений, Временное правительство приняло «Положение о губернских и уездных комиссарах», но выполнять его было уже некому, и в Костромской губернии, как и России в целом, реальная власть оказалась у Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, действовавших на коллективной основе и несравнимо решительнее представителей Временного правительства.

В конце 1917 и начале 1918 годов власть в Костромской губернии осуществлялась президиумом губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, однако по мере укрепления диктатуры пролетариата все больше смещалась в сторону губернского комитета РКП (б), образованного в сентябре 1918 года. Формально распорядительные функции принадлежали исполнительному комитету губернского Совета депутатов и его председателю, однако руководящие решения принимались губернским комитетом партии большевиков, возглавлявшимся председателем или секретарем, а с октября 1920 года – ответственным секретарем губернского комитета РКП (б), который производил подбор, расстановку и воспитание руководящих кадров, осуществлял контроль за деятельностью всех губернских учреждений и принимал административные, судебные, хозяйственные и другие решения, то есть выполнял функции, не свойственные органу политической партии и не предусмотренные конституцией государства. Эта установившаяся схема управления существовала фактически весь советский период истории страны и Костромского края.

Местное самоуправление в Костромском крае, как и во всей стране, большевиками было ликвидировано, а территория края подвергнута большому сокращению. Постановлением III Всероссийского съезда Советов была создана Иваново-Вознесенская губерния, которой в 1918 году отошли наиболее экономически развитые уезды Костромской губернии: Кинешемский и Юрьевецкий полностью и большинство волостей Нерехтского, а постановлением ВЦИК 5 июля 1922 года – еще и Макарьевский; обширнейшие Варнавинский и Ветлужский уезды Костромской губернии были переданы Нижегородской губернии.

В результате край лишился не только приволжской промышленности и сельского хозяйства и основных лесных и минеральных запасов, но и богатейшего культурного наследия, а главное – населения. Его численность в те годы сократилась до количества полуторавековой давности, когда в наместничестве оно составляло 806 922 человека (в 1814 году – 861 216, в 1853 году – 1 млн, в 1899 году – 1,5 млн, а в 1913 году – 1 819 239 жителей). И если в 1820-е годы в Костромской губернии насчитывалось всего только 136 промышленных предприятий, то к исходу XIX века их стало 2 035 с валовым доходом 58 011 043, а в 1913 году – 146 млн рублей⁹. В 1913 году, кроме того, в Костромской губернии действовали 1 369 земских и народных училища с 82 555 учащимися, 364 церковно-приходские школы и 11 двухклассных школ с 17 962 учениками, а количество больниц и лечебниц достигло 175, и они одновременно могли принять 3 457 пациентов¹⁰.

Население столицы губернии, в 1913 году составлявшее 50 тысяч жителей, через 20 лет, наоборот, удвоилось, однако ни одного нового производства и ни одного нового общественного здания в Костроме в эти годы не прибавилось. Единственное высшее учебное заведение в середине 1920-х годов было закрыто, Костромское научное общество разогнано. В апреле 1929 года Кострома стала районным центром Ивановской промышленной области.

Костромская область с 26 районами указом Президиума Верховного Совета СССР была образована 13 августа 1944 года. После административных изменений в области осталось 24 района. Ее территория составила 58 тысяч квадратных километров, а население – 847,3 тысячи человек.

В сравнении с довоенным периодом изменилось и социальное происхождение руководящих кадров. Из 22 послевоенных руководителей не менее 15 (68,2 %) имели происхождение из рабочих и крестьян. И в личных делах руководителей области все чаще появляются записи об окончании институтов, академий, экономических или юридических факультетов университетов.

Партийное руководство хозяйством области обусловило соответствующую структуру обкома и райкомов КПСС, в которых важную роль играли отраслевые отделы – промышленный, транспортный, строительный, сельского хозяйства и др. Аналогичные подразделения имелись и в исполнительных органах власти, что приводило к дублированию функций. Особенно много путаницы в управлении возникло после решения ноябрьского пленума ЦК КПСС 1962 года о разделении партийных организаций на сельские и промышленные. Вместе с тем через партийные организации, которые существовали на всех предприятиях, во всех колхозах и совхозах, решения

руководства оперативно доводились до трудовых коллективов, внутри и между которыми организовывалось социалистическое соревнование, принимались «встречные» обязательства. Успешное выполнение планов и социалистических обязательств стимулировалось морально и материально.

В первые же годы существования Костромской области значительно улучшилось ее экономическое положение и укрепилась внутриобластные связи. Важными событиями костромской истории стали пуск в эксплуатацию железной дороги Кострома – Галич протяженностью в 127 километров (1956) и полная электрификация области. В 1950–1980-е годы вступили в строй костромские заводы деревообрабатывающих станков, автоматических линий, «Мотордеталь», «Строммашина», «Текстильмаш» и др., и Кострома стала не только центром текстильной промышленности, но и крупным центром машиностроения. В 1960–1980-е годы строится крупнейшая в Европе тепловая электростанция – Костромская ГРЭС и готовится площадка под строительство Костромской АЭС. Большое значение для населения и экономики всей области приобрел автопешеходный мост через Волгу в Костроме (1970). В столице области в это время идет активное жилищное строительство, и в 1960–1980-х годах появились такие новые жилые микрорайоны, как Черноречье, Якиманиха, Паново, Юбилейный и Давыдовский.

Дальнейшее развитие в области получает высшее образование. Всероссийское признание получили костромские университеты – КГУ и КГТУ, сельскохозяйственная академия и военная академия радиационно-химической безопасности.

Общее количество предприятий и организаций в Костромской области в 1985 году составляло 2 831, а численность населения области – 800 тысяч человек, в том числе 540 тысяч городского и 260 тысяч сельского. В области насчитывалось 554 школы с 91 тысячей учащихся, 101 медицинское учреждение с 2 600 врачей и 10 400 медсестер, акушерок и других работников медицинского персонала. В том же году на территории области был построен 391 жилой дом и на одного жителя приходилось 16,5 квадратных метров жилья¹¹.

В ходе политических и экономических реформ 1990-х годов снижение объемов промышленного производства в области составило 86 % в 1995 году к уровню 1984 года. Сокращаются посевные площади и производство зерна до 195,4 тысяч тонн с 241,3 тысяч тонн в 1985 году, поголовье крупного рогатого скота до 254,3 тысяч в 1994 году по сравнению с 343,1 тысячами в 1985 году. Ухудшается питание костромичей мясом, молоком и другими продуктами¹², и население области ежегодно уменьшается на 10 тысяч жителей.

Отмена руководящей роли КПСС в Костромской области привела к тому, что пост первого секретаря обкома с 1990 года стал совмещаться с должностью председателя областного совета. События августа 1991 года повлияли на перераспределение власти в Костромской области: руководящие полномочия в Костромской области перешли к председателю областного Совета народных депутатов. При этом оставалась и должность председателя исполнительного комитета областного Совета (облисполкома). В декабре 1991 года должность председателя облисполкома в соответствии с указом президента

Российской Федерации получила новое название: глава администрации Костромской области. В своей деятельности в 1992 – октябре 1993 года глава администрации был подотчетен областному Совету.

В 1994 году после прекращения полномочий Советов народных депутатов возник новый законодательный (представительный) орган власти – Костромская областная дума, на заседании которой 29 июня 1995 года был принят Устав области, определивший полномочия главы администрации области. «Наименование должности “глава администрации” и “губернатор области”, – говорилось в нем, – равнозначны. Губернатор – высшее должностное лицо области, которое руководит ее деятельностью на принципах единоначалия»¹³.

В постановлении от 25 мая 2004 года «О распределении обязанностей по руководству администрацией Костромской области» указано, что губернатор руководствуется в своей деятельности Конституцией, Уставом, федеральными и областными законами. В круг его полномочий входит представление области в отношениях с федеральными органами, другими областями и республиками России, зарубежными государствами. Он также имеет право участвовать в заседаниях областной думы, выступать с законодательной инициативой, представлять бюджет развития народного хозяйства области и отчет о его исполнении, подписывать (либо отклонять) принятые думой законы, назначать (освобождать) руководящие кадры комитетов, управлений в соответствии со структурой аппарата, утверждаемой областной думой, и т. д. В соответствии с Уставом (ст. 28) губернатор имеет право роспуска областной думы.

В настоящее время после внесенных изменений в законодательство Российской Федерации, по представлению Президента РФ областная дума наделяет главу области властными полномочиями.

Идея создания книги возникла в декабре 2002 года, когда автор статьи в частной беседе поделился ею с В. П. Ижицким и В. А. Шершуновым. Поддержанный в стремлении создать исследование о первых лицах наместничества – губернии – области за весь период истории, автор проекта вовлек в осуществление этой идеи ряд историков, краеведов. Общими усилиями был составлен перечень руководящих лиц за более чем два века существования самостоятельной административно-территориальной единицы – Костромской области. Вместе с тем на стадии исследовательской работы положение усугубилось тем, что при пожаре 1982 года в Государственном архиве Костромской области оказалась утраченной значительная часть источников фонда губернатора. Тем не менее, усилиями множества людей – архивистов, краеведов, историков, технических работников, всех кто понимал и душой болел за ставшее уже общим делом подготовки этого важного исследования, – удалось вернуть значительный массив материалов, позволивших частично восстановить утраченные сведения о первых лицах Костромского края. В этой связи хотелось бы выразить искреннюю благодарность за помощь в подготовке книги преем-службе Администрации Костромской области, заместителю директора Государственного архива Российской Федерации кандидату исторических наук О. В. Маринину; научным сотрудникам Российского государственного исторического архива в С.-Петербурге; работникам

ГАНИКО Т. М. Карповой, ГАКО – Г. В. Давыдовой, М. Г. Кузнецовой, М. С. Недомарацкой; кандидатам исторических наук М. В. Ермушину, Г. Н. Четверухину. К сожалению, пока книга готовилась к публикации, ушли из жизни принимавшие активное участие в ее создании А. М. Елизаров, В. Л. Миловидов, Ф. А. Лапшин, Л. Б. Шульц.

Книга, предлагаемая читателям, подготовлена коллективом историков на основании нескольких групп источников. Первую составляют законодательные акты, высочайшие указы, постановления Правительствующего Сената, Временного правительства и высших советских и партийных органов, которые содержат сведения об административно-территориальном делении и экономическом положении края в разные годы, юридическом статусе первых лиц наместничества, губернии и области. Вторую группу источников составляют материалы официального делопроизводства – всеподданнейшие отчеты и распоряжения наместников и губернаторов, их послужные списки, протоколы и стенограммы заседаний пленумов, конференций и съездов советских и партийных органов и характеристики советских и партийных руководителей края, отражающие различные этапы истории, особенности развития и преобразований, численность и состав населения, количество промышленных и торговых заведений, учебных и лечебных учреждений края в разные годы, а также сведения о происхождении, вероисповедании, образовании, имущественном и семейном положении, доходах и размере содержания, карьере, званиях, чинах и наградах первых лиц края. Третью группу источников образуют материалы периодической печати как центральной, так и местной («Костромские губернские ведомости», «Костромской листок», «Поволжский вестник», «Северный рабочий», «Советская газета», «Красный мир», «Северная правда» и др.), публиковавшей законодательные акты, постановления и распоряжения различных органов власти и их руководителей, а кроме того, описания их повседневной деятельности, позволяющие вынести ей оценку. Четвертая группа объединяет источники личного происхождения – воспоминания, дневники и письма как основных персонажей настоящего издания, так и их современников, выявляющие личные качества того или иного руководителя края. И, наконец, к пятой группе источников относятся справочные, биографические издания, статистические сборники и другие.

Авторы этой книги, написанной в жанре биографий, стремились не только показать значимость руководителя в разные периоды истории России, но и через «человеческое измерение» представить эпоху. Выявляя мотивы поступков руководителей, их личные и человеческие качества, авторы утверждают, что в разные времена развития России (мирные и чрезвычайные) очень многое зависело от конкретных людей, чей административный талант накладывал отпечаток на развитие Костромского края и даже определял разворот исторических событий.

Служение Отечеству, работа на посту руководителя губернии (области) в интересах подавляющего большинства населения, безусловно, находит благодарный отклик в сердцах костромичей.

КОСТРОМСКИЕ НАМЕСТНИКИ

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ МЕЛЬГУНОВ

(09.02.1722–02.07.1788)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» о роде Мельгуновых сообщается: «Род Мельгуновых происходит от Яна Минигалева, выехавшего в Россию из Польши, коему по крещении дано имя Иван Мельгунов. Потомки его служили Российскому Престолу дворянские службы, и жалованы были от государей в 1597-м и других годах поместьями, а некоторые и знатными чинами и орденами»¹.

Первый ярославский генерал-губернатор (23.02.1777–02.07.1788) и костромской наместник (05.09.1778–01.11.1779) А. П. Мельгунов был сыном действительного статского советника и Санкт-Петербургского вице-губернатора Петра Наумовича Мельгунова (01.12.1685–08.05.1751) и Ефимьи Васильевны, урожденной Римской-Корсаковой (08.07.1705–16.05.1762)². А. П. Мельгунов поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус (20.01.1737), был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк и принят камер-пажом к высочайшему двору (01.11.1740).

М. И. Семевский утверждал: «В начале царствования Елизаветы, будучи еще камер-пажом, он подружился с И. И. Шуваловым; эта дружба и выдвинула его в эпоху могущества образованного фаворита. Мельгунов любил науку, был поклонником искусств и получил весьма солидное образование; питомец главнейшего в XVIII веке расадника русских государственных деятелей, сухопутного шляхетского кадетского корпуса, Мельгунов вырос на немецких книгах и немецком языке. Немецкий язык весьма пригодился ему при сближении с Петром Федоровичем. Во второй половине царствования

Елизаветы, именно с 16 декабря 1756 года, мы видим Мельгунова в звании директора сухопутного шляхетского кадетского корпуса; три года спустя по его назначении, 12 февраля 1759 года, великий князь сделан был шефом корпуса; Мельгунов стал, таким образом, главным помощником наследника престола по управлению корпусом... Государь произвел Мельгунова в генерал-поручики; ему было отведено порожнее место, от екатерингофского моста, от С.-Петербурга по правой стороне; наконец, государь пожаловал ему "в вечное и потомственное владение тысячу душ крестьян в Ладожских Рядках и в Порожской волости и с принадлежащими угодьями"³.

К этому необходимо добавить, что А. П. Мельгунов, бригадир (25.12.1755), генерал-майор (30.08.1760) и генерал-поручик (09.02.1762), кавалер орденов Святого Александра Невского (10.02.1761) и Святой Анны I степени (09.02.1762) и шеф Ингерманландского пехотного полка (25.04.1762), являлся также членом Нарочной комиссии (06.03.1762) и Особого собрания (18.05.1762) при императоре и одним из авторов Указа о вольности дворянства, освобождавшего дворянство от телесных наказаний и обязательной службы.

В день переворота 28 июня 1762 года он находился с Петром III и вместе с ним был арестован, но вскоре прощен и назначен Новороссийским генерал-губернатором⁴. По словам его биографа Л. Н. Трефолева, «деятельность Мельгунова-администратора определяется в этом полудиком крае чрезвычайно противоположно: одни исторические сведения говорят, что в Заднепровье Алексей Петрович поступал с казаками и народом слишком сурово; другие же, напротив, данные представляют нам Мельгунова образованным администратором, обращавшим внимание даже на местные археологические памятники; так (в 1763 г.) он разрыл на берегу Днепра древние могилы и доставил найденные в них золотые и серебряные вещи в С.-Петербургскую академию наук»⁵.

Как бы то ни было, два года спустя новороссийский генерал-губернатор сделался сенатором, президентом Камер-коллегии и действительным членом Императорского Вольного экономического общества, а еще через два года – депутатом от Камер-коллегии в Комиссию для составления нового уложения. К тому времени относятся и его переводы из французской Энциклопедии⁶.

С 15 сентября 1774 года он являлся сенатором I Департамента Сената в Москве, а после того как в следующем году Российская империя, помимо губерний, получила разделение на полсотни наместничеств, 23 февраля 1777 года, не увольняя Мельгунова от сенаторства, императрица Екатерина II обратилась к нему с рескриптом следующего содержания: «Мы, почитая за благо учредить вновь Ярославскую губернию, всемилостивейше в оную определяем вас в должность генерал-губернатора и поручаем вам оную губернию, не опуская времени, объехать и, по данному от Нас вам примерному росписанию оной на двенадцать уездов, на месте удобность их освидетельствовать и как о сем, так и какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет, Нам самолично представить»⁷.

И Мельгунов блестяще справился с поручением, проявив при этом незаурядное знание исторической географии. Так, из Костромской провинции

в Ярославское наместничество он возвратил тяготевший к Ярославлю город Любим, объединил разделенные Волгой города Романов и Борисоглебск, превратил в города Рыбную слободу, Мологский посад и села Мышкино, Пертому, Даниловское и Петровское, а Ярославль – в подлинную столицу губернии. Согласно его и высочайше утвержденному 19 марта 1778 года генеральному плану, административный ансамбль из трех корпусов присутственных мест противостоял Ильинской церкви на одноименной площади, окруженной венцом из Семеновской, Власьевской, Богоявленской и Соборной площадей и Казанского, Кирилло-Афанасьевского и Спасского монастырей и соборного ансамбля, Ярославль прорезали длинные прямые улицы, которые пересекали полукольцевые, протянувшиеся от Волги до Которосли, а для того чтобы деревянная застройка быстрее сменилась каменной, за слом деревянных и строительство каменных зданий выплачивались деньги.

Этот опыт пригодился и после того как Мельгунов получил указ от 5 сентября 1778 года: «Всемиловнейше повелеваем Нашему Действительному Тайному Советнику, Ярославскому и Костромскому Генерал-Губернатору Мельгунову, по изданном от Нас в 7 день ноября прошлого 1775 года учреждениям для управления губерний Нашей Империи исполнить равномерно и в Костромской Губернии, составя сие новое Наместничество, по приложенному при сем росписанию... для городов Ветлуги и Кологрива избрать селения Генерал-Губернатору по лучшей удобности»⁸. И Ветлугой и Кологривом по избрании Мельгунова стали крупными торговые села Воскресенское и Кичино, выкупленные у их владельцев.

Как и в Ярославле, где, по словам Л. Н. Трефолева, Мельгунов «вынужден был вступить в борьбу с предрассудками наших предков, которые дорожили прежним, испокон веку заведенным порядком или, вернее сказать, беспорядком»⁹, костромичей Мельгунову пришлось убеждать «в благотворных последствиях открытия наместничества именно в Костроме»¹⁰. «К счастью, между совещателями, говорившими не в пользу Костромы, произошло разногласие: одни видели губернский городом Кинешму, другие – Юрьевец, третьи – Макарьев на Унже как более всего центральный город в губернии; но перевес остался на стороне защитников Костромы»¹¹.

29 января 1779 года началось генеральное межевание земель Костромского наместничества, еще через два дня открылось наместническое правление в Трапезном корпусе Богоявленского монастыря и до конца года были открыты также уголовная и гражданская палаты, уездный, совестный и сиротский суды, верхняя и нижняя расправы, приказ общественного призрения и пр.

Генеральный план Костромы, составленный в 1779 году и высочайше утвержденный 6 марта 1781 года, в отличие от ярославского, предполагал оппозицию административного и торгового ансамблей и площади на перекрестках, но, как и в Ярославле, улицы были проложены так, чтобы не повредить ни одну из трех десятков каменных церквей. Каменная же гражданская застройка, предусмотренная планом, однако отмененная полвека спустя, наверняка уберегла бы Кострому от общегородских пожаров 1847 и 1887 годов.

«Кончив теперь все распоряжения, какие следовало исполнить к приговору учреждаемого Костромского наместничества, с помощиею Божиею начну производить открытие сей губернии с 4-го числа сего декабря месяца», – сообщил А. П. Мельгунов императрице¹², и действительно в назначенный день под звон колоколов и пушечную пальбу объявил об открытии наместничества и принял присягу от чиновников, завершившуюся театральным представлением и народным гулянием, но свою миссию считал законченной лишь после того, как состоялись выборы губернского и уездных предводителей дворянства, судей и заседателей губернского и уездных судов, бургомистров, ратманов и городских голов, а также после того, как 31 июля 1779 года были высочайше утверждены составленные им гербы всех городов наместничества.

За Костромским наместничеством наступил черед Вологодского, учрежденного императрицей 25 января и открытого Мельгуновым 30 июня 1780 года¹³, уездные города которого Вельск, Грязовец, Кадников, Краснорборск и Никольск ранее были известны как ярмарочные села. Соответственно, фокусом трехлучевой композиции генерального плана Вологды, высочайше утвержденного 24 февраля 1781 года, являлся Кремль (Архиерейское подворье). Это напоминает Санкт-Петербург, однако не следует забывать, что Вологду своей резиденцией хотел сделать еще Иван Грозный.

Но самой изящной, пожалуй, получилась похожая на паутину планировка столицы Архангельского наместничества, открытого 3 сентября 1780 года¹⁴.

В Архангельске Мельгунов исполнил и секретное поручение императрицы, освободив из холмогорской тюрьмы детей мекленбургской принцессы Анны Леопольдовны и брауншвейгского герцога Антона-Ульриха, за что удостоился ордена Святого Андрея Первозванного (24.11.1780).

Известно немало примеров гуманизма А. П. Мельгунова. «Кормите народ и засевайте поля!» – требовал он от одного из земских исправников в неурожайном 1785 году, испросив на это у Екатерины II 20 тысяч рублей¹⁵. В следующем году в Ярославле он открыл дом призрения ближнего и главное народное училище, вдобавок к открытому еще в 1778 году училищу для дворянских детей. «По представлению Мельгунова Екатерина II перевела епископскую кафедру из Ростова в Ярославль; но в то же время Алексей Петрович решительно не терпел фанатизма. Однажды, по доносу романовского протопопа, привлечены были к ответственности местные кушцы и мешчане за нехождение в церковь. Уголовная палата присудила их к тюремному заключению, но Мельгунов велел немедленно прекратить дело и освободить всех старообрядцев, сидевших под стражей. «А впредь, – указал Мельгунов, – без моего предложения по таковым раскольническим делам ничего не исполнять!»¹⁶

В 1784 году в Ярославле открылась типография, в которой в 1786–1787 годах на средства Мельгунова издавался первый в российской провинции литературный журнал «Уединенный Пошехонец». Однако характеристика генерал-губернатора была неполной без упоминания и о том, что в Ярославле Мельгунов был основателем и бессменным руководителем масонской ложи, членами которой состояли и некоторые костромичи.

По свидетельству его современника Н. Д. Бентыш-Каменского, Мельгунов «был роста небольшого, белокур; имел приятную наружность; в обществах молчалив; с подчиненными строг; являл собой пример трудолюбия, жил в Ярославле пышно: часто угощал у себя чиновников и дворянство, кроме обеденных столов и балов, увеселял гостей театром, составленным из благородных особ»¹⁷.

В приделе Дмитрия Ростовского Спасской церкви Толгского монастыря под Ярославлем А. П. Мельгунов был погребен вместе с женой Натальей Ивановной, урожденной Салтыковой (01.07.1742–26.12.1782)¹⁸, дочерью генерал-аншефа И. А. Салтыкова (171?–1773).

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТУПИШИН

(около 1720–1786)

Из описания герба Ступишиных: «В голубом поле щита изображены крестообразно два Знамя и Копье, имеющие древки золотыя и серебряный Меч, положенный горизонтально. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Короною. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом.

Фамилии Ступишиных многия Российскому Престолу служили Сотниками, Окольными, Наместниками и в иных знатных чинах и жалованы были от государей в 7057/1549 году и других годах поместьями»¹.

А. А. Ступишин происходил из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Костромской², Московской, Пензенской и Симбирской губерниям³.

На военной службе находился с 1736 года и к концу жизни достиг высших чинов и наград. Участник русско-прусской (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн. Генерал-майор (1763), генерал-поручик (1773) и генерал-аншеф (1782).

Нижегородский губернатор (1773–1779) и генерал-губернатор (05.09.1779–1783)⁴, также и костромской (01.11.1779–11.09.1781)⁵ и вятский (11.09.1780–1783)⁶ наместник.

Сенатор (1783) и кавалер всех орденов вплоть до ордена Святого Александра Невского.

В его губернаторство были составлены карта всех почтовых дорог Нижегородской губернии (1782) и генеральный план Нижнего Новгорода (1782), в нижегородском Кремле началось строительство каменных губернских присутственных мест (1782)⁷, а в пределы Костромы были включены пригородные Рыбная, Кирпичная и Полянская слободы (06.03.1781)⁸.

РОМАН ИЛЛАРИОНОВИЧ ВОРОНЦОВ

(17.07.1717–30.11.1783)

Воронцовы вели свое происхождение от легендарного варяга Симона Африкановича, выехавшего в Киев около 1027 года. Дед Р. И. Воронцова Гаврила Никитич (около 1640–1678)¹ был стрелецким сотником и погиб при осаде города Чигирина, а отец Ларион Гаврилович (1674–25.05.1750)² служил костромским воеводой (1736–1738)³ и в первый же год службы женил своего сына, капрала лейб-гвардии Измайловского полка, на дочери костромского областного наместника И. М. Сурмина Марфе (17.06.1718–19.04.1745)⁴, оставившей ему сельцо Опалиху Сушевского стана.

«Сельцо Опалиха, в пяти верстах от города Костромы, стоит на речке Баклановке; дворов в ней 84, душ мужских 192 и женских 163, владения его сиятельства генерал-аншефа, действительного камергера, сенатора и разных орденов кавалера графа Романа Илларионовича Воронцова. А в оном сельце имеется господский дом господина графа, и при нем регулярный сад с плодовыми деревьями, из оного плоды употребляются для господина графа. Против сельца и господского дома, на речке Баклановке – плотины и устроены три пруда, а в них разводится рыба: караси, карпы, щуки и окуни, – которые улавливаются и употребляются для господского стола господина графа.

В сельце Опалихе имеется каменная фабрика, полотняная, о 70-ти станках; на оной работают крестьяне графа Воронцова из оного сельца Опалихи, а ткут на оной фабрике флотские полотна, равендуки и коломянки, ценою от 10-ти копеек до 14-ти, и отправляют в Санкт-Петербургский порт»⁵.

В том же 1736 году Р. И. Воронцов дослужился до звания фурыера, затем подпрапорщика (1737), сержанта (1738), прапорщика (1739) и подпоручика (1740) и этим бы наверняка и довольствовался, если б не старший брат Михаил Илларионович (12.07.1714–15.02.1767)⁶, паж (1728), камер-паж (1730), гоф-юнкер (1733), камер-юнкер (1735) и фаворит цесаревны Елизаветы Петровны, а также организатор дворцового переворота 25 ноября 1741 года в ее пользу, после которого он получил титул графа, звание генерал-поручика, чины действительного тайного советника и действительного камергера, должность вице-канцлера, орден Святого Александра Невского и двоюродную сестру императрицы А. К. Скавронскую (1723–1775)⁷ в качестве жены.

Соответственно и Р. И. Воронцов, препроводивший в ссылку регентшу Анну Леопольдовну, также сделался камер-юнкером (03.01.1742), затем камергером (1746), генерал-майором и кавалером ордена Святого Александра Невского (1751), генерал-поручиком (1756), графом (19.01.1760) и сенатором (16.08.1761); с воцарением Петра III, фавориткой которого оказалась дочь Р. И. Воронцова, Елизавета (13.08.1739–02.02.1792), – генерал-аншефом и кавалером ордена Святого Андрея Первозванного (25.12.1761); при Екатерине II – действительным тайным советником и действительным камергером (1762), соучредителем Императорского Вольного экономического обще-

ства (15.06.1765), депутатом Комиссии для составления нового уложения от дворянства Шлиссельбургского и Вологодского уездов (1767), действительным членом Императорской Российской Академии (1783) и пр. Одним словом, к старости достиг высших военных, государственных и придворных чинов и званий, а поскольку они сопровождалась материальным вознаграждением, своим поместьям Р. И. Воронцов потерял счет. За жадность его прозвали Роман - Большой Карман.

В конце концов его содержание в столице для казны стало настолько обременительным, что 2 марта 1778 года его отправили генерал-губернатором во Владимир⁸, но поскольку одной губернии для его удовлетворения было мало, назначили также Тамбовским (16.09.1779–15.09.1780), Пензенским (15.09.1780–28.09.1781) и Костромским (28.09.1781–30.11.1783)⁹ заместником.

По многочисленным свидетельствам современников, Воронцов «своими поборами и лихоимством довел эти губернии до крайнего разорения. Слух об этом достиг императрицы, и она в день его именин прислала ему в подарок кошелек. Получив такой «двоязначный» знак монаршей милости при гостях, Роман Илларионович был так поражен, что вскоре умер»¹⁰. Его могилу поместили во владимирском Дмитриевском соборе.

Из детей Р. И. Воронцова известны дочери Мария (26.02.1737–1787?), бывшая замужем за графом П. А. Бутурлиным (08.06.1734–10.06.1787)¹¹, Елизавета (13.08.1739–02.02.1792), бывшая замужем за статским советником А. И. Полянским (1721–1818)¹², и Екатерина (17.03.1743–04.01.1810), бывшая замужем за князем М.-К. И. Дашковым (1736–1764)¹³, и сыновья Александр (04.09.1741–02.12.1805)¹⁴ и Семен (15.06.1744–26.06.1832)¹⁵. Последние были видными дипломатами и писателями¹⁶, а младшая дочь – директором Императорской Академии наук (1783–1794) и президентом Императорской Российской Академии (1783–1794)¹⁷.

ИВАН ПЕТРОВИЧ САЛТЫКОВ

(28.06.1739–14.11.1805)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» о роде Салтыковых читаем: «Начальник сего рода Михайла Салтыка сын Андрей Салтыков в 1508 году при Великом Князе Василье Ивановиче жалован был Оружейничим. Равным образом и прочие потомки помянутого Михайла Салтыка многие служили Российскому Престолу в разных знаменитых чинах»¹.

Отец И. П. Салтыкова граф П. С. Салтыков (1698–26.12.1772)² прошел путь от солдата (1714) до генерал-фельмаршала (18.08.1759)³ и московского

генерал-губернатора (15.05.1763–13.11.1771)⁴. Во время русско-прусской войны (1756–1763) он командовал армией, разгромившей армию короля Фридриха Великого в битве при Кунесдорфе (1759), а весть об этом императрице в Санкт-Петербург доставил его сын, поручик И. П. Салтыков, получивший этот чин за личную храбрость в битве при Цорндорфе годом ранее. Впоследствии он отличился также при взятии Эльбинга (1758) и Кенигсберга (1758) и закончил войну генерал-майором (1761) и кавалером ордена Святого Александра Невского (1762).

Во время первой русско-турецкой войны (1768–1774) генерал-поручик (1766) и генерал-аншеф (1773) И. П. Салтыков командовал войсковым соединением, разбившим армию Молдаванчи-паши (1769) и одержавшим победы в сражениях при Ларге (1770), Кагуле (1770), Турно (1773) и Туртукае (1774).

Это генерал-аншефу И. П. Салтыкову было адресовано знаменитое донесение генерал-майора А. В. Суворова: «Ваше Сиятельство! Мы победили. Слава Богу, слава Вам!»⁵ Тогда они оба удостоились орденов Святого Георгия II степени и золотых шпаг «За храбрость», однако впоследствии И. П. Салтыков будто бы сказал, что Суворов только практик и не знает тактики, а А. В. Суворов будто бы ответил: «Я не знаю тактики, да тактика меня знает, а Ивашка не знает ни тактики, ни практики»⁶. Зато достоверно известно, что ни один, ни другой не знали поражений.

В 1780–1784 годах Салтыков командовал войсковым соединением, прикрывавшим турецкую границу и во время второй русско-турецкой войны (1787–1791) осаждавшим крепость Хотин вплоть до ее сдачи (21 июня – 18 сентября 1788 года), затем возглавлял Кубанскую дивизию (1789), Финляндский корпус – во время русско-шведской войны 1788–1790 годов – и Финляндскую армию, в 1790–1792 годах прикрывавшую сухопутную границу со Швецией, и за доблесть был пожалован орденами Святого Андрея Первозванного (1782), Святого Владимира I степени (1789), алмазными знаками ордена Святого Андрея Первозванного (1790) и золотой шпагой с алмазами (1790), а также званиями подполковника лейб-гвардии (08.09.1790), полковником которой именовалась императрица, и генерал-фельдмаршала (15.12.1796)⁷.

Не менее успешно, чем военная, складывалась и его гражданская служба: он был владимирским генерал-губернатором (09.02.1784–30.07.1788)⁸ и костромским наместником (09.02.1784–30.07.1788)⁹, а также и киевским (18.11.1796–29.11.1797) и московским (29.11.1797–01.05.1804) генерал-губернатором¹⁰. Во Владимире и Костроме при нем в 1785 году появились городские думы, в следующем году открылись главные народные училища¹¹, в 1787 году – ремесленные управы, а в Москве в 1802 году открылся Екатерининский институт и началось строительство каменного моста через Яузу¹².

И. П. Салтыков, как и его отец¹³, слыл решительным и неподкупным администратором¹⁴.

Женой И. П. Салтыкова была Дарья Петровна, урожденная графиня Чернышева (20.09.1739–23.12.1802), дочь графа П. Г. Чернышева (25.03.1712–

20.08.1773)¹⁵, а старшая дочь И. П. Салтыкова Прасковья (07.05.1771–11.12.1859) была женой тайного советника П. В. Мятлева (1756–1833) и матерью поэта И. П. Мятлева (28.01.1796–13.02.1844)¹⁶.

Все перечисленные Салтыковы похоронены в Спасской церкви родового села Никольского Ярославского уезда¹⁷.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАБОРОВСКИЙ

(18.05.1735–17.09.1817)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» даются следующие сведения о роде Заборовских: «Род Заборовских происходит от выехавшего к Великому Князю Василию Ивановичу из Польши мужа честна Дмитрия Заборовского, называемого Гвоздь, которого Великий Князь пожаловал вотчинами. Потомки его, Заборовского, многие Российскому Престолу служили наместниками, стольниками, воеводами и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями другими почестями и знаками монарших милостей»¹.

И. А. Заборовский, сын отставного майора А. М. Заборовского, происходил из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Калужской и Тверской губерниям², и, подобно большинству дворянских детей, в 1751 году был записан капралом в гвардию, однако служил в армии, где и получил в 1754 году первый офицерский чин подпоручика. Был участником русско-прусской войны 1756–1763 годов и Гросс-Егерсдорфского сражения 19 августа 1757 года, за отличие в котором удостоился чина капитана, в 1760 году – премьер-майора, а в 1763 году – подполковника Черниговского гусарского полка. Вместе с полком впоследствии был также участником первой русско-турецкой войны (1768–1774), взятия Бендер (16.09.1770), за что он получил чин полковника, затем взятия Перекопских укреплений и крепости Кефа (29.06.1771) и др. В чине бригадира он отличился в битве при Козлуджи (09.06.1774), после чего с авангардом из семи батальонов успешно преследовал полк сераскира Дагистанали-паши до Шумлы, осадил ее и отразил несколько вылазок турок, а в конце войны со своим отрядом совершил рейд до Чельковака, где пленил Юзефа-пашу, разбив его отряд, охранявший пути сообщения с Константинополем, и был пожалован чином генерал-майора, орденом Святого Георгия IV степени и золотой шпагой с алмазами – «за знаменитое, удачное предприятие за Балканскими горами»³.

После войны в чине генерал-майора И. А. Заборовский служил правителем Ярославского наместничества (03.08.1777–16.02.1781)⁴, в чине генерал-поручика (1782) – предводителем дворянства Краснохолмского уезда

Тверского наместничества (1781–1783) и правителем Тульского наместничества (1784–30.07.1788)⁵. 14 февраля 1788 года был назначен командующим сухопутными силами Архипелагской экспедиции и, соответственно, сухим путем отправился в Адриатику, где, согласно инструкции⁶, приступил к формированию иностранного легиона, в который едва не записался и 18-летний поручик Наполеон Бонапарт. Экспедиция помешала лишь русско-шведская война 1788–1790 годов, но этот случай Заборовский впоследствии не раз вспоминал и рассказал о нем Александру I⁷.

В конце мая 1788 года и все последующие годы И. А. Заборовский занимался сугубо мирным делом: был владимирским генерал-губернатором, костромским наместником (30.07.1788–17.12.1796)⁸. При нем Кострома разделалась на Александровскую и Константиновскую части (1788), в ней были учреждены так называемая «Девятая» ярмарка (1789) и сенной торг на Павловской площади (1791), открыты народные училища в Галиче (1790), Кишме (1790), Макарьеве (1790) и Нерехте (1791), дом для умалишенных в Костроме (1793) и почтовая контора в Чухломе (1793), построены присутственные места во Владимире (1790) и губернаторские дома в Костроме (1795) и Владимире (1796).

С учреждением Владимирской и Костромской губерний И. А. Заборовский, генерал-поручик и кавалер орденов Святого Александра Невского, Святого Владимира II и III, Святой Анны I и II и Святого Георгия III и IV степеней, был переименован в действительного тайного советника и назначен сенатором Московского департамента Правительствующего Сената (17.12.1796).

Императрица Екатерина II, по свидетельству современников, «ценила его твердый нрав и говорила, что он ближе всех подходил к Константинополю»⁹, однако еще более горячего поклонника Иван Александрович Заборовский имел в лице губернского секретаря Ивана Воскресенского, посвятившего ему четыре оды, одна из которых, к примеру, называлась так: «Ода на всерадостнейший день коронавания Ея Императорскаго Величества всепресветлейшей державнейшей великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, поднесенная Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Порутчику, правящему должность Владимирскаго и Костромскаго Генерала Губернатора и орденов Святого Александра Невского, Святого Равноапостольнаго Князя Владимира второй степени, Святого Великомученика Георгия третьяго класса и Святыя Анны Кавалеру Ивану Александровичу Заборовскому. Во изъявление высокопочитания и преданности, секретарем Иваном Воскресенским, во Владимире, Сентября 22, 1793 года. В Костроме, в вольной типографии у Н. С. 1794 года, в лист».

Вместе с женой Елизаветой Федоровной, урожденной Лопухиной (04.04.1743–23.03.1820), дочерью тайного советника Федора Авраамовича Лопухина (?–30.04.1757)¹⁰ и внучкой царицы Евдокии Федоровны, урожденной Лопухиной (30.07.1669–27.08.1731), И. А. Заборовский был похоронен в Знаменской церкви московского Спасо-Андроникова монастыря¹¹.

ПРАВИТЕЛИ КОСТРОМСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ ШИШКИН

(около 1725–18.06.1781)

Алексей Семенович Шишкин происходил из старинного дворянского рода, внесенного в VI часть родословной дворянской книги по Костромской губернии¹.

На военной службе находился с 1741 года. Был участником русско-прусской (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн. Дослужился до званий генерал-провиантмейстера (1763) и генерал-майора (1773).

Правитель Костромского наместничества (05.09.1778–18.06.1781)². Подготовил к открытию и торжественно открыл присутственные места в уездных городах наместничества Нерехте, Плесе, Кинешме, Лухе и Юрьевце (1778)³.

Из описания родового герба костромских дворян Шишкиных: «В щите, имеющем красное поле, между двумя золотыми Лунами, рогами обращенными к бокам щита, изображен серебряной Мечь с переломленным Ефесом, над которым находится серебряная шестиугольная Звезда. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Короною и тремя Струсовыми перьями, по сторонам коих видны Масличная и Пальмовая ветви. Намет на щите красный, подложенный золотом. Щит держат два Льва, смотрящие в стороны, с загнутыми хвостами и выставленными языками.

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» отмечается: «Фамилии Шишкиных многия Российскому Престолу служили наместниками и в иных чинах и жалованы были от Государей в 7094/1586 и других годах поместьями»⁴.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ АЛАЛЫКИН**(01.11.1726–10.12.1782)**

Александр Ильич Алалыкин происходил из дворянского рода¹, внесенного в VI часть родословной книги по Костромской губернии². Навоенной службе с 1742 года. Участник русско-прусской (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн. Адьютант генерал-фельдмаршала графа П. С. Салтыкова (1764). Бригадир (1774).

Председатель ярославской Уголовной палаты (1778). Поручик правителя (05.09.1778–10.12.1782) и исправляющий должность правителя (18.06.1781–28.06.1781) Костромского наместничества Ярославской (1778–1779), Нижегородской (1779–1781) и Владимирской (1782) губерний³.

Владелец усадьбы Дубяны Галичского и сельца Кононово Нерехтского уездов.

Дети: Елизавета (1768–?), Александр (1769–?), Андрей (1771–?), Федор (1774–?), Елена (1777–?), Николай (13.02.1778–12.10.1853) и Наталья (1783–?). Жена – Прасковья Александровна, урожденная Баргенева (07.10.1747–12.03.1815). Во втором браке замужем за советником Костромского наместнического правления Н. П. Колычевым (23.10.1743–03.01.1791)⁴.

Все похоронены в Дубянах⁵.

ИВАН ЛЬВОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ**(22.10.1736–03.02.1793)**

Иван Львович Чернышев – сын отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка Л. С. Чернышева¹, род которого был внесен в V и VI части дворянской родословной книги по Калужской, Курской и Рязанской губерниям².

На военную службу он был записан отцом в 1749 году. Капрал (16.03.1750), капитанармус (21.04.1750), сержант (25.04.1750), флигель-адъютант прапорщичьего чина (27.08.1754) и полковой адъютант (25.05.1755).

Армейским офицером (01.01.1757 – поручик; 09.10.1760 – капитан; 15.05.1761 – секунд-майор; 03.06.1762 – премьер-майор) участвовал в Семилетней русско-прусской войне 1756–1763 годов и был трижды ранен пулями – в ногу, бок и шею. В 1763 году был участником Польского похода и штурма крепости Станиславов, где его батальон пленил 4 000 конфе-

дератов. Подполковником (10.12.1764), полковником (01.01.1770) и бригадиром (17.03.1774) Нотембургского пехотного полка участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 годов, после которой в чине генерал-майора (27.06.1777) командовал Польским корпусом (1778–1779) и Украинской дивизией (1780–1781).

Последнее воинское звание генерал-поручика (28.06.1783) он получил в должности правителя Костромского наместничества (28.06.1781–23.01.1784)³, по оставлении которой был назначен сенатором (23.01.1784) и присутствующим 6-го Департамента Правительствующего Сената (26.01.1784), а через два года – членом особого комитета по делу о беспорядках в Московском комиссариате (17.11.1786)⁴. Кавалер ордена Святого Александра Невского. Владелец 99 душ крестьян. Похоронен в московском Донском монастыре⁵.

И. Л. Чернышев был женат на дочери армейского капитана Д. А. Ланского Евдокии (около 1760–1816)⁶. Их дочь Екатерина (25.03.1782–22.12.1851)⁷ была в замужестве за действительным тайным советником, обер-прокурором Святейшего Синода князем П. С. Мещерским (июль 1778–31.12.1857)⁸, а сын Александр (31.12.1786–08.06.1857)⁹ был председателем Государственного Совета (03.11.1848–05.04.1856) и носил титул светлейшего князя (22.08.1849)¹⁰.

АЛЕКСЕЙ ДАВИДОВИЧ ГОЛОСТЕНОВ (1740?–01.03.1792)

Алексей Давидович Голостенев происходил из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной дворянской книги по Костромской, Псковской и Тульской губерниям¹. Участник русско-прусской (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1774) войн. Бригадир, затем генерал-майор и правитель Костромского наместничества (20.03.1784–14.07.1787)².

Жена Анна Федоровна, урожденная Катенина (17.06.1756–?), дочь отставного полковника Ф. И. Катенина (1725?–1787)³.

Дети⁴ – Федор (20.12.1776–?), Мария (02.04.1778–1781), Александра (05.03.1780–1781), Петр (31.08.1781–?) и Александра (28.01.1785–23.09.1854)⁵. Младшая Александра была замужем (с 1801) за отставным подпоручиком И. А. Шиповым (1782–1823)⁶, после смерти которого приняла постриг в Воскресенском Горлицком монастыре Кирилловского уезда Новгородской губернии (12.07.1834) и впоследствии была игуменьей этого монастыря (1847–1854).

ИВАН ВАРФОЛОМЕЕВИЧ ЛАМБ**(1740?–29.12.1801)**

Иван Варфоломеевич Ламб – сын шотландского дворянина, киевского губернаторского товарища (1765) В. А. Ламб (ок. 1700 – ?)¹. Титулярный юнкер (1756) и протоколист (1758) Военной коллегии. Участник русско-прусской войны (1756–1763) и Франкфуртского сражения (01.08.1759). Переводчик Коллегии иностранных дел (08.03.1760). Секретарь (08.05.1762) и обер-аудитор (05.09.1762) капитанского чина Отдельного корпуса (Секретной экспедиции) фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева (1722–1784).

Капитан (1764), подполковник (1770) и полковник (1772) Пермского и бригадир Псковского (1778) пехотных полков. Участник русско-турецкой войны (1768–1774). Генерал-майор (05.05.1779) и правитель Пермского (07.05.1780), Уфимского (27.08.1782), Иркутского (1783–1786) и Костромского (14.07.1787–17.12.1796) наместничеств². Автор «Наставления командированному для выбора уездного поверенного к выбору в сельские заседатели учреждающегося Пермского наместничества Екатеринбургской области в верхнюю расправу и нижние земские суды и в нижние расправы» (05.09.1780)³.

Генерал-поручик (1788), генерал-аншеф (1796) и генерал от инфантерии (1800). Вице-президент Военной коллегии (1796) и член Непременного совета (1801). Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного (15.09.1801).

Владелец усадьбы Петрилово Костромского уезда с 203 душами крестьян (1789)⁴, купленной им у статской советницы А. И. Путятиной. В 1796 году был также пожалован имением в Минской губернии с 750 душами крестьян⁵.

Похоронен в палатке Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге⁷.

Жена Мария Ивановна, урожденная Лачинова (? – не ранее 1820)⁷. Дети: Анна (1768 – не ранее 1835)⁸, в первом браке за И. К. Васьковым⁹, во втором браке за отставным артиллерии штабс-капитаном И. М. Кобылиным (31.10.1781–13.05.1833)¹⁰, похоронена в селе Петрилово Костромского уезда¹¹; Мария (01.12.1771–01.05.1835)¹², замужем за статским советником А. П. Голохвастовым (20.04.1762–08.06.1824)¹; вместе с мужем похоронена в костромском Ипатьевском монастыре¹⁴; Петр (около 1780–около 1816), отставной сержант лейб-гвардии Преображенского полка¹⁵.

Со смертью последнего род Ламбов пресекся, однако императорским указом в 1816 году фамилия была передана И. И. Васькову (1789–1824)¹⁶ с правом именоваться Васьков-Ламб¹⁷.

КОСТРОМСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

БОРИС ПЕТРОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

(около 1745–1810?)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» отмечается: «Фамилии Островских многие Российскому Престолу служили дворянские службы и жалованы были от Государей в 7105/1597 и других годах поместьями»¹.

Б. П. Островский являлся сыном отставного прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка П. Я. Островского, род которого был внесен в VI часть дворянской родословной книги по Московской губернии².

Солдат (20.06.1761), капрал (21.07.1762), фурыер (12.02.1765), подпрапорщик (24.11.1765), каптенармус (01.01.1767), сержант (01.01.1768), прапорщик (01.01.1772), подпоручик (01.01.1773), поручик (15.03.1774), капитан-поручик (01.01.1777) и капитан (07.01.1777) лейб-гвардии Преображенского полка. Полковник и московский обер-полицмейстер (08.01.1781)³. Бригадир (28.01.1783). Действительный статский советник (07.01.1797).

Первый костромской губернатор (06.01.1797–04.06.1798)⁴. Им была открыта губернская врачебная управа (09.02.1797), принят губернский герб (05.03.1797), открыты лазарет на 98 мест и мужская и женская богадельни на 71 место (1797)⁵ и пр. При нем за десять месяцев 1797 года недоимка по доходам в 70 тысяч рублей была сокращена наполовину, а также было рассмотрено 56 616 дел, за что он удостоился высочайшего благоволения (06.01.1798)⁶.

«Правил когда-то костромской губернией, или, вернее, тиранствовал в ней некий, кажется, Островский, если память не обманывает меня, – сердитый, свирепый, злой, который ругал цензурно и нецензурно, позорил и чуть не бил своих подчиненных, то есть чиновников всей губернии, напавал», – передавал свидетельства о нем современников писатель Н. П. – Макаров (1810–1890)⁷.

Но и на старуху, как известно, бывает проруха, и 3 июня 1798 года тиран пал жертвой обыкновенного розыгрыша: «Костромской гражданский губернатор с чиновниками губерния явился на встречу Государя Императора. Монарх, для избежания лишних расходов, путешествовал с малочисленную свитой и высочайше повелеть соизволил: не делать никаких построек и расходов, и желал видеть чиновников по различным отраслям государственного управления на самом месте исполнения ими своих обязанностей. За несколько часов до приезда Государя, прибыл в Нерехту из Императорской свиты князь Нелединский, родственник костромского губернатора и вместе тайный его недоброжелатель, и дал коварный совет г. губернатору, чтобы он приказал городничему встретить Государя у городской заставы с отрядом гусар с обнаженными саблями. Неизвестно, эта или другая причина заставили Императора дать высочайший приказ о немедленном удалении начальника губернии из Нерехты⁸, а «вскоре и со службы»⁹.

Поводом для розыгрыша послужило новоизданное описание родового герба Островских: «В щите, имеющем золотое поле, изображены Ворота с тремя Башнями красного цвета, и в середине сих Ворот поставлен Воин с палашом. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Короною, на поверхности которой видны в щите означенные Ворота с тремя Башнями и на них пять Павлиных перьев. Намет на щите золотой, подложенный красным и зеленым цветом»¹⁰.

Замечательный поэт и переводчик Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752–1829), сопровождавший Павла I в обеих его поездках по Российской Империи, в июле того же 1798 года, впрочем, и сам впадал в немилость¹¹.

При Александре I Б. П. Островский, по-прежнему находившийся в отставке, владел каменным домом в Арбатской части Москвы, а также построил каменную Козьмодемьянскую церковь (1801) в одноименном селе Мологского уезда Ярославской губернии, в котором имел усадьбу.

Женой его была Мария Сергеевна, урожденная княжна Долгорукова (27.05.1754–23.02.1839)¹², дочь князя Сергея Никитича Долгорукова (1725–179?) и Варвары Осиповны, урожденной княжны Щербатовой (1732–1819)¹³. Из их детей известны сыновья Сергей и Дмитрий и дочери Анна, Варвара и Екатерина¹⁴.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОЧЕТОВ**(около 1742–28.04.1807)**

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» даются следующие сведения о роде Кочетовых: «Предок фамилии Кочетовых, Родион Гаврилов сын Кочетов в 7156/1648 и 7157/1649 годах написан в списке в числе дворян и детей боярских с поместным окладом. Равным образом и другия многия сего рода Кочетовы Российскому Престолу служили дворянския службы в разных чинах и жалованы были от Государей поместьями. Все сие доказывается справкою Разряднаго Архива и родословною Кочетовых, означенными в присланной из Московского дворянского собрания родословной книге»¹.

Н. И. Кочетов из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Московской губернии². На службе состоял с 1758 года и дослужился до чина тайного советника (09.07.1800). Кавалер орденов Святого Владимира IV и Святой Анны I–II степеней, а также командор ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

До назначения костромским губернатором (04.06.1798–28.04.1807)³ 9 месяцев служил рязанским вице-губернатором (29.08.1797–04.06.1798)⁴.

При нем вместо управы благочиния в Костроме была учреждена полиция (1798) и Кострома была разделена сначала на три (1798), затем на две (1801) полицейские части, а кроме того, при губернаторе появилась канцелярия, состоявшая из правителя и секретаря (1802), город Буй из заштатного вновь сделан уездным (1802), главное народное училище преобразовано в губернскую гимназию (1804), открыты Костромское (1805), Галичское (1805) и Нерехтское (1805) уездные училища, в губернии началось оспопрививание (1805), а в состав Костромы вошла Пищальная слобода (1806).

По отзывам современников, Н. И. Кочетов отличался добротой и гуманностью. Эти качества вполне проявились в его отношении к генералу А. П. Ермолову (24.05.1777–11.04.1861), арестованному по делу Смоленского офицерского кружка (26.12.1798) и сосланному в Макарьев. Из воспоминаний Д. В. Давыдова: «На все вопросы Ермолова курьер, который был родом турок, долго хранил упорное молчание; он был окрещен и благодетельствован дядею отца Ермолова. Узнав о том, что он едет к родственникам своего благодетеля, курьер, сделавшись весьма ласковым с ним, уведомил его, что ему было приказано передать его костромскому губернатору, почтенному и доброму Николаю Ивановичу Кочетову, для дальнейшей отсылки в леса Макарьева на Унже. Будучи доставлен к губернатору, Ермолов узнал в сыне его – бывшего сотоварища своего по московскому университетскому пансиону; по просьбе своего сына благородный Кочетов представил в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочел оставить его в Костроме»⁵.

Генерал А. П. Ермолов вспоминал: «По прибытии в Кострому мне объявлено назначение вечного пребывания в губернии по известному собственно государю императору преступлению. По счастью моему при губернаторе находился сын его, с которым в молодости моей учились мы вместе. По убеждению его он донес генерал-прокурору, что находит нужным оставить меня под собственным надзором для строжайшего наблюдения за моим поведением, и мне назначено жить в Костроме.

Некоторое время жил я в доме губернского прокурора Новикова, человека отлично доброго и благородных свойств... Полтора года продолжалось мое пребывание; жители города оказывали мне великодушное расположение, не находя в свойствах моих, ни в образе поведения, ничего обнаруживающего преступника. Я возвратился к изучению латинского языка, упражнялся в переводе лучших авторов, и время протекло почти неприметно, почти не омрачая веселости моей»⁶.

Ему вторил писатель Н. П. Макаров (1810–1890): «Благодушествовал в Костроме губернатором некто Николай Иванович Кочетов. Это был противоположный полюс Островского. Честнейший, добрейший, милейший господин, который не только делом или словом, но и взглядом никого не обидел. Его любимая поговорка была: "Об одном молю я моего Создателя: чтобы, в мое служение здесь, ни один человек не был отдан под суд". Память его долго жила и была благословляема всеми сословиями Костромской губернии»⁷.

Женой Н. И. Кочетова была Наталья Петровна, урожденная Хрущева, дочь отставного лейб-гвардии капитана Петра Михайловича Хрущева и Дарьи Илларионовны, урожденной Воронцовой (1713–1765)⁸, сестры Романа Илларионовича Воронцова. Из детей Николая Ивановича и Натальи Петровны известны сыновья Дмитрий, кавалер золотого оружия «За храбрость» (20.05.1808)⁹ и Петр (1774–?), титулярный советник¹⁰, а также дочь Екатерина (? – март 1867), фрейлина высочайшего двора (1803–1841) и мимолетная знакомая А. С. Пушкина¹¹.

Умер губернатор на действительной службе и был похоронен в Николо-Бабаевском мужском монастыре Костромского уезда Костромской губернии¹².

Из описания герба Кочетовых: «Щит разделен на четыре части, из коих в первой и четвертой в голубом поле находятся два золотые Льва, стоящие на задних лапах, которые обращены в левую сторону. Во второй и третьей частях в красном поле изображено по одной серебряной Розе. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой стоит Петух и держит в когтях Розу. Намет на щите красный и голубой, подложенный золотом»¹³.

ИВАН КУЗЬМИЧ ВАСЬКОВ**(29.01.1746–18.02.1813)**

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» сообщается о роде Васьковых: «Федор Иванович сын Васьков происходит из древней благородной фамилии. Отец его Иван Григорьев сын Васьков в 7138/1630 году служил по Ярославлю и Верее и в 7180/1672 году от Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича жалован поместьями и на оныя грамотою, а в 1741 году блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государыня Императрица Елизавета Петровна Всемилостивейше соизволила Федора Иванова Васькова в призвание и воздаяние верных, полезных и знатных его заслуг со всеми от него рожденными законными детьми и потомством нисходящей линии в вечныя времена, в чести и достоинстве Российской Империи дворянства подтвердить и на оное дворянское достоинство в 1751 году ноября 25 дня пожаловать диплом, с коего копия хранится в Герольдии».

Здесь же дается и описание герба Васьковых: «Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в правой в черном поле между тремя серебряными пятиугольными Звездами изображено золотое Стропило с означенными на оном тремя горящими Гранатами натурального цвета. Левая часть от правого верхнего угла разрезана двумя диагональными чертами на три поля, красное, золотое и зеленое, в коих диагонально же означена серебряная Шпага, остроконечием к левому верхнему углу. Щит увенчан дворянским шлемом, на котором наложена лейб-компания Гренадерская шапка с четырьмя страусовыми перьями красного и белого цвета, а по сторонам видны два черныя крыла и на них по три серебряные звезды. Намет на щите красного и черного цвета, подложенный серебром и золотом»¹.

И. К. Васьков из дворян, внесенных в VI часть родословной книги по Московской губернии². Сын надворного советника К. Ф. Васькова и его второй жены Анны Ивановны³. Уроженец сельца Лукино Верейского уезда Московской губернии.

В 1750–1767 годы И. К. Васьков – ученик архитектурной школы Д. В. Ухтомского, в 1767 – архитекторский помощник. Прапорщик (1768) на строительстве Большого Кремлевского дворца (1768–1773, архитектор В. И. Баженов). Автор плана Берг-коллегии⁴. Участник русско-турецкой (1768–1774) и русско-шведской (1788–1790) войн. Подполковник и адъютант (01.01.1785) И. П. Салтыкова.

Директор экономии костромской Казенной палаты (01.09.1786)⁵. Полковник (1790) в отставке (1797). Костромской вице-губернатор (09.02.1800–18.02.1813)⁶. Действительный статский советник (21.05.1800). Правящий должность костромского губернатора (28.04.1806–16.08.1807)⁷. Кавалер орденов Святой Анны II (1802) и Святого Владимира IV (1803) степеней.

Владелец усадеб Лукино Верейского уезда Московской губернии с 40 душами и Леоново Костромского уезда Костромской губернии со 168 душами

крестьян⁸. Внесен в VI часть дворянской родословной книги по Костромской губернии (13.07.1806)⁹.

Костромской краевед¹⁰. Автор «Описания Костромского наместничества вообще» (1792)¹¹, опубликованная часть которого была первой книгой о Костроме¹².

Похоронен в селе Петрилово Костромского уезда Костромской губернии. Надгробная эпитафия гласит: «Господин действительный статский советник, бывший Костромской вице-губернатор, орденов Святые Анны 2-го класса и Святого равноапостольного князя Владимира IV степени кавалер Иван Козьмич Васьев. Родился 1746 года января 29 дня, а скончался 1813 года февраля 18 дня. Служил Отечеству по воинской части с 1759 г. по 1797 г., а со онаго в статской по день смерти.

О други! достоин не я сожаленья.
Я в пристани тихой, вы жертвы волненья.
Страстей вихрь опасной мей челн не умчит.
Вам бурное море напастей грозит.
Не леть, но истина сии писала строки,
Но дружба нежная, люба слез потоки.
Потомства не страшась суда, оне рекут:
«Кто добр был и умен, тот почивает тут»¹³.

Жена – Анна Ивановна, урожденная Ламб (1768 – не ранее 1835)¹⁴, дочь И. В. Ламба, во втором браке за отставным артиллерии штабс-капитаном И. М. Кобылиным (31.10.1781–13.05.1833)¹⁵. Похоронена там же¹⁶. Дети Ивана Кузьмича и Анны Ивановны Васьевых: Иван (1789–1824)¹⁷, Федор (14.10.1790–15.12.1855)¹⁸, Мария (1791–?)¹⁹, Александра (20.12.1795–04.12.1877)²⁰, Сергей (1799–?)²¹, Николай (17.12.1802 – не ранее 1868)²², Василий (24.01.1804 – не ранее 1859)²³, Наталья (1805–?)²⁴, Александр (12.09.1807–?)²⁵ и Михаил (17.06.1811–?)²⁶.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ПАСЫНКОВ

(1769 – 1837)

Из описания рода Пасынковых. «Фамилии Пасынковых, Библей и Мамлей Ивановичи Пасынковы в 7130/1622 и других годах писаны в десятнех во дворянех – поместным окладом. Потомки сего рода, Пасынковы, служили Российскому Престолу дворянские службы в разных чинах и владели деревнями. Все сие доказывается справками архивов и копию с определения Костромского дворянского депутатского собрания о внесении рода Пасынковых в 6-ю часть родословной книги, в число древнего дворянства»¹.

Потомственный моряк. Сын выпускника Морской академии (1739), участника русско-шведской (1741–1743), русско-прусской (1756–1763) и русско-турецких (1768–1774, 1787–1791) войн, отставного генерал-поручика (1789)² и кавалера ордена Святого Владимира II–IV степеней, похороненного в костромском Ипатьевском монастыре³ Федора Ивановича Пасынкова (1720–22.03.1802)⁴ и Варвары Михайловны, урожденной Нелидовой (около 1730–?), дочери отставного лейб-гвардии капрала Михаила Игнатьевича Нелидова (?–1730)⁵.

Н. Ф. Пасынков – уроженец усадьбы Хвостово Нерехтского уезда Костромской губернии⁶. Кадет (28.03.1781), гардемарин (28.05.1783) и мичман (07.05.1785), выпускник Морского кадетского корпуса⁷. Лейтенант (01.05.1786). Участник русско-шведской войны (1788–1790), Гогландского (06.07.1788) и Эландского (15.07.1789) на корабле «Изяслав», Красногорского на корабле «Сисой Великий» (23.05.1790) и Выборгского на корабле «Чесма» (22.06.1790) сражений и блокад побережья захваченной французами Голландии в 1795 году на корабле «Святой Иона» и в 1798 году, когда командовал кораблем «Святой Михаил». Капитан-лейтенант (01.01.1796) и капитан второго (24.03.1798) и первого (28.11.1799) рангов. За беспорочную службу в офицерских чинах и участие в 18 шестимесячных морских кампаниях награжден орденом Святого Георгия IV степени (26.11.1802)⁸. Отставной капитан-командор (17.01.1806)⁹.

Действительный статский советник и костромской губернатор (16.08.1807–05.10.1815)¹⁰. При нем были построены костромские губернские (1808) и уездные (1808–1809) присутственные места в Галиче, Кологриве, Макарьеве, Солигаличе, Чухломе и Юрьевце, открыты Нерехтское (1809) и Кинешемское (1810) приходские училища, а также учреждены внутренний губернский батальон (17.01.1811) и ополчение в ходе Отечественной войны (29.07.1812).

Свидетельства современников о Н. Ф. Пасынкове передавал в воспоминаниях Н. К. Макаров: «Служил, или, вернее, сидел на костромском “царстве”, в десятых годах, губернатор Пасынков, великий делец и законник, что однако ж не мешало ему делаться порою и великим беззаконником и быть перво-классным взяточником. Гроза всей губернии, страшно дерзкий и на язык и на руку, он заставил все и всех трепетать перед собою и ненавидеть себя»¹¹.

Ему вторил балетмейстер эвакуированного перед сдачей Москвы в Кострому Императорского Московского Большого театра А. П. Глушковский (1793–около 1870): «На страстной неделе по реке Волге, во время разлива, плыли горы льду; перевоз на лодках в город был невозможен, а губернатору прислан был указ и орден Анны I-й степени. Ему очень хотелось в 1-й день светлого Воскресенья Христова надеть на себя присланный орден. Он приказал исправнику переправиться по Волге на другой берег реки и доставить ему указ с орденом. Чиновнику нечего было делать: надобно было избрать одно из двух: или не плыть и лишиться места, или плыть, подвергая свою жизнь опасности: нужда до всего доводит. Исправник, переплывая на другую сторону реки и возвращаясь обратно в город, был на волосок от смерти»¹².

И далее: «Николай Федорович Пасынков любил весело пожить; у него бывали ежедневно гости и на нескольких столах играли в карты. Спектакли и балы были у него довольно часто... После ужина у губернатора бывали фейерверки и катание на лодках по Волге с песьельниками, – одним словом, губернатор в Костроме жил, как сыр в масле»¹³.

В то время, уточним, когда полуразутое, полураздетое, полуголодное и вооруженное одними лишь пиками костромское ополчение, на обмундировании и снабжении которого он обогатился, наполовину вымерло от тифа, не дойдя до линии фронта, а средства, предназначенные для военнопленных и эвакуированных в Костромскую губернию, были им присвоены.

Из воспоминаний А. П. Глушковского: «Когда в большие праздники костромской губернатор с женой своею отправлялся в собор, за несколько минут до их выезда скакал на дрожках частный пристав в собор с уведомлением, что едет губернатор. Его превосходительство начальник города с супругой ездил не иначе, как в карете, запряженной четверкой лихих рысаков. Подле его кареты скакал верхом полицмейстер, позади нее летели верхом его ординарцы, а затем ехали в разных экипажах и другие власти костромские. Простой народ и купечество при проезде губернатора скидывали шляпы и кланялись в пояс»¹⁴.

Под стать губернатору были и его многочисленные родственники. Например, шурин, отставной штабс-капитан А. А. Кологривов, «имел слабость к вечеру чрезмерно напиваться. Вследствие этого он предавался большому разгулу, с хором певчих из своих крепостных людей ходил в безобразном виде ночью по городу, распевая песни; иногда приходила ему фантазия подходить к какому-нибудь дому под окно и давать нечто вроде серенады. Хотя хозяйну дома была бы и неприятна серенада, однако он не смел на это жаловаться, опасаясь обратить на себя гнев губернатора»¹⁵.

«В день рождения Марии Алексеевны, жены губернатора, – вспоминал Глушковский, – назначена была опера «Калиф Багдадский», музыка соч. Бельдье. Надобно сказать, что в канцелярии губернатора служил секретарь, бывший некогда архиерейским певчим; он отлично знал музыку; в операх, в которых были хоры, он их разучивал и участвовал. Хотя г. секретарь был нетрезвого поведения, однако ж губернатор делал ему снисхождение, потому что он был лихой бумажный крюкочей, и как в то время не было Свода законов, то он ворочал законами по желанию губернатора. В день представления оперы «Калиф Багдадский» случилась беда: секретарь так напился, что не мог стоять на ногах. Сколько ни репетировал хор, все выходила разладица, потому что без него хористы не могли петь. Что делать? Гости были созваны; губернаторша вышла из себя и всю беду возвела на мужа, обвиняя его в неумении обращаться с подчиненными. «В день моего рождения осмелился ничтожный червь напасти мне такое огорчение, кому? – мне, губернаторше! Это ужасно! Спектакль хоть отменяй!» – кричала она. Губернатор уверял свою жену, что спектакль непременно устроится, а секретаря приказал окатить холодной водой и положить в ледник, чтобы холод выгнал из него хмель»¹⁶.

О том, как супруги Пасынковы обращались с крепостными усадеб Хвостово и Вахнево Нерехтского уезда (принадлежавших губернатору) и Паникарпово Костромского уезда (принадлежавшей губернаторше), свидетельствовал флигель-адъютант А. А. Кавелин (1793–1850): «Пасынков и его жена действительно обходятся с дворовыми людьми самым жестоким образом, за малейшие вины сажают на цепь и надевают на шею рогатки, бьют палками и секут ременными плетями с осмоленными концами, называемыми у них кошками. Истязания сии более происходят от Пасынковой, которая жестокостью превзошла мужа. По ее приказу был жестоко наказан мельник Петр Семенов, по подозрению в утайке денег за помол и вскоре в мельничной избе он умер. В Костромской вотчине Пасынковых было опрошено 100 человек и только 3 человека были без наказания, а сама Пасынкова присутствовала при наказании, поощряя его ударами из собственных рук розгами, палками, кнутом, а женщин крапивою, битьем по щекам деревянной нарочно сделанной для этого лопаточкой. Некоторые наказывались за принесение ей жалоб на недостаток хлеба и теплой одежды, которой они в течение 10 лет не получали. В рабочее время люди Пасынковой для себя имели только праздник и иногда один день в неделю. Половина дворовых людей получают в месяц фунт соли, 15 фунтов муки, т. е. меньше солдатского пайка, а дети до семи лет ничего не получают»¹⁷.

После ревизии сенатора А. В. Алябьева (1746–1822) губернатор был отстранен от должности и предан суду¹⁸, а имение губернаторши взято в опеку¹⁹, однако судебная волокита закончилась тем, что Н. Ф. Пасынков с учетом его прежней беспорочной службы был оправдан, а М. А. Пасынкова была приговорена к церковному покаянию.

СТЕПАН МИРОНОВИЧ УШАКОВ

(около 1777– не ранее 1827)

Степан Миронович Ушаков из рода потомственных дворян, внесенных в VI часть родословной дворянской книги по Тверской губернии¹. Выпускник столичного Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (1793). Отставной штаб-капитан (1802). Ревизор Департамента уделов (1802). Управляющий костромскими Удельной конторой (1808–1815) и Казенной палатой (1815–1819)².

Костромской вице-губернатор (07.08.1815–18.12.1819)³. Правящий должность костромского губернатора (05.10.1815–02.06.1816)⁴. Статский советник.

Как и его предшественник, после очередной ревизии был отрешен от должности вице-губернатора и отдан под суд за злоупотребления по питейной части⁵.

Член масонской ложи «Умиравший Сфинкс» в Санкт-Петербурге (1821), о приеме в которую обратился к директору народных училищ Костромской губернии Ю. Н. Бартееву (16.02.1792–27.11.1866)⁶.

В 1827 году из Твери просил костромского губернатора К.-В. И. Баумгартена о восстановлении в прежней должности⁷.

Владелец деревни Кабанской в Солигаличском уезде Костромской губернии с 5 душами крестьян.

По именам известны его жена Варвара Алексеевна и дети Алексей и Екатерина⁸.

КАРЛ-ВИЛЬГЕЛЬМ ИВАНОВИЧ БАУМГАРТЕН

(07.02.1768–26.06.1831)

Карл-Вильгельм Баумгартен из дворян. Сын гоф-хирурга Иоганна-Христиана Ивановича Баумгартена (около 1731–25.01.1797)¹. Участник русско-турецкой войны (1806–1812), командир полка и градоначальник Тернополя (Австро-Венгрия).

Костромской гражданский губернатор (02.06.1816–30.10.1827)². Действительный статский (1821) и тайный (1831) советник и кавалер. Член столичных масонских лож Пламенеющей звезды (1818) и Елизаветы и добротели (1822)³.

При Баумгартене были учреждены приходские училища в Макарьеве, Плесе, Пучеже, Солигаличе, Чухломе и Юрьевце (1820), уездные училища в Кинешме (1823), Чухломе (1825) и Солигаличе (1826), Константиновское приходское училище в Костроме (1824), губернское попечительство о бедных духовного звания (1823) и Костромская пожарная команда (1823), построен Гостиный двор в Галиче (1820–1823)⁴, а в Костроме перестроен губернаторский дом (1817–1818), срыты валы и засыпаны рвы Кремля (1818–1819) и на их месте разбиты сад и бульвар в английском стиле (1819–1820), вымощена Екатеринославская площадь (1820), построены архив губернского правления (1821), Московская застава (1823), пожарная каланча (1827) и гауптвахта (1827)⁵. Следует еще отметить строительство жилого дома (1824) отставного генерал-лейтенанта С. С. Борщова (1754–1837), бывшего, как будет показано ниже, влиятельной фигурой в губернии в период правления Баумгартена.

Строительная активность, однако, сопровождалась такими злоупотреблениями, которые невозможно было скрыть ни от общества, ни от вышестоящих властей. Например, ввиду ветхости дома Дворянского собрания в 1824 году было решено построить новое здание, для чего с каждой крепостной души

предполагалось дополнительно собрать по 35 копеек⁶, но вместо строительства нового здания был куплен «старый особняк у купцов Дурыгиных, владевших в Костроме несколькими каменными домами...»⁷, и вскоре в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии поступила записка директора местной гимназии Ю. Н. Бартенева, где, в частности, отмечалось: «Для построения казенных зданий сметы делаются чрезвычайно увеличенные... На построение домов для спокойствия проезжающих на станциях в местах, изобилующих материалами, хорошими плотниками, каменщиками и печниками, издержано на каждый таковой дом от 20 000 до 23 000, тогда как в существе он не стоит более 7 или 8 тысяч рублей, а посему около 2/3 столь значительного капитала похищается»⁸. В инструкции сенатору Е. А. Дурасову, ревизовавшему Костромскую губернию в 1827 году, начальник III Отделения императорской канцелярии А. Х. Бенкендорф соответственно указал: «Во время объезда губернии следует обратить внимание на казенные каменные строения; как-то присутственные места, тюремные замки и гостиницы по большим дорогам, которые недавно выстроены, но жить в оных нельзя, для чего надобно истребовать смету с употребленных материалов, которая покажет, что кирпич покупается на те строения не менее 20 руб., тогда как по ценам оной продается не более 12 рублей»⁹.

Доходы чиновников умножались к тому же самым беззастенчивым взяточничеством. Взять хотя бы запись из расходной книги 1818 года бурмистра села Парского Юрьевецкого уезда: «Губернатору господину Баумгартену внесено рому лучшего 6 бутылей – 42 р.; сахару и чаю на 32 р. 30 к., да людям его докладных роздано 2 р. 40 к. К лекарю ходили для показания рекрут деньгами 54 р. 80 к., людям его докладного роздано 1 р. 26 к. Советнику Карцеву для благосклонности 54 р. 80 к., людям его докладного 1 р. Подполковнику Кашнеру подарено 55 р. 60 к., людям его докладного 2 р. 30 к. Прокурору Протасьеву 25 р., да человеку его докладного 40 к. Столоначальникам за помету регистров и справок для благосклонности деньгами дано по прежнему 40 р. Повытчику с приказными за письмоводство 30 р., да на угощение им издержано 4 р. 65 к. При ставке рекрут в присутствии во время приема жандармам Гусеву и Сорову, которые при деле, дано на случай принятия малорослага Павла и для прочих деньгами 8 р. 40 к.»¹⁰

По словам Бартенева, «...места голов, старост, сотских и прочих продаются порочнейшим поселянам... Сотские и прочие облагаются от исправников и стряпчих налогом таким же образом, как исправники облагаются губернатором и стряпчие прокурором... Определенные таким образом чиновники платимые ими за свои места деньги высасывают из народа разными поборами, притеснениями и нарушением правосудия. При заплате государственных податей сверх того количества, которое входит в казну, взимается с каждой ревизской души в обе половины по 20 к. и более, с каждого пашпорта сверх казенной пошлины берется по 2 или 3 р.; за свидетельство на торговлю сверх казенных пошлин платится по 100 р. и по 200 р. смотря по капиталу»¹¹.

И, как следствие: «В Костромской губернии с 1807 г. и поныне, т. е. во все время управления ею бывшим губернатором Пасынковым и нынешним Баумгартеном, многие достойные дворяне, по причинам подобным вышеозначенным, отклонялись от занятия мест даже самых почтеннейших, большую часть не приезжают и на выборы. Таким образом, Дворянское собрание наполняется наиболее такими только людьми, которые привлечены туда из видов корысти... В Костроме недавно было два случая во время выборов, где можно видеть власти губернатора и заговор выборов; выбраны были в уездный город Ветлугу два кандидата в исправники: Шишкин, который безвыходно под судом за лихоимство находится, и другой Рубановский; Рубановскому было положено 20 голосов, а Шишкину 18 и представлены оба на утверждение. Губернатор утвердил Шишкина, нашел какие-то причины не утвердить Рубановского»¹².

Прикрытие губернатору обеспечивал ранее упомянутый генерал Борцов: «Полицимейстер ему племянник: с губернатором он в связях и во многих случаях помогал ему в Петербурге»¹³. Пользовался губернатор и поддержкой члена Государственного Совета В. С. Ланского, что позволяло ему и его чиновникам осуществлять самые дерзкие операции. Так, губернатор, вице-губернатор С. М. Ушаков и управляющий винной экспедицией П. Н. Колюпанов были замешаны в махинациях с кизлярской водкой. По сообщению начальника 3-го отделения 2-го округа корпуса жандармов полковника С. В. Перфильева, для сокрытия злоупотреблений исправников губернатор не брезговал даже подменной донесений и рапортов, поступающих на его имя¹⁴.

Названные и многие другие факты лихоимства были установлены в результате ревизии Костромской губернии сенатором Е. А. Дурасовым, комиссии которого губернские чиновники, связанные круговой порукой, препятствовали как могли: «В первых числах февраля сего года от земских судов схвачены были у экономических крестьян черновые расходные тетради и почти по всей губернии истреблены. Известно, что в сих тетрадях крестьяне вписывают, для своих учетов, все поборы и подарки чиновникам»¹⁵, а полковник Перфильев сообщал стих, ходивший по Костроме:

Громовая стрела,
Ударь в Губернское Правленье,
И в нем сожги дела
Для нашего спасенья¹⁶.

«Большая часть чиновников в унынии и беспокойстве ожидают решения своей участи, в утешение же и оправдание говорят, что они могут быть несчастливы только потому, что Костромская губерния подпала под ревизию, но что открываемые здесь злоупотребления и упущения существуют повсеместно, вообще же поставляют сему причиной недостаточные оклады жалованья, не доставляющие никакой возможности и средства к содержанию... Ревизию находят пристрастною, что г. сенатором посланы были... явные враги губернатору и его приближенным, домогаясь показаний на счет злоупотребле-

ний... прибегали к непопозволяемым средствам, кормили некоторых икрой и, томя жаждой, достигали своего намерения...»¹⁷

Итогом ревизии стало отрешение от должностей и предание суду более 100 чиновников. В ноябре 1827 г. был отправлен в отставку и губернатор. «Баумгартен уехал в Петербург, старик плакал, прощаясь, все жалели его нелицемерно, не входя, каков он как губернатор, но для общества, как хозяин своего дома, он был человек прекрасный, преобходительный и преласковый... многие провожали его до первой станции, некоторые же до Ярославля»¹⁸.

26 июня 1831 года К.-В. И. Баумгартен умер от холеры и был похоронен на Холерном кладбище на четвертой версте по линии Царскосельской железной дороги¹⁹. У него остались сыновья Лев (около 1800 – около 1860), Николай (09.02.1809–19.06.1886), Аполлон (30.03.1812–20.10.1865), Александр (19.03.1815–04.05.1883), Евгений (21.04.1817–16.09.1880) и дочери Мария (05.08.1800–17.12.1862), бывшая замужем за историком и географом К. И. Арсеньевым (12.10.1789–29.11.1865), и Каролина (05.02.1806–15.07.1843), бывшая замужем за отставным капитан-лейтенантом Н. А. Аргамаковым (1794–?).

ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ ГАНСКАУ (1785–29.03.1841)

Яков Федорович Ганскау происходил из дворян Курляндской губернии¹. Произведен из унтер-офицера 1-го кадетского корпуса в прапорщики Низовского полка. В 1806 году участвовал в военных действиях против Наполеона на территории Пруссии. В 1811 году в чине штабс-капитана назначен адъютантом генерал-лейтенанта К. Ф. Багвута (1761–1812). За храбрость в Бородинском сражении 26 августа 1812 года награжден орденом Святого Владимира IV степени с бантом. За находчивость при атаке неприятеля в Тарутинском сражении 22 сентября 1812 года награжден орденом Святой Анны IV степени. За отличие в сражении под Вязьмой 22 октября 1812 года получил благодарность главнокомандующего князя М. Б. Барклая-де-Толли (1761–1818). За храбрость в сражении под Лейпцигом 4–6 октября 1813 года переведен из 4-го Егерского полка в лейб-гвардейский Егерский полк и 20 февраля 1814 года награжден золотым оружием «За храбрость»². За отличие в сражении под Парижем 18 марта 1814 года награжден орденом Святой Анны II степени. В 1817 году получил звание полковника и должность командира Черниговского пехотного полка. В 1823 году отставлен к гражданским делам и переименован в действительного статского советника³.

28 марта 1824 года Я. Ф. Ганскау был назначен архангельским гражданским губернатором⁴ и показал себя прогрессивным администратором. Так,

в ноябре 1826 года им подписано «Положение об учреждении сберегательных касс», и, хотя последние обслуживали население по сословному или профессиональному принципу⁵, все же это было ответом на потребности растущего предпринимательства. Действия Ганскау, таким образом, на 15 лет опередили общероссийское законодательство (указ о регулировании сберегательного дела появился лишь 30 октября 1841 года). Инициативный губернатор 22 августа 1826 года был награжден орденом Святой Анны I степени.

9 ноября 1827 года Я. Ф. Ганскау был переведен гражданским губернатором в Костромскую губернию с окладом жалования в 5 000 рублей и столовыми 4 000 рублей в год⁶. При доходности крестьянского хозяйства в Костромской губернии до 200 рублей в год⁷ это была немалая сумма.

Накануне его прибытия к новому месту службы в Галичском уезде 18 января 1828 года банда из семи разбойников ограбила дом священника. Хозяин и работница были избиты, а жена священника убита. Расхищено имущества и денег на 1 800 рублей. Деятельность нового губернатора началась с расследования этого дела. Выяснилось, что ограбление организовано при содействии работницы, и преступники в большинстве были пойманы⁸.

25 декабря 1828 года губернатор открыл в Костроме училище для детей канцелярских служащих, а в следующем году добился разрешения на строительство в Костроме деревянных домов на месте каменных по плану 1781 года, поскольку «...в губернском городе Костроме весьма мало зажиточных граждан и постоянных жителей, которые бы в состоянии были строить каменные дома»⁹.

В марте 1829 года 3 840 крестьян вотчины князя А. Н. Салтыкова, находившейся в опекуновском управлении, отказались платить установленный оброк. Опекуны, а затем направленный губернатором чиновник не смогли привести крестьян к повиновению. Ганскау попросил правительство направить в вотчину войска, а получив отказ, решил лично поехать к мятежным крестьянам, и ему удалось «водворить надлежащий порядок и спокойствие»¹⁰.

Причинами жестоких преступлений и неповиновения крестьян губернии был целый ряд обстоятельств, на одно из которых указывает прошение губернатору от варшавского городского головы об отсрочке платежей по целойкам, а недоимки и отказ от уплаты оброчных платежей в свою очередь были результатами неурожая 1824–1826 годов¹¹. Другой причиной крестьянских волнений оставались злоупотребления и казнокрадство чиновников. Так, из показаний вышеупомянутых крестьян князя Салтыкова явствовало, что платежи, взимаемые бурмистрами, в течение десяти лет помещику поступали в неполном объеме, поэтому Ганскау назначил расследование и к участию в нем привлек комиссию из 10 крестьян¹².

Документы свидетельствуют о том, что он пытался если не бороться, то хотя бы расследовать и пресечь наиболее вопиющие факты коррупции. Так, усилиями губернатора и жандармского полковника С. В. Перфильева был отставлен от службы за взятки браковавший крестьян при наборе рекрутов врач по фамилии Грётти¹³. И если, с одной стороны, губернатор «за ревност-

ное содействие к лучшему устройству и пользе учебных заведений Костромской губернии избран Почетным членом Московского университета, от коего получил грамоту на сие звание»¹⁴, то с другой – весьма нелестно характеризовался в бумагах шефа Корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфа: «В делах несведущ, но старается казаться большим дельцом. Твердит о законах, поступая совершенно в противность оным... Взятки сам не берет, но нельзя же сказать о жене, ключнице, а более о секретаре... Учреждение, довольно хитро выдуманное на случай ответственности. Жена в знак дружбы, на память может получать безделки (между коими проскакивают весьма часто и тысячные вещи). Секретарь берет за дела, но на губернатора показаний нет, он только подписывает то, что секретарь ему подкладывает...»¹⁵

27 апреля 1830 года Я. Ф. Гансау был переведен на должность курского гражданского губернатора¹⁶, а 16 марта следующего года получил назначение на губернаторский пост в Херсонскую губернию¹⁷, где его деятельность протекала более успешно и где через год он удостоился признательности министра финансов графа Е. Ф. Канкрин за обеспечение подряда на поставку в казну вина и впоследствии получил благодарности за сбор недоимок и за выгодное размещение в откуп почтовых станций в Херсонской губернии. За успешную службу наконец он был пожалован ежегодной наградой в 1000 рублей в течение 12 лет и в 1836 году произведен в чин тайного советника, однако 11 ноября следующего года¹⁸ по состоянию здоровья из Херсонской губернии был уволен и причислен к Министерству внутренних дел.

Умер Я. Ф. Гансау на действительной службе и вместе с женой Александрой Дмитриевной, урожденной княжной Волконской (?–12.05.1847), дочерью князя Д. Т. Волконского (1764–15.02.1801)¹⁹, был предан земле на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге²⁰. Из их детей по именам известны сыновья Михаил и Федор и дочери Ольга, Софья и Екатерина²¹.

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЛАНСКОЙ

(23.12.1787–26.01.1862)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» сообщается о роде Ланских: «Предок рода Ланских Франциск Ланской в древние времена выехал в Россию из Польши. Внук его Петр Дмитриевич Ланской в 7093/1585 году за службу жалован поместьем. Потомки сего Петра Дмитриевича Ланского многия равномерно служили Российскому Престолу в разных чинах и жалованы были от государей поместьями»¹.

С. С. Ланской родился в Санкт-Петербурге в семье гофмаршала, члена Государственного Совета и тайного советника Степана Сергеевича Ланского

ключевом посту в правительстве – министра внутренних дел (20.08.1855)¹², и свою министерскую деятельность он начал, как уже неоднократно бывало, с кадровых перестановок, пригласив в министерство П. И. Мельникова, А. И. Левшина и Н. А. Милютина. Престарелый министр доверился своим помощникам, вследствие чего о нем бытовало мнение как о человеке «без твердой воли», однако подготовка крестьянской реформы потребовала от него твердости.

15 июля 1858 года он возглавил Особую комиссию по рассмотрению проектов крестьянской реформы, присланных губернскими комитетами, выступал за освобождение крестьян при условии выкупа ими своих усадеб и, по свидетельству сенатора Я. А. Соловьева, «от основных своих убеждений никогда не отступал». Его твердость к тому же подкреплялась поддержкой великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны¹³, однако состояние здоровья вынудили его 23 апреля 1861 года подать в отставку (при увольнении он был пожалован графским титулом и чином обер-камергера).

У князя В. Ф. Одоевского он встречался с А. С. Пушкиным, с которым его связывали также родственные узы, хотя родство было весьма дальним. Пушкин упомянул Ланского в шуточном послании Жуковскому:

Надо помянуть – парихмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме.

Женой С. С. Ланского была Варвара Ивановна, урожденная княжна Одоевская (1794–1845), дочь генерал-поручика князя И. И. Одоевского (05.04.1742–11.12.1806)¹⁴, мемуаристка и переводчица¹⁵. От нее Ланской имел трех сыновей и четырех дочерей и вместе с женой был похоронен в Смоленской церкви Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге¹⁶.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕМЧУЖНИКОВ

(09.11.1788–03.09.1865)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» сообщается о роде Жемчужниковых: «Предок рода Жемчужниковых Павел Алексеев сын Жемчужников за многую службу его в 7191/1683 и 7197/1689 годах по грамотам Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича жалован был поместьями, потомки коего также продолжали службу и владели наследственным имением. Все сие доказывается копиями с жалованных на поместья грамот и определением Орловского дворянского депутатского собрания о внесении рода Жемчужниковых в VI часть родословной книги, в число древнего дворянства»¹.

Г. М. Жемчужников из дворян, внесенных в VI часть родословной книги по Калужской и Орловской губерниям². Он уроженец усадьбы Павловка Елецкого уезда Орловской губернии. По окончании 1-го кадетского корпуса был выпущен в чине подпоручика артиллерии с назначением адъютантом графа А. А. Аракчеева (23.09.1769–21.04.1834), однако подал просьбу о назначении в действующую армию и 25 февраля 1806 года был определен подпоручиком в 7-й артиллерийский полк на Кавказ. Там он участвовал в создании легкой казачьей артиллерии (1808), за две военные экспедиции был награжден орденом Святого Владимира IV степени с бантом (1809) и в 1810 году назначен командиром батальона 11-й артиллерийской бригады 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, в составе которой участвовал также в Отечественной войне и заграничных походах 1812–1815 годов. Отличился в Глусском сражении 4 сентября 1812 года и был произведен в звание штабс-капитана, затем в Реймском сражении в ночь с 28 февраля на 1 марта 1814 года, когда он бросился в занятый противником город отыскивать брошенное оружие и попал в плен³, после чего за мужество был пожалован орденом Святой Анны IV степени, за отличие в службе в 1816 году произведен в подполковника и в феврале 1819 года – в полковника⁴.

В первый день весны следующего года, однако, полковник запросился в отставку и женился на О. А. Перовской (1798–11.03.1833), внебрачной дочери графа А. К. Разумовского (1748–1822)⁵, племянника известного фаворита императрицы Елизаветы Петровны, и через год в родовой орловской усадьбе Павловке 10 марта 1821 года у них родился первенец Алексей, 28 июня 1823 года – Михаил, 30 апреля 1826 года – Александр, 22 ноября 1828 года – Лев и 11 апреля 1830 года – Владимир, ставшие известными поэтами и (вместе с двоюродным братом графом А. К. Толстым) авторами собирательного образа поэта Козьмы Пруткова⁶. Средние братья оставили, кроме того, воспоминания, добавляющие немаловажные штрихи к портрету отца и его деятельности в должности костромского губернатора.

Семья требовала больше средств, чем могло дать небогатое имение, и в 1827 году Жемчужников вернулся на службу и был назначен полковником и начальником 5-го отделения жандармского корпуса в Орле, откуда в одном из донесений А. Х. Бенкедорфу 19 февраля 1830 года представил ему картину злоупотреблений и коррупции во время выборов уездных и губернского предводителей дворянства. Его обвинения касались орловского гражданского губернатора Сонцова, губернского прокурора Андреева и губернского предводителя дворянства Милорадовича, который, пользуясь покровительством министра юстиции Д. В. Дашкова, родственника Милорадовича, не допустил к выборам своих противников. Губернатор Сонцов, судя по докладу Жемчужникова, отказался утвердить уездным предводителем дворянства судью, раскрывшего злоупотребления городничего, но в то же время способствовал избранию лиц, угодных Милорадовичу. Выборы в Совестьный суд и в секретари дворянства также привели в органы дворянского самоуправления лиц, полностью зависимых от Милорадовича

(08.09.1760–18.01.1813), получил домашнее образование и 12 марта 1800 года был зачислен на службу юнкером Коллегии иностранных дел, 1 января 1801 года назначен переводчиком коллегии, 31 декабря 1804 года получил чин коллежского асессора, а 12 ноября 1806 года был пожалован в камер-юнкеры. 23 января 1808 года он был направлен чиновником особых поручений по дипломатической части к главнокомандующему русской армией в Финляндии генералу Ф. Ф. Буксгевдену (1750–1811) и находился при осаде Свеаборга во время русско-шведской войны (1808–1809).

12 марта 1809 года С. С. Ланской был переведен на службу в I Департамент Сената, 22 декабря 1812 года – Департамент государственных имуществ Министерства финансов, 21 июня 1817 года назначен директором Комиссии по погашению долгов, 21 августа 1818 года награжден орденом Святой Анны II степени и 25 июня 1819 года пожалован чином действительного статского советника². В 1819–1822 годах состоял также председателем Комитета призрения малолетних бедных и помощником председателя Комитета по ученой части Императорского Человеколюбивого общества. С 1810 года, кроме того, являлся членом масонской ложи Соединенных друзей и вторым мастером Провинциальной ложи. Декабрист А. Н. Муравьев ввел Ланского и в Союз Благоденствия, однако после его роспуска в 1821 году С. С. Ланской отошел от движения и в 1824–1830 годах занимал выборную должность судьи московского Совестного суда (01.01.1826–27.04.1830).

После назначения костромским губернатором (27.04.1830)³ он запросил сведения о костромских чиновниках в III Отделении императорской канцелярии и получил весьма не лестные характеристики, а вскоре и сам убедился в том, что «на всяком шагу встречаются препятствия, полагаемые секретарским скопищем по делам судным и полицейскою беспечностью по распорядительной части». Для преодоления этого сопротивления он предложил перемещать чиновников из одной губернии в другую: «...такое перемещение имело бы по крайней мере ту пользу, что разорвало бы связь... на взаимных выгодах основанную»⁴. По словам Н. С. Лескова (рассказ «Однодум»), новый губернатор буквально «размел губернию»⁵.

За короткий срок своей деятельности в Костроме он провел ревизию опекунских дворянских имений и выявил злоупотребления в управлении имениями Евсеевых, Фигнер, Никифоровой, Толстого и других, а после ревизии направил в правительство записку, содержащую дополнения и изменения к действующему законодательству⁶. Судьба законодательных инициатив Ланского, увы, неизвестна, однако можно предположить, что они не были оставлены без внимания, так как именно в это время статс-секретарем М. М. Сперанским (01.01.1772–11.02.1839) проводилась кодификация российских законов, сопровождавшаяся их корректировкой.

Лесков в рассказе «Однодум» назвал Ланского «надменной фигурой», зато при нем местное общество «впервые познакомилось с настоящим барским обществом и выучилось проводить время, как прилично образованному дворянству». Однако в воспоминаниях писателя Н. П. Колюпанова Ланской

характеризуется как «честный, умный и энергичный администратор», при котором «открыта была вольная продажа с судов, на съестные припасы установлена такса, а богоугодные заведения Приказа общественного призрения... приведены были в блестящий порядок»⁷.

Ввиду эпидемии холеры с 3 сентября по 11 ноября 1830 года между Костромской и Ярославской губерниями было прекращено свободное сообщение и выставлено полицейское оцепление. За это время в Костромской губернии заболело 430 и умерло 125 человек. Наиболее тяжелая обстановка сложилась в Костроме, где насчитывалось 251 заболевших и 51 умерших и где помощь больным была организована в лазарете, в духовной семинарии и в частных домах⁸. После ликвидации эпидемии 20 декабря 1830 года костромское дворянство и чиновничество дали торжественный обед в честь губернатора и поднесли ему письменное отношение с изъявлением признательности за успешную борьбу с распространением болезни⁹.

Оставив о себе благоприятные впечатления, открыв Галичское (1830) и Кологривское (1832) приходские училища, губернский попечительный о тюрьмах комитет (1831) и получив орден Святой Анны I степени и чин тайного советника (06.12.1831), 27 ноября 1832 года Ланской был назначен Владимирским гражданским губернатором¹⁰ и свою деятельность на новом месте также начал с запроса сведений о чиновниках и кадровых перестановок¹¹. Известно, что во Владимире он получил высочайшие благоволения за успешное взыскание недоимок за 1833 и 1834 годов, а в июле 1833 года после опустошительного пожара в Коврове по его просьбе из государственного казначейства была выделена беспроцентная ссуда в 30 тысяч рублей.

18 декабря 1834 года С. С. Ланской был назначен присутствующим 3-го отделения 5-го департамента, 11 апреля 1839 года – присутствующим 1-го отделения 5-го департамента, а 15 ноября 1840 года – присутствующим 4-го департамента Сената. В 1834 году, кроме того, был избран почетным членом Московского общества испытателей природы, в 1837 году – членом Санкт-Петербургского Английского собрания, в 1839 году – почетным опекуном и управляющим Гатчинским воспитательным домом, а в 1842 года – членом Общества попечительства о тюрьмах. В 1844 году Ланской был назначен управляющим столичной сохранный казной и сберегательной кассой при казне, в следующем году – членом Главного совета женских учебных заведений и отмечен новыми наградами – орденами Белого Орла (15.04.1841) и Святого Александра Невского (01.07.1845). 1 января 1850 года Ланской стал членом Государственного Совета по департаменту гражданских и духовных дел, через год – в честь 50-летия государственной службы – пожалован чином действительного тайного советника (01.01.1851) и затем орденами Святого Владимира I степени (01.01.1853) и Святого Андрея Первозванного (26.08.1856).

С воцарением Александра II Ланской достиг вершины своей карьеры. Его административный опыт, умение подбирать кадры, склонность к законодательным инициативам и исполнительность были востребованы на

и Сонцова, но Андреев одобрил все результаты выборов. Жемчужников потребовал вмешательства правительства в формирование органов дзорянского самоуправления Орловской губернии⁷, и, по всей вероятности, его старания возымели действие: Сонцов был смещен с должности и на его место назначен А. В. Кочубей⁸.

Во время подавления польского восстания М. Н. Жемчужников в чине генерал-гевальдингера отличился в штурме Варшавы 25–26 августа 1831 года и был пожалован орденами Святого Владимира III и Святого Станислава II степеней, после чего в чине действительного статского советника был назначен костромским гражданским губернатором (27.11.1832–15.08.1833)⁹.

Как свидетельствует в своих записках Л. М. Жемчужников, перед отъездом в Костромскую губернию его отца пригласил император Николай I и сообщил о том, что в Судиславле при содействии местного купца Н. А. Папулина активизировалась деятельность раскольников¹⁰. Его богадельня была «устроена в лесу, в виде замка с подземными ходами, и в ней скрывается много беспаспортных и беглых»¹¹. Факт нахождения в ней 170 беспаспортных, в основном женщин и девочек, в 1828 году был зафиксирован начальником 3-го отделения 2-го округа корпуса жандармов полковником С. В. Перфильевым, который подчеркивал, что «в исполнении обрядов тем или другим образом нималого зла не заключается, но связи, которые от сего родятся... должны войти в состав внимания правительства»¹².

По свидетельству Перфильева, раскольники широко использовали подкуп чиновников для освобождения от ответственности беглых преступников, и Папулин был связан с крупным старообрядческим центром России – богадельней Преображенского кладбища в Москве, настоятель которой Гнусин скрывался в Судиславле, за что Папулин получил «из разных мест» 100 тысяч рублей¹³. По словам писателя Н. П. Колюпанова, Папулин распоряжался складным раскольничьим капиталом¹⁴, а также не брезговал ростовщицеством (в Государственном архиве Костромской области сохранились долговые расписки крестьянина Е. Ермилова и купца И. А. Зубарева соответственно на 500 и 30 тысяч рублей¹⁵). За 7 тысяч рублей, кроме того, Папулин приобрел часть имущества построенного купцами Строгановыми в 1584 году Благовещенского собора города Сольвычегодска Вологодской губернии и впоследствии выручил за него 20 тысяч рублей¹⁶.

Среди чиновников и граждан, изъявивших почтение новому губернатору, был и Н. А. Папулин, но, по словам А. М. Жемчужникова, губернатор «обошелся с ним сухо и не говорил ни слова». Полицмейстер Небольсин признался новому губернатору, что сознательно не вмешивался в деятельность Папулина: «Я человек семейный и бедный, получаю от Папулина содержание и живу в довольстве, пока оставляю его в покое!» Жемчужников отдал распоряжение направить всех беспаспортных из богадельни в губернский острог, а остальных выслать из губернии, и вскоре острог наполнился арестантами, но внезапно Жемчужников получил известие о смерти жены и был вынужден уехать в Орловскую губернию¹⁷.

После увольнения М. Н. Жемчужников был причислен к Министерству внутренних дел с ежегодным окладом в 6 тысяч рублей и с 11 декабря 1835 по 30 декабря 1840 года исполнял должность Санкт-Петербургского гражданского губернатора¹⁸, на которой получил благодарности от императора за организацию рекрутских наборов и сбор недоимок, а по увольнении – чины тайного советника и сенатора¹⁹.

В 1842 году он проводил сенаторскую ревизию Восточной Сибири, в 1843 году – таганрогского градоначальства, в 1844 году – керченского карантин²⁰, а с 1851 года состоял членом Особого присутствия Правительствующего Сената для производства торгов на содержание питейных откупов. В 1847–1865 годах, кроме того, являлся попечителем столичных больницы Святой Марии Магдалины и Волковской раскольничьей богадельни. В 1863 году ему было пожаловано 4 600 десятин в Самарской губернии.

Умер М. Н. Жемчужников действительным тайным советником и кавалером орденов Святого Александра Невского и Белого Орла и был похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге²¹.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ПРИКЛОНСКИЙ

(06.12.1790–18.08.1855)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» приводится следующее описание герба и рода Приклонских: «В щите, имеющем голубое поле, видна с левой стороны выходящая из Облака рука в серебряных латах, держащая золотую булаву. Щит увенчан дворянским шлемом и короною с строусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный золотом.

Предок фамилии Приклонских Михайло Васильевич имел детей: Василья, Колулая, Гаврилу и Евстафия Приклонских, коих потомки служили Российскому Престолу Наместниками, Воеводами, в Посланниках, Стольниками, Стряпчими и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей в 7000/1492 и других годах поместьями и на оныя грамотами. Все сие доказывается справками Архива Коллегии Иностранных Дел, Разряднаго Архива, родословною Приклонских и копиею с определения Воронежского дворянского собрания»¹.

А. Г. Приклонский являлся сыном отставного гвардии прапорщика Г. П. Приклонского (1766 – не ранее 1835)² род которого был внесен в VI часть дворянской родословной книги по Воронежской (01.01.1798) и Рязанской (05.11.1807) губерниям³. Военную службу он начал унтер-офицером Тамбовского пехотного полка (26.03.1808), а звание прапорщика и орден Святого

Георгия IV степени (23.06.1810) получил во время русско-турецкой войны (1806–1812) за отличие при штурме Базарджика и пленении сераскира Пеклеван-паши (22.05.1810). Принимал участие также во взятии Коварны (26.05.1810), Бельчика (27.05.1810) и Никополя (17.09.1810) и в сражениях под Варной (30.05.1810), Козлуджи (01.06.1810), Янибазаром (07.06.1810), Шумлой (11–12.07.1810) и Батином (16.08.1810) в Молдавии и Валахии. Затем был участником Отечественной войны и сражений при Кобрине (15.07.1812), Городечно (31.07.1812), Березине (16.11.1812), участником взятия Вильны (01.12.1812) и заграничного похода и сражений при Кенигсварте (07.05.1813), Бауцене (08–09.05.1813), Кольберге (11.08.1813), Гиннерсдорфе (14.08.1813), Ливенберге (17.08.1813), Дрездене (23.09.1813), Веймаре (26.09.1813), Франкфурте (09.11.1813), Ла-Бриенне (17.01.1814) и Ла-Ротьере (20.01.1814) и взятия Парижа (18.03.1814), причем за отличие в Березинском сражении удостоился звания подпоручика и ордена Святой Анны IV степени, при Ливенберге – звания поручика, при Ла-Ротьере – ордена Святого Владимира IV степени с мечами и бантом и серебряной медали за взятие Парижа⁴. В сражении при Бауцене получил контузию в грудь⁵ и до конца войны оставался адъютантом командира 6-го пехотного корпуса.

После войны в чине поручика (05.05.1814), штабс-капитана (26.01.1816) и капитана (26.12.1816) лейб-гвардии Московского полка служил адъютантом его командира, а в отставку вышел в чине полковника 1-го Егерского полка (24.02.1820).

В отставке он оставался 7 лет, пока не то из патриотизма, не то от безденежья не поступил в жандармский корпус (01.03.1827), где быстро освоился и обратил на себя внимание начальства. В одном лишь 1829 году в формуляр А. Г. Приклонского были внесены благодарность шефа жандармов «за усердие» и высочайшие благоволения «за отлично ревностное служение» и «за благоразумные действия по службе»⁶. Через 3 года – новая волна благодарностей и благоволений⁷, так что следующая ступень его карьеры была predeterminedena⁸.

Будучи костромским губернатором (15.08.1833–25.12.1838), во время визита императора Николая I А. Г. Приклонский удостоился ордена Святого Владимира II степени (09.10.1834) и высочайшего удовольствия за успешное взыскание податей (16.04.1835). И, действительно, при нем были учреждены губернские строительная и дорожная (08.05.1834) и продовольственная (03.11.1834) комиссии и статистический комитет (20.04.1835), открыты Лухское (1834), Парфентьевское (1835), Ветлужское (1836), Судиславское (1836), Буйское (1837), Варнавинское (1837) приходские и Кологривское (1834), Буйское (1838) уездные училища, Мариинская женская гимназия в Нерехте (30.04.1838), построены торговые ряды в Нерехте (1836) и присутственные места в Чухломе (1837), начали выходить «Костромские губернские ведомости» (08.01.1838), но запомнился он другим.

Граф М. Д. Бутурлин (1807–1876) впоследствии вспоминал: «В нашей же Костромской губернии носился слух, что тогдашняя губернская власть будто бы открыто регулировала взяточничество, обложив исправников городовым якобы

взносом»⁹. По свидетельству писателя Н. П. Макарова (1810–1890), «в середине тридцатых годов сидел на костромском губернаторстве некто Приклонский. Это был, если хотите, человек вовсе не свирепый, а напротив, очень и очень добрый, кроткий, мягкий, благодущный. Кодекс его административной деятельности состоял из единственного правила: “Всякое деяние благо, и всяк дар совершен”. Поэтому он не гнушался никакими даяниями и дарами, будь это тысячи, сотни, красненькие, синенькие, все хорошо, все давай сюда. Говорили, что раз, а может быть, и не раз от одной бабы он милостиво принял прошение... виноват, не то: “сотню яиц”, а по словам других – полсотни...»¹⁰

Промелькнул Приклонский и в автобиографическом романе А. Ф. Писемского «Люди 1840-х»: «Когда вскоре после того губернатор и полицмейстер проезжали мимо гимназии, Павел подговорил товарищей и все они в один голос закричали в открытое окно: “Воры, воры!”, так что те даже обернулись, но слов этих, конечно, на свой счет не приняли»¹¹.

Купив сельцо Скородумки и 30 крестьян в Костромском уезде и деревню Лаврово вместе с жителями в Нерехтском уезде¹², А. Г. Приклонский с женой Надеждой Николаевной, урожденной Нееловой (?–04.05.1859)¹³ и детьми Варварой (29.10.1829–?)¹⁴, Иваном (25.05.1831–?)¹⁵ и Николаем (26.05.1835–?)¹⁶ сделали еще и костромскими дворянами (13.11.1839)¹⁷. Вместе с женой А. Г. Приклонский и похоронен на Ваганьковом кладбище в Москве¹⁸.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЖУКОВ

(1788?–24.07.1847)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империи...» о роде Жуковых сообщается: «Фамилия Жуковых происходит, как показано в представленной выписи, от грека Иоанна Самолвина, которого крестивший Русскую землю Великий Князь Владимир Святославич за черное обличие прозвал Жуковым. Потомки сего Самолвина, Жуковы, многия Российскому Престолу служили Наместниками, Стольниками, Воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей в 6984/1476 и других годах поместьями»¹.

Н. И. Жуков происходил из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Калужской, Московской и Тамбовской губерниям². На военную службу был записан подпрапорщиком лейб-гвардии Измайловского полка (06.06.1800), а по прибытии в полк получил звание портупей-прапорщика (29.09.1802), затем – прапорщика (12.01.1803) и подпоручика (01.12.1804). Во время русско-австро-французской (1805) и русско-прусско-французской (1806–1807) войн принимал участие, соответственно, в Аустерлицком

(20.11.1805) и Фридландском (02.06.1807) сражениях, за отличие в которых удостоился ордена Святой Анны IV степени (20.11.1805), звания поручика (25.01.1807) и золотого оружия «За храбрость» (20.05.1808)³. В последнем сражении к тому же он получил пулевое ранение в плечо⁴.

В чине штабс-капитана (11.02.1810) Жуков был участником Отечественной войны и Бородинской битвы (26.08.1812), за отличие в которой был награжден орденом Святой Анны II степени, затем вместе с Измайловским полком сражался под Красным (06–08.10.1812) и Малоярославцем (13.10.1812) и освобождал Вильну (01.12.1812), после чего был участником заграничного похода и сражений при Люцене (20.04.1813), Бауцене (09.05.1813), Кульме (17.08.1813), Вахау (04.11.1813) и взятия Парижа (18.03.1814), причем за отличие при Бауцене удостоился ордена Святого Владимира IV степени, при Кульме – звания полковника и за взятие Парижа – серебряной медали. После войны командовал Киевским гренадерским полком (17.02.1816) и вышел в отставку в звании генерал-майора (04.03.1820)⁵.

Находясь в отставке, женился на дочери отставного бригадира И. Д. Шепелева (?–20.08.1812) Софье (ок. 1800–?)⁶, родной тетке писателей А. В. Сухово-Кобылина и Е. В. Салиас-де-Турнемир, и к пяти сотням крестьянских душ в Московской, Петербургской и Смоленской губерниях прибавил двести пятьдесят душ жены в Боровском и Мценском уездах Калужской губернии⁷, но поскольку семья с каждым годом увеличивалась, вернулся на службу и был назначен сначала черниговским (01.09.1828–25.12.1838)⁸, затем костромским (25.12.1838–14.02.1846) губернатором⁹, выслужив чины действительного статского (17.10.1829) и тайного (31.12.1834) советника и орденов Святой Анны I (04.06.1830) и Святого Владимира III (28.09.1832) степеней, а кроме того, за успешное взыскание податей в Черниговской губернии ежегодно удостоивался высочайших благоволений, удовольствий и удовлетворений.

В Костромской губернии при нем были открыты губернская палата государственных имуществ (01.05.1839), Нерехтское училище для девиц (08.12.1840), Судиславское приходское училище (1842) и построены торговые ряды в Больших Солях Костромского уезда (1840), а также произошли два сильных лесных пожара (июль – август 1839, июль – сентябрь 1841), во время первого из которых сгорел город Кадый Макарьевского уезда. В результате «...дорогие строевые леса Макарьевского, Солигаличского, Буйского, Галичского и отчасти Варнавинского, Кологривского и даже Ветлужского уездов сильно поредели, а малолесные дачи Нерехтского, Кинешемского и Юрьеveckого уездов почти вовсе истреблены»¹⁰.

В 1841 году Н. И. Жуков удостоился высочайшего удовольствия «за отличное и удобное размещение в Костромской губернии полков 16-й пехотной дивизии»¹¹, а в следующем году – высочайшего удовлетворения «за успешный набор рекрутов»¹², но знак отличия за XXX лет беспорочной службы, полученный им в 1845 году, стал его последней наградой.

Граф М. Д. Бутурлин вспоминал: «В Костроме мы застали Н. И. Жукова в страхе и трепете от висевшего над ним и над всею подчиненною ему фалан-

гою Дамоклессова меча в образе прибывшего ревизовать Костромскую губернию сенатора князя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского... По окончании senatorской ревизии, Н. И. Жуков был уволен от занимаемого им места, без назначения в сенаторы, хотя был тайным советником»¹³.

Вместе с женой Жуков похоронен в Тихоновой пустыни Калужского уезда одноименной губернии¹⁴. Из их детей по именам известны Елизавета (1827–?), с 1840 года бывшая замужем за костромским вице-губернатором А. Д. Бороздиным, Иван (1822–23.02.1857), Дмитрий (1824 – не ранее 1873), Прасковья (1826–01.08.1854), Николай (1828–01.05.1893), Вера (1831–?), бывшая замужем за камер-юнкером В. Н. Лавровым, Владимир (1835–20.02.1861) и Константин (1838–1900)¹⁵.

Из описания герба Жуковых: «В щите, имеющем голубое поле, изображены золотой Крест и серебряная Подкова, шипами обращенная вверх, а внизу оной крестообразно положены две масличныя ветви. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубой, подложен золотом»¹⁶.

КОНСТАНТИН НИКИФОРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ (1799–1871)

На гражданскую службу в 1806 году К. Н. Григорьев был записан канцеляристом экспедиции государственных доходов, а 31 декабря 1809 года – сенатским регистратором, и в 1812 году даже получил чин губернского секретаря. С началом Отечественной войны поступил подпоручиком в Рязанский пехотный полк, а десять лет спустя уволился с военной службы в звании капитана и указом Сената от 28 января 1821 года был переименован в коллежские секретари.

С 31 декабря 1822 года в чине коллежского асессора служил помощником винного пристава Георгиевского уездного правления Кавказской области, однако через два года оставил и эту службу. 19 марта 1825 года был назначен столоначальником хозяйственного отделения Санкт-Петербургской казенной палаты, а 20 мая следующего года – помощником надзирателя питейных сборов той же палаты. В январе 1829 года дослужился до столоначальника Департамента уделов и удостоился высочайшего благоволения и вознаграждения в размере 300 рублей, но вскоре возвратился на военную службу и с 3 октября 1829 года состоял интендантом 2-й армии, 1 ноября 1831 года по представлению светлейшего князя Варшавского И. Ф. Паскевича-Эриванского был назначен в состав Главной полевой комиссариатской комиссии действующей армии во время Польского похода.

Через год после отставки из армии, состоявшейся 14 марта 1832 года, сделался чиновником для поручений Департамента податей и сборов Министерства финансов, однако 19 августа 1835 года оставил и эту должность.

5 октября 1836 года был назначен воронежским губернским контролером, 30 июня 1837 года удостоен знака отличия за беспорочную 15-летнюю службу и единовременного пособия в 1 000 рублей и переведен контролером в Департамент государственного казначейства ревизовать обороты Монетного двора, а 5 сентября 1838 года определен оренбургским вице-губернатором, но 21 сентября 1841 года был уволен по домашним обстоятельствам¹.

Оставаясь в резерве Министерства внутренних дел, в должности чиновника по особым поручениям обозревал состояние дорог и мостов Тверской и Новгородской и делопроизводства Псковской губерний, пока, наконец, 28 января 1846 года не был назначен костромским гражданским губернатором². При нем в Костроме были открыты Мариинский детский приют (10.06.1847) и благородный пансион для девиц Приоровой (01.11.1847).

28 июня 1847 года Константин Никифорович был произведен в действительные статские советники и с 1 января следующего года мог рассчитывать на ежегодное содержание в 2 000 рублей, однако получить его так и не успел.

2 сентября 1847 года гражданский губернатор выехал с ревизией в отдаленные уезды губернии, а в ночь с 5 на 6 сентября в Костроме загорелись надворные постройки купца Энгерта и крестьянина Литова. При сильном ветре огонь быстро распространился по Никольской (ныне ул. Свердлова) и Марьинской (ныне ул. Шагова) улицам, но вскоре в полутора верстах от места пожара на берегу реки Костромы вспыхнул дровяной склад, после чего огонь охватил Павловскую (ныне пр. Мира) и Еленинскую (ныне ул. Ленина), опустошил Богоявленскую (ныне ул. Симановского) и перекинулся на Пятницкую, Царевскую (ныне пр. Текстильщиков) Кадыевскую и Спасскую (ныне ул. Депутатская) улицы. Пожар бушевал всю ночь, а в 7 часов утра загорелся Богоявленский монастырь, да так, что монахам пришлось пробивать монастырскую стену, чтобы выбраться из огня, а днем полностью выгорела Власьевская улица (ныне ул. Симановского). Всего огнем было уничтожено 118 жилых и административных зданий и Богоявленский монастырь³.

Губернатор возвратился в Кострому вечером 7 сентября, а в 11 часов на следующий день стало известно о пожаре во дворе чиновника Полянского на Троицкой улице (ул. Комсомольская), и по Костроме стали распространяться подметные письма с угрозами новых поджогов. 9 сентября в 19 часов загорелся дом Звoryркиных, 10 сентября в 19 часов начался пожар во дворе дома Потоцкой на Русиной улице (ул. Советская), 11 сентября в 7 часов загорелся дом купца Вавилова в Крупениках⁴. Возобновились пожары на Никольской, Богоявленской и Марьинской улицах, а кроме того, началось мародерство. Пожарная команда и полиция были не в состоянии остановить ни пожары, ни грабежи. В результате с 5 по 11 сентября сгорело и было разграблено 188 домов, Богоявленский монастырь, 3 фабрики и 4 общественных здания⁵. Для города с населением в 15 тысяч человек это была катастрофа.

Подозрения в поджогах пали на высланных в Кострому под надзор полиции поляков, поскольку в августе в Кострому были доставлены бронзовые части памятника царю Михаилу Федоровичу Романову и поселянину Ивану Сусанину, и несколько поляков по приказу губернатора было арестовано и допрошено, при этом нижних чинов на допросах били розгами. Граф М. Д. Бутурлин записал, что Григорьев «отличился тем, что происходившие в Костроме в 1847 году частые пожары он приписывал полякам, коих насчитывать в Костроме можно было только десятками, и под влиянием этой галлюцинации он посадил в острог одного из главных городских медиков, с давних времен поселившегося там, носившего польскую фамилию, а вместе с ним и его дочь, замужем за русским тамошним обывателем»⁶.

За самоуправство высочайшим повелением 28 октября губернатор был арестован и через два дня отстранен от должности и предан военному суду⁷, однако четырехмесячным арестом и отстранением от должности его наказание, собственно, и ограничилось, и 12 мая 1850 года он вновь поступил на службу и 19 августа стал членом совета Министерства внутренних дел, а 1 ноября 1851 года – начальником новообразованной Якутской области и находился в этой должности до 23 ноября 1856 года с годовым жалованьем 2 000 рублей, такими же столовыми и 857 рублями квартирных⁸. За время службы был награжден также орденами Святой Анны, Святого Станислава II и Святого Владимира IV степеней и медалью за русско-турецкую войну 1828 года⁹.

В очерке «По Восточной Сибири» И. А. Гончаров о нем писал: «Губернатором же был... бывший до Якутска губернатором в одной из губерний Европейской России, где как-то неумело поступил с какими-то посланными в ту губернию на житье поляками – и будто бы за это «на некое был послан послушанье» в отдаленный край. Стало быть, он в своем роде был почетный ссыльный».

Лично любезный, тонкий, пожалуй образованный... чиновник. Чиновник – от головы до пят, как Лир был король от головы до пят»¹¹.

Похоронен Григорьев на Казанском кладбище в Царском Селе Санкт-Петербургского уезда¹¹.

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ

(01.07.1804–31.01.1882)

Для «принятия мер к успокоению взволнованных там умов, вследствие неблагоприятных распоряжений бывшего губернатора и для временного управления» Костромской губернией, 5 ноября 1847 года в Кострому прибыл внук знаменитого полководца и сын генерал-лейтенанта Аркадия Александровича Суворова (04.08.1784–13.04.1811)¹ и Елены Александровны, урожденной княжны Нарышкиной (1785–1855)², генерал-майор

Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский³, ввиду чрезвычайных обстоятельств назначенный военным губернатором⁴.

Обвинение поляков он объявил ложным, но, поскольку среди костромичей отношение к ним было враждебным, ходатайствовал перед начальником III Отделения императорской канцелярии графом А. Ф. Орловым (1787–1862) об освобождении от надзора и возвращении на родину отставного штабс-ротмистра Ивана Свищевского, служившего столоначальником Костромской удельной конторы, губернского секретаря Михаила Султанова, бывшего вольнослушателя Московского университета Аполлинария Беляновича и дворянина Каменец-Подольской губернии Адольфа Кочеровского. В результате Кочеровскому местом жительства была назначена Воронежская, Беляновичу – Курская губернии, а Свищевскому было разрешено жить «где пожелает» за исключением столицы⁵.

А. А. Суворов воспитывался в частном пансионе в Швейцарии (1816–1822), владел французским, немецким, английским языками и латынью, причем немецкий язык знал лучше, чем русский. Затем посещал лекции в Сорбонне и Геттингенском университете (1822–1824). В последнем из них однажды «тамошние студенты привязались к нему, чтоб подрасть с внуком знаменитого полководца, в чем он их удовлетворил»⁶.

На военную службу поступил эстандарт-юнкером в лейб-гвардии Конный полк (12.12.1824), где через месяц стал корнетом и удостоился высочайшего благоволения (15.01.1825), затем – поручиком (06.12.1827), штабс-ротмистром (22.07.1828) и ротмистром (25.06.1831). Состоял членом Северного общества декабристов и в 1826 году был даже отправлен на Кавказ, где участвовал в изгнании лезгин из Кахетии, осаде Эривани (25.09.–01.10.1827), взятии Аббас-Абада (05.07.1828), осаде и взятии Варны (август – сентябрь 1828) и других сражениях и заслужил ордена Святого Владимира IV (1827) и Святой Анны II (1828) степеней, золотое оружие «За храбрость» (25.01.1828)⁷ и чин флигель-адъютанта (29.02.1828), а по окончании войны с Персией получил от персидского шаха орден Льва и Солнца II степени с алмазами (1830).

В том же году по случаю женитьбы высочайшим указом был пожалован из государственного казначейства 100 тысячами рублей и пенсионом в 25 тысяч рублей в год (сравните с 1000 рублей, выделенной по такому же случаю К. Н. Григорьеву).

В следующем году Суворов был послом к королю Пруссии и присутствовал при встрече российского императора с австрийским. Являлся также участником Польского похода (1831) и парламентаром главнокомандующего к мятежникам, после чего доставил императору донесение о победе и был награжден орденом Святой Анны II степени с короной. Впоследствии был назначен командиром Фанагорийского гренадерского полка (26.03.1839) и произведен в генерал-майора свиты (30.08.1839), затем командиром 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии (05.01.1842), генерал-адъютантом (25.06.1846) и генерал-лейтенантом (11.04.1848)⁸ и награжден орденами Святого Владимира III сте-

пени (06.12.1835), Святого Станислава (17.08.1843) и Святой Анны (20.04.1847) I степеней, а также за выслугу 25 лет в офицерских чинах – орденом Святого Георгия IV степени (26.11.1847)⁹. За участие в Венгерском походе 1849 года получил памятную серебряную медаль, в следующем году – знак отличия за 20-летнюю беспорочную службу и, наконец, за устройство бастионов в устье Западной Двины (Даугавы) против флотов Англии и Франции во время Крымской войны (1853–1856) – алмазные знаки ордена Святого Александра Невского.

Вдобавок к владениям в Новгородской, Московской, Вологодской и Костромской¹⁰ губерниях с 1 487 крестьянами в 1845 году был пожалован имением в Царстве Польском с годовым доходом 2 250 рублей, имел ежегодную пенсию в 7 тысяч рублей и все же постоянно нуждался в деньгах. Так, 2 июня 1847 года он подал А. Ф. Орлову прошение о выделении 60 тысяч рублей серебром для покупки дома в Санкт-Петербурге¹¹. Граф Орлов передал его прошение в министерство финансов, кредитная часть которого дала согласие на предоставление ссуды сроком на 26 лет, «хотя просимая князем Суворовым ссуда превышает банковскую оценку дома князя Лобанова-Ростовского более, нежели вдвое»¹².

1 января 1848 года, когда А. А. Суворов был назначен курляндским, лифляндским и эстляндским военным губернатором¹³, прибалтийские немцы, по словам жандармского полковника Щербачева, воскликнули: «Опять русского! И только еще Генерал-Майор!», но, узнав о его владении немецким языком и особенно о драке со студентами в Геттингене, «утешились»¹⁴. Удивление вызывали прогулки губернатора по городу «с бюргерами рука об руку», покровительство раскольникам и посещение им рижского всесословного клуба «Лидерстафель», где он пел студенческие песни¹⁵.

4 ноября 1861 года А. А. Суворов был назначен столичным генерал-губернатором и членом Государственного Совета¹⁶. Цензор А. В. Никитенко (1804–1877) писал: «Никогда, кажется, в Петербурге не совершалось столько мерзостей, как ныне, в управление гуманного болвана генерал-губернатора Суворова. Воровство, дневное и ночное, в огромных размерах каждый день и каждую ночь разбой, пьянство, небывалое даже в России, так что пьяные толпами скитаются по улицам, валяются и дохнут, как скоты, где попало»¹⁷.

В адрес губернатора к тому же были нарекания «за отступление им от законного порядка в делах исковых». Пользуясь свободным доступом к императору, он с легкостью обходил решения Сената и вершил дела по своему произволу. Примечательно, к примеру, освобождение им из тюрьмы 60 арестантов лишь на том основании, что они просили его о помиловании¹⁸. О недовольстве петербуржцев свидетельствует тот факт, что 28 января 1866 года, когда по жалобе коммерческого суда Сенат постановил «испросить Высочайшее соизволение на объявление Князю Суворову, чтобы он не вмешивался в дела, превышающие его власть», публика «позволила себе даже аплодировать»¹⁹.

Н. К. Михайловский (1842–1904) вспоминал, что «революционеры разгуливали с фальшивыми паспортами совершенно открыто по Петербургу,

показывались в обществе, в театре, на разных торжествах»²⁰, но несмотря на это А. А. Суворов продолжал пользоваться благоволением императора и 17 апреля 1863 года удостоился ордена Святого Андрея Первозванного, однако после покушения Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года был немедленно снят с губернаторства и отправлен на почетную должность генерал-инспектора пехоты с годовым окладом 80 тысяч рублей и 5000-рублевой прибавкой к пенсии.

Его женой была Любовь Васильевна, урожденная Ярцева (04.03.1811–26.11.1867)²¹. Их дети: Любовь (13.11.1831–?), Николай (02.10.1834–?) и Александр (31.10.1844–?)²².

Александр Аркадьевич и Любовь Васильевна Суворовы похоронены в Сергиевой пустыни Санкт-Петербургского уезда²³.

ИЛЛАРИОН ИЛЛАРИОНОВИЧ ВАСИЛЬЧИКОВ

(21.10.1805–12.11.1862)

Из описания герба и рода Васильчиковых в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския империи...»: «В щите, имеющем голубое поле, изображены горизонтально золотая Сабля и диагонально серебряная Стрела, протытая остроконечиями крестообразно сквозь кольцо золотого Ключа, и под Ключом с левой стороны видно серебряное распростертое крыло. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубой, подложенный золотом.

Предок рода Васильчиковых, муж честен именем Интрис, а по крещении названный Леонтьем, выехал из Цесарии в 6861/1353 году с двумя сыновьями: Константином и Федором, и с ними дружины и людей их три тысячи мужей... Многия Васильчиковы Российскому Престолу служили в Боярах, Стольниками, Воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей поместьями и другими почестями и знаками монарших милостей»¹.

Сын Екатерины Илларионовны, урожденной Овцыной (ок. 1754–30.11.1832), и графа (1831), князя (1839), председателя Государственного Совета и Комитета министров (1838–1847) Иллариона Васильевича Васильчикова (1774–21.02.1847)². Отец И. И. Васильчикова, по словам барона М. А. Корфа, «был единственный человек в России, который во всякое время и по всем делам имел свободный доступ... к своему монарху... Император Николай не только любил его, но и чтил, как никого другого». Именно по совету И. В. Васильчикова при подавлении восстания декабристов была применена картечь³.

И. И. Васильчиков после окончания частного учебного заведения поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк (31.01.1824), где в тот же день был повышен до юнкера (31.01.1824), позднее – корнета (12.08.1824).

14 декабря 1825 года в составе гвардейского корпуса действовал против мятежников и за это удостоился высочайшей благодарности. В следующем году вместе с полком находился в Москве на церемонии коронации Николая I. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов служил адъютантом командира 1-го пехотного корпуса генерал-адъютанта П. П. фон дер Палена (06.01.1829) и был награжден орденом Святого Владимира IV степени (22.03.1830), затем прикомандирован к генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому (31.08.1830), возвратился к фон дер Палену (04.01.1831) перед началом Польского похода, в продолжение которого получил звания штабс-ротмистра (13.03.1831) и ротмистра (10.10.1831), а по окончании был вновь командирован на Кавказ к Паскевичу-Эриванскому (14.02.1832). Кавалер золотого оружия «За храбрость» (07.02.1832)⁴ и флигель-адъютант (12.09.1833).

28 сентября 1835 года был отправлен в Костромскую и Вологодскую губернии для наблюдения за первым частным рекрутским набором, после чего награжден орденом Святого Станислава III степени (06.12.1835). В феврале 1836 года проводил следствие о смерти еврея Л. Корецкого, удушенного единоверцами в синагоге в местечке Славута Волинской губернии. В сентябре того же года в Симбирске расследовал дело о жестоком обращении командира Симбирского батальона военных кантонистов, затем был направлен в Воронежскую и Тамбовскую губернии для наблюдения за рекрутским набором. В звании полковника (08.01.1837) летом 1837 года присутствовал на смотре в Ковно, затем в Тифлисе проводил следствие по делу бывшего командира Эриванского карабинерского полка князя Дадиани, а в октябре был командирован в Кубанскую провинцию для изучения бывших там возмущений.

В феврале 1838 года произвел следствие о подлоге в архиве Петербургского магистрата, за что получил высочайшее благоволение, в апреле отправился в Любек для следствия о пожаре на пароходе «Николай», затем на высочайший смотр в Варшаву, в октябре наблюдал за рекрутским набором в Виленской губернии, после чего получил орден Красного Орла. Летом 1839 года был послан в Симбирск для выяснения причин бывших там пожаров, после чего награжден орденом Святого Владимира III степени (01.09.1839). В 1840 году посетил Тамбовскую губернию по случаю неурожая, затем находился в комиссии для рассмотрения быта рабочих в Санкт-Петербурге. В августе 1842 года находился в Курске по случаю пребывания там императора, в 1844 году был командирован в Тверскую губернию для наблюдения за рекрутским набором, затем в Воронеж для наблюдения за формированием батальонов Кавказского корпуса. Генерал-майор свиты (07.04.1846). Кавалер ордена Святого Станислава I степени (06.12.1847)⁵.

Наконец, в последний день 1847 года был назначен на должность костромского военного и гражданского губернатора⁶, но задержался в Костроме ненадолго и 9 апреля отправился губернатором в Волинскую губернию⁷, где был награжден орденами Святого Георгия IV (26.11.1848) и Святой Анны I (05.09.1849) степеней, затем с 12 июля 1850 года исправлял должность

киевского генерал-губернатора и был награжден орденом Святого Владимира II степени (21.09.1851), 30 августа 1852 года был утвержден в должности киевского военного генерал-губернатора и подольского и волинского губернаторов⁸, а 24 октября был избран почетным членом киевского Императорского университета Святого Владимира⁹. Одновременно с 24 ноября того же года по 21 апреля 1856 года управлял Киевским учебным округом и состоял в должности вице-президента Киевского тюремного комитета. 18 апреля 1855 года получил звание генерал-лейтенанта, 17 апреля 1857 года – орден Белого Орла, а 2 октября 1859 года – Святого Александра Невского. 23 апреля 1861 года был назначен членом Государственного Совета с оставлением в должности генерал-губернатора, а с 6 июля следующего года еще и командовал войсками Киевского военного округа¹⁰.

В должности киевского генерал-губернатора подавлял крестьянские волнения в Киевской губернии (1855), выслал с Украины Т. Г. Шевченко (1859), уволил Н. С. Лескова с должности судебного следователя за разоблачения: взяточничества (1860) и пр. Прототип губернатора Егора Егоровича в рассказе Лескова «Смех и горе»¹¹.

Его женой и прототипом «киевской княгини» в рассказе Лескова «Счастье в двух этажах» была княжна Екатерина Алексеевна, урожденная Щербатова (09.02.1818–13.07.1869)¹², дочь московского генерал-губернатора (1844–1848)¹³ князя А. Г. Щербатова (23.02.1777–15.12.1848)¹⁴. Их сын Сергей Илларионович (1849–1926), в 1919 году эмигрировавший из России, был женат на М. Н. Исаковой (1853–1922), дочери генерала Н. В. Исакова, которого считали сыном Александра I¹⁵.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КАМЕНСКИЙ **(1805–1857?)**

С приходом весны 1848 года не успевшая оправиться от пожаров Кострома испытала новое несчастье – из южных губерний пришла холера, какой не бывало с 1830 года. В этих обстоятельствах и был назначен в Кострому очередной (четвертый за полгода) губернатор, которому спешно пришлось формировать губернский холерный комитет и устраивать больничные дома в уездных городах и крупных торговых селах. Несмотря на эти меры, с мая по июль в Костромской губернии от холеры умерло более тысячи человек и несколько тысяч переболело. Только в августе эпидемия отступила.

Из родословной И. В. Каменского: «Фамилия Каменских происходит из польского шляхетства. Ярош Каменский владел в Польше деревнями, кото-

рые внук его Иван Каменский в 1696-м году разделил с братом своим Петром. Мартын Степанов приобрел себе особо местность. Иван Михайлов сын Каменский выехал в Оршанский повет. Происходящие от сего рода Лука, Василий и Мартын Каменские с потомством их, по указу Его Величества блаженной памяти Государя Императора Павла I-го, последовавшему на докладе Правительствующего Сената 1797 года сентября в 11 день, утверждены в древнем дворянстве»¹.

Генерал-майор И. В. Каменский происходил из дворянского рода, внесенного в V часть родословной книги по Московской, Нижегородской, Орловской и Смоленской губерниям², был участником Персидского (1827) и Польского (1831) походов и русско-турецкой войны (1828–1829), кавалером золотой шпаги «За храбрость» (17.09.1831)³, затем волынским (06.11.1846–02.04.1848)⁴ и костромским (02.04.1848–28.02.1852)⁵ губернатором.

В автобиографическом романе «Люди 1840-х» А. Ф. Писемский (1821–1881), служивший при нем чиновником особых поручений, писал:

«– Он был сначала взят, – отвечал он, – за высокий рост в адъютанты... Здесь он приучился к писарской канцелярской службе; был потом, кажется, в жандармах и сделан наконец губернатором»⁶.

В Кострому И. В. Каменский был переведен за рукоприкладство в отношении волынского вице-губернатора; за крутой характер имел прозвище «Иван Грозный». Яркий образ губернатора рисует биограф Писемского С. Н. Плеханов: «Слышали-де, проходя мимо губернаторского дома, стон из открытого окна (в первом этаже помещалась канцелярия). А когда спросили у стоявшего на крыльце сторожа, кто болезнует, получили ответ: «Сегодня Сам сердит, правителя канцелярии неловко задел, зуб вышиб, вот бедолага и охает»⁷.

Каменский усилил гонения на старообрядцев. Секретарем секретного комитета о раскольниках был назначен Писемский, по рапорту которого губернская канцелярия в июне 1850 года завела дело «Об уничтожении раскольничьей секты в селе Урене». Конфискованные иконы и книги хранились в Ипатьевском монастыре. Часть из них вновь перепродавалась старообрядцам, часть уничтожалась⁸. Секретарю секретного комитета пришлось также закрывать раскольничью часовню в деревне Гаврилково Нерехтского уезда⁹.

8 августа 1850 года губернатор устроил в Костроме торжественную встречу великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, а 14 марта следующего года на главной городской площади открыл памятник царю Михаилу Федоровичу Романову и поселянину Ивану Сусанину, сооруженный по проекту ректора Императорской Академии художеств по отделу скульптуры В. И. Демут-Малиновского. «По окончании всей торжественной церемонии г. военный губернатор с губерньским и уездными предводителями дворянства, дворянами и чиновниками отправился к приготовленному от дворянства для потомков Сусанина – Коробовских белопащцев – обеденному

Министра внутренних дел и управляющего III Отделением костромской губернии просил также избавить Костромскую губернию от полковника Перфильева и подполковника Шевелева, обвинив последнего в связях с кинешемскими купцами-раскольниками, среди которых упоминалась, например, династия Миндовских⁹. Со своей стороны Перфильев и Шевелев в донесении 9 декабря 1852 г. начальнику III Отделения императорской канцелярии и шефу корпуса жандармов графу А. Ф. Орлову обвиняли Муравьева в следующем: «а) Муравьев, со дня вступления в должность, по особым предложениям губернского Правления, получил вперед свое содержание; б) не имея никакого основания на получение квартирных денег, потому что прямо въехал в казенный дом, вытребовал квартирные себе деньги... г) Муравьев, неизвестно по какому разрешению, во время ревизования им губернии, собрал капитал от гг. откупщиков, содержателей винных заводов и купцов, под предлогом для благоустройства города Костромы более 10 000 рублей серебром, а капитал этот до сего времени остается безгласным в произвольном его распоряжении...»¹⁰

История этого капитала такова: «Однажды приходит к В. Н. Муравьеву делегат винного откупщика по Костромскому уезду и преподносит в дар 2000 рублей. Муравьев вспыхнул: «Что это?.. Взятка?! Да как вы смели?!» – «Извините, ваше превосходительство! – смиренно возражает тот. – Моя роль маленькая... Я лишь посланный... Таков обычай...» – «Муравьевы не берут», – гордо сказал губернатор. «Простите, ваше превосходительство!.. Но так как до вас брали все губернаторы, то думали, что и вы...» – «Как! Неужели брали все?» – «Точно так, ваше превосходительство... Только губернатор Григорьев на эти деньги вызолотил главы на соборе...» – «Гм! Погодите! Оставьте, положите здесь...» Посланный откупщика положил деньги на стол и удалился, отнеся низкий поклон, а губернатор призвал к себе полицмейстера, городского голову, городского архитектора, начальника исправительных арестантских рот. Он выразил желание воспользоваться поступившими деньгами для приведения в приличный вид местности близ губернаторского дворца, так, чтобы она служила на украшение и пользу города... К сожалению, не хватило средств на то, чтобы провести всю намеченную линию, и задача была окончательно выполнена лишь при Рудзевиче»¹¹.

И хотя граф Орлов признал обвинения против Муравьева «не заслуживающими никакого внимания», а Дубельт в свою очередь оправдал перед губернатором действия жандармского подполковника¹², склока между губернатором и чиновниками не прекращалась, и потому из Костромской губернии Муравьева вскоре перевели в Олонецкую губернию (10.04.1853–30.11.1856)¹³, затем назначили псковским губернатором (30.11.1856–19.02.1864)¹⁴.

Во Пскове, как и в Костроме, Муравьев устроил сквер между городом и вокзалом¹⁵. Впоследствии стал сенатором и дослужился до чина тайного советника.

Его первая жена – Софья Григорьевна, урожденная Гежелинская (17.09.1828–19.11.1850)¹⁶. Вторая жена – Надежда Федоровна, урожденная Миркович (27.09.1838–14.06.1888)¹⁷. От двух браков В. Н. Муравьев имел четырех сыновей и дочь. Похоронен в московском Новодевичьем монастыре¹⁸.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЛАНГЕЛЬ**(1794–30.06.1853)**

Сын эстляндского вице- (23.10.1786–25.01.1797)¹ и губернатора (25.01.1797–14.06.1808)², тайного советника и кавалера А. А. фон Лангеля (около 1744–1808)³. Актуариус Коллегии иностранных дел (1809). Участник Отечественной войны (1812–1815) и Витебского (13–14.07.1812), Смоленского (04–06.08.1812), Бородинского (26.08.1812), Тарутинского (22.09.1812), Красновского (06–08.10.1812), Малоярославецкого (13.10.1812), Люценского (22.04.1813), Бауценского (08–09.05.1813), Кульмского (17–18.05.1813), Дрезденского (23.09.1813), Ла-Ротьерского (20.01.1814), Фершампенуазского (13.03.1814) и других сражений и взятия Парижа (18.03.1814). Юнкер (1812), корнет (1812), подпоручик (1813) и поручик (1817) лейб-гвардии Конного полка и кавалер орденов Святого Владимира и Святой Анны IV степени, прусского Железного Креста (14.08.1813) и золотого оружия «За храбрость» (13.03.1814)⁴.

В дальнейшем звания ротмистра (1823) и полковника (1825) Н. А. Лангель выслужил в лейб-гвардии Кирасирском Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полку, а в 1830 году был назначен командиром лейб-гвардии Уланского Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полка, вместе с которым в следующем году участвовал в Польском походе, осаде крепости Замостье и преследовании корпуса итальянского ландскнехта, генерала Джироламо Раморино до границы Царства Польского, за что удостоился польского знака отличия за военные заслуги.

В звании генерал-майора (1833) командовал 2-й бригадой 2-й Уланской дивизии и в звании генерал-лейтенанта (1844) – 2-й Уланской дивизией (1844) и запасными эскадронами 1-го резервного кавалерийского корпуса (1846)⁵. Кавалер ордена Святого Георгия IV степени за 25-летнюю выслугу в офицерских чинах (29.11.1837)⁶.

Воронежский губернатор (18.12.1846–10.04.1853)⁷, с переменным успехом боровшийся там с холерной эпидемией (1847) и торжественно принимавший наследника-цесаревича Александра Николаевича (05–06.11.1850)⁸, и костромской военный и гражданский губернатор (10.04.1853–30.06.1853)⁹.

В последнюю должность Лангель вступил 31 мая¹⁰, а 13 июня отбыл из Костромы для обозрения губернии¹¹, и больше живым его в Костроме не видели.

Самым заметным событием его правления стало поступившее в день его кончины уведомление министра внутренних дел о том, что «Государь Император объявил благодарность жителям Костромской губернии за пожертвованное ими в пользу нижних чинов 16-й пехотной дивизии значительное количество провианта, независимо от доставления им хорошего приварка»¹².

Вдовый и бездетный губернатор был похоронен в Ипатьевском монастыре¹³.

стола... В 4 часа пополудни от костромского дворянства дан был обед на 250 кувертов по особому приглашению...»¹⁰

Историю этого обеда в письме к родным подробно описал И. С. Аксаков, служивший чиновником особых поручений при ярославском губернаторе: «Новостей здесь нет никаких, кроме того, что вчера было открытие памятника в Костроме «поселянину Сусанину». Памятник этот выстроен на подписную сумму, собиравшуюся лет 20; осталось денег лишних 2 500 рублей серебром. Костромское дворянство думало, думало, что делать с этими деньгами? Выстроить богадельню, воспитывать на эти деньги бедного мальчика в гимназии и проч. – все это им не понравилось, и они решили деньги эти съесть, и съесть на славу: выписали припасов из Петербурга и из Москвы, пригласили едоков из Ярославской губернии и вчера ели. Посылаю вам сочиненный и напечатанный в Костроме церемониал, очень забавный»¹¹.

В июне того же года состоялось открытие губернской комиссии для оценки недвижимых имуществ, в сентябре – губернского попечительного о бедных комитета...

«Костромские губернские ведомости» писали: «В настоящую зиму Кострома веселится более, нежели когда-нибудь... Все наше общество, соединившись как бы в одну родную семью, встретило этот великий день в жизни человека общим собранием, единодушным весельем... Бал этот был оживлен как нельзя более непринужденным удовольствием и весельями танцами, продолжавшимися до утра; туалеты дам были свежи, милы и даже богаты, обличая и в провинции умение одеваться со вкусом...»¹²

Это Каменского и губило.

Из того же романа Писемского: «В этой докладной записке, – продолжал он снова, относясь к Вихрову, – я объясняю и причины, по которым начальник губернии порочит меня. “Для госпожи Пиколовой, – я пишу, – выгнаны четыре исправника и заменены ее родственниками; за госпожу Пиколову ратман за то, что в лавке у него не поверили ей в долг товару, был выдержан целый месяц при полиции; за госпожу Пиколову господин Вихров за то, что он произвел следствие об ее родном брате не так, как тому желалось, предан теперь суду”... Кроме того, у меня собраны от разных жителей города такого рода записки: “Ах, там, пожалуйста, устройте бал у себя, m-me Пиколовой так хочется потанцевать”, или “Мы с m-me Пиколовой придем к вам обедать”, и все в этом роде. Как потом будет угодно министрам – обратить на это внимание или нет, но я представляю факты»¹³. Внимание обратили. В последней главе романа читаем:

«– А где же прежний?

– В Москве он жил.

– А дама его сердца?

– Попервоначалу она тоже с ним уехала, но, видно, без губернаторства денег у него немножко в умалении сделалось, она из-за него другого стала иметь. Это его очень тронуло, и один раз так, говорят, этим огорчился, что крикнул на нее за то, упал и мертв очутился»¹⁴.

ВАЛЕРИАН НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЕВ**(14.08.1811–16.11.1869)**

Из родословной В. Н. Муравьева: «Василий Алаповский находился сыном боярским в великом княжестве Рязанском в конце пятнадцатого века; у него было три сына: Осип по прозвищу «Пуца», Иван по прозвищу «Муравей» и Иов... От первого пошли Пушины... От второго пошли Муравьевы... Николай Назарьевич был статс-секретарем и в начале царствования Незабвенного, когда его правнучатных братьев сослали в Сибирь и вешали, находился начальником I Отделения Собственной канцелярии. Старший сын его – нынешний граф Амурский»¹.

Младший сын Николая Назарьевича (14.10.1775–23.01.1845)² Валериан, родившийся в имении Теребонь Новгородского уезда Новгородской губернии, графского достоинства, в отличие от старшего брата, не заслужил и, наоборот, о своей деятельности как ярославского вице-губернатора (28.08.1848–15.06.1850)³, так и помощника попечителя Московского учебного округа (1850–1852) оставил самые нелесные отзывы. Например, отзыв К. С. Аксакова: «Муравьев – величайший мерзавец и свинья первого разряда... Эта скотина держит себя так с профессорами, как еще, конечно, никто себя не держал»⁴. Отзыв А. Н. Островского: «Ревностный попечитель, забредя однажды не в овчарню, а в Университетскую библиотеку, окинул орлиным взором а' la l'empereur все шкафы: "Это что за беспорядок – поставьте книги в порядке, и малые к малым, а большие к большим, да и на кой черт вы даете студентам книги, из середины шкапа, пусть начинают брать с краев, небось ведь не перечитают всего". Ревностного поборника просвещения перевели в Кострому губернатором...»⁵

По приезде новоиспеченный губернатор объявил, что служить вместе с вице-губернатором князем С. П. Гагариным не желает, и, действительно, через некоторое время жандармский полковник С. В. Перфильев, доложив управляющему III Отделением императорской канцелярии Л. В. Дубельту (1792–1862), что «быстрые» распоряжения костромского губернатора не всегда согласуются с законом, а их неисполнение вице-губернатором воспринимается Муравьевым как противодействие, предложил «развести» их по разным губерниям⁶. 23 октября того же года штаб-офицер корпуса жандармов подполковник М. Шевелев, кроме того, доносил: «В его мнении все костромские чиновники без изъятия непременно плуты! Или пьяницы и картежники!.. Муравьев действует по какому-то странному ожесточению и нет возможности его остановить»⁷.

В инцидент, таким образом, был втянут весь чиновничий аппарат губернии, а 13 ноября 1852 года в 11 часов уволенный от службы бывший старший советник костромского губернского правления Н. Г. Попов в пьяном виде ворвался в кабинет губернатора и потребовал прекращения следствия в отношении его брата – станового пристава⁸. Всего по настоянию нового губернатора службу оставили до 30 чиновников.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ ВОЙЦЕХ

(около 1799 – не ранее 1857)

Происходил из дворян Черниговской губернии. По его собственным словам, остался «после отца своего без всякого состояния, с одним честным именем». Учился в Черниговской губернской гимназии. Не имея «ни связей, ни состояния, ни протекции», военную службу начал рядовым Брестского пехотного полка (01.11.1815)¹. Подпрапорщик (01.02.1816), портупей-прапорщик (01.11.1816), прапорщик (15.05.1819) и подпоручик (13.06.1821) того же полка. В 1820 году занял должность полкового адъютанта, и через четыре года командир полка полковник Пинабель, выражая признательность Войцеку за службу, особо отмечал приведение им в порядок полковой канцелярии и попечение о полковой музыке. 12 июня 1823 года Войцех был пожалован в поручики и 27 ноября следующего года назначен адъютантом командира Отдельного Литовского корпуса генерал-лейтенанта Довре², а 6 июня 1827 года произведен в штабс-капитаны того же Брестского пехотного полка.

В 1828 года с началом русско-турецкой войны Литовский корпус переправился через реку Прут и воевал в Молдавии и Болгарии, и в июле Войцех участвовал в боях за крепость Шумлу. 22 июля его прикомандировали к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу графу П.Х.Витенштейну и ему приходилось под неприятельским огнем доставлять приказы. В августе 1829 года Войцех был переведен в лейб-гвардии Литовский полк поручиком, а 30 апреля 1830 года за проявленную храбрость награжден орденом Святой Анны III степени с бантом. В 1831 году, оставаясь адъютантом генерала Довре, участвовал в сражении с польскими повстанцами под Вильно с последующим их вытеснением до Пруссии и был произведен в штабс-капитана (02.10.1831), а затем и капитана (1833) Литовского полка³.

2 июля 1839 года из гвардии Войцех был переведен полковником в армию с назначением в Образцовый пехотный полк, в августе того же года прикомандирован к штабу Корпуса жандармов, а 16 мая следующего года переведен штаб-офицером Корпуса жандармов в Могилевскую губернию, после чего награды на него посыпались как из рога изобилия. В том же году он был награжден знаком отличия за 20 лет беспорочной службы, в феврале 1842 года получил благодарность от шефа Корпуса жандармов графа А. Х. Бенкендорфа, в апреле 1843 года за «отлично-усердную службу» был награжден орденом Святого Владимира IV степени, в мае получил еще одну благодарность А. Х. Бенкендорфа, в декабре за выслугу 25 лет в офицерских чинах – орденом Святого Георгия IV степени, в 1845 году – орденом Святого Станислава II степени, в 1849 году – орденом Святой Анны II степени, в следующем году – знак отличия за 30 лет беспорочной службы и чин генерал-майора⁴.

В должность костромского губернатора он вступил 20 сентября 1853 года⁵. В Костроме при нем были открыты Костромской губернский попечительный

о бедных комитет (20.11.1854) и Костромское губернское женское училище (26.08.1857) с благородным пансионом на 50 мест (16.08.1858) на средства почетного попечителя Костромской губернской гимназии А. Н. Григорова, а также построены присутственные места в Нерехте (1855) и Солигаличе (1857).

2 декабря 1854 года губернатору А. Ф. Войцеху было объявлено высочайшее благоволение за «бездоимочное и в срок окончание 11-го частного рекрутского набора», в следующем году – высочайшее благоволение за успешный сбор недоимок и податей, в 1856 году – высочайшее благоволение за попечение о тюрьмах в Костромской губернии, в следующем году – то же за удовлетворительный сбор податей, а если учесть еще и знак отличия за 35 лет беспорочной службы⁶, может сложиться впечатление, будто его губернаторство было безоблачным, но это не так.

В связи с Крымской войной костромской губернатор и другие члены губернского комитета государственного подвижного ополчения обвинялись в бесчисленных злоупотреблениях. В Кострому для их расследования были направлены чиновник особых поручений Министерства внутренних дел статский советник Титов и полковник корпуса жандармов Левенталь, а флигель-адъютант князь Кропоткин, отметив плохое обмундирование и снаряжение костромских ополченцев, прямо высказал предположение о хищениях.

В ходе расследования командир Галичской дружины № 149, к примеру, заявил, что средства, пожертвованные галичским дворянством, не были переданы комитетом и, кроме того, комитет «не озаботился сделать хотя малейшее вспомоществование неимущим офицерам и обеспечить чем-либо их семейства»⁷. В полном составе комитет собирался редко и делопроизводство в нем велось с явными нарушениями. Журналы и постановления оформлялись «очень кратко и необстоятельно» и по большей части задним числом.

Левенталь и Титов со своей стороны недостатки в подготовке ополчения отнесли не только к деятельности комитета, но и к противодействию и интригам «начальствующих лиц ополчения против губернского Комитета»⁸. Так, начальник Ветлужской дружины № 153 полковник Быстроглазов отказался заниматься покупкой телег и лошадей, а получив снаряжение, «как будто нарочно старался еще до выступления все привести в худший вид. Одежда и амуниция употреблялись без всякой бережливости», а на лошадях и телегах ополчения по г. Ветлуге развозился песок. Титовым было установлено, что Быстроглазов на последних дворянских выборах 1854 года баллотировался в уездные предводители дворянства, а потерпев неудачу, был враждебно настроен к предводителю губернского дворянства Миронову и губернатору Войцеху и старался «показать вверенную ему часть как можно хуже, чтобы подвергнуть Комитет ответственности»⁹. Противодействие оказывали и некоторые другие начальники дружин¹⁰.

По результатам расследования всем членам комитета были объявлены выговоры с внесением в формулярные списки. Уголовное дело против них, впрочем, было закрыто, однако на просьбу Войцеха снять выговоры с членов комитета неожиданно последовало его увольнение от должности губернатора¹¹.

Младший чиновник по особым поручениям и впоследствии публицист и мемуарист Н. П. Колюпанов вспоминал об А. Ф. Войцехе: «Генерал был старый, низенький, сморщенный старичок, до того неказистый, что на его собственном бале один из приезжих гостей принял его за квартального и предложил ему отыскать его экипаж. Генерал был вообще способностей не блестящих и грамотностью не отличался, подписывая письма: "Ваша покорная слуга Андрей В." Но зато генеральша была умна, молода, красива, любила веселье и толпу молодежи у своих ног»¹².

Войцех был женат на дочери коллежского асессора В. Ф. Королько, с 10 ноября 1853 года бывшей попечительницей костромского Мариинского детского приюта¹³, и имел сына Федора (1842–?) и дочь Наталью (1848–?). Поместьями семья не владела и жила на жалованье отца семейства.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ РОМАНУС

(24.08.1803–08.07.1861)

Рано лишившись отца, И. В. Романус воспитывался в Императорском Военно-сиротском доме (Павловском кадетском корпусе), откуда в октябре 1821 года был выпущен прапорщиком в Гренадерский Король Прусского полк, однако в начале 1823 года переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, в котором 31 мая 1824 года удостоился звания подпоручика, а 6 декабря 1826 года – поручика и за храбрость, проявленную в продолжение Персидской кампании, был отмечен орденами Святой Анны IV (12.02.1828) и III (06.12.1828) степеней.

По возвращении с войны был прикомандирован к Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (05.05.1830), где в 1831 году получил звание штабс-капитана, в 1835 году – капитана, а 20 января 1837 года был произведен в подполковника с назначением в Воронежские батальоны военных кантонистов, где с 6 февраля того же года командовал 1-м Казанским батальоном кантонистов. Затем в чине полковника с 16 апреля 1841 года служил в Смоленской губернии штаб-офицером 2-го округа жандармов.

Через 10 лет в чине генерал-майора И. В. Романус был назначен исправляющим должность вологодского губернатора (03.12.1851) и в июле 1853 года в этой должности был утвержден¹, но 13 августа 1854 года назначен ковенским военным губернатором², а 24 октября 1857 года в чине генерал-лейтенанта переведен в Кострому военным и гражданским губернатором³.

Сохранилось любопытное свидетельство фрейлины А. Ф. Тютчевой о пребывании в 1858 году в Костроме царской семьи: «Их величества были встречены огромной толпой. Они поехали в собор, а я повезла великую княж-

ну прямо в дом губернатора Романуса, лица совершенно неизвестного. Нас сопровождало человек двадцать бородачей, которые бежали за нашей коляской и не отставали от лошадей, что очень забавляло маленькую княжну. И здесь дом губернатора был убран с большим изяществом, но полон клопов»⁴.

Губернаторство И. В. Романуса пришлось на переломную эпоху в российской истории. Кризис крепостничества заставил царизм начать преобразование. В этих условиях в 1858 году рассматривался даже вопрос о возвращении института генерал-губернаторства, хотя всевластие губернаторов оставалось непоколебимым. Так, Романус являлся председателем приказа общественного призрения, продовольственной и строительной и дорожной комиссий, оспенного, статистического, рекрутского, земских повинностей и попечительного о тюрьмах комитетов, нескольких присутствий, комиссий и пр.⁵

В его донесении императору 13 марта 1858 года сообщалось о желании костромского дворянства «заняться вопросом об улучшении быта помещичьих крестьян губернии», но его переписка с министром внутренних дел С. С. Ланским свидетельствует о том, что губернатору пришлось оказать нажим на костромских землевладельцев, прежде чем они дали согласие на открытие комитета⁶. Так или иначе, 1 апреля 1858 года высочайшим рескриптом на имя костромского губернатора последнему повелевалось открыть Костромской дворянский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян под председательством губернского предводителя дворянства, однако наблюдение за действиями комитета поручалось начальнику губернии⁷. Он же утверждал кандидатуры членов комитета, а кроме того, ему регулярно предоставлялась «перечневая ведомость» о занятиях членов и кандидатов комитета⁸. По общему мнению историков, костромской комитет являлся «самым крайним защитником крепостного права»⁹.

После подготовки «Проекта общего положения об улучшении быта помещичьих крестьян Костромской губернии» и его обсуждения, в ходе которого был принят ряд поправок Романуса¹⁰, губернский дворянский комитет завершил свою работу. Впоследствии все его члены и кандидаты были награждены серебряными медалями «За труды по освобождению крестьян»¹¹.

Манифест в губернии был обнародован 12 марта 1861 года. Отмечалось, что это «был день истинно народного торжества, который составит светлую и навсегда незабвенную страницу в скромных летописях Костромской губернии. Крестьяне всюду были веселы и довольны дарованною им милостью, а в некоторых местностях восторг их был исключительно замечателен»¹². Однако начало полевых работ нарушило благостную картину: в марте – мае 1861 года протест против условий освобождения выразили около 7 % крестьян губернии¹³. Наибольшую известность приобрели волнения 1 200 крестьян помещиц Эйхлер и фон Менгден в Кинешемском уезде.

Губернатор направил туда военную команду¹⁴, но крестьяне, узнав о приближении войск, «выслали виновных, поспешили заплатить оброк, принялись за работы и просили о пощаде», после чего Романус вернул отряд¹⁵. По воспоминаниям последнего председателя Государственного Совета А. Н. Куломзина,

в ту пору мирового посредника в Кинешемском уезде, Романус «примерно наказал несколько крестьян, кажется, трех и каждому вручил после наказания по 5 коп., сказав: «Купи свечку и поставь ее образу Спасителя в благодарность, что я тебя не засек до смерти». Дня через два во всех усадьбах начались работы»¹⁶.

Справедливости ради следует сказать, что меры устрашения к освобожденным крестьянам сопровождалась и призывом губернатора к владельцам «умерить свои требования, дабы сохранить в имениях порядок и не дать повода распространиться волнениям вширь»¹⁷.

При губернаторе Романусе были открыты губернская типография (1860), уездная больница в Буге (06.02.1860) и женское двухклассное училище в Чухоме (05.03.1861).

Умер И. В. Романус на службе и вместе с детьми Михаилом (29.05.1853–03.06.1862) и Анной (20.07.1857–04.10.1861) был похоронен на костромском Спасо-Запрудненском кладбище, где и поныне сохранились их надгробья. Вдова Зинаида Григорьевна в 1858–1862 годах являлась попечительницей костромского Маринского детского приюта, а в 1863–1873 годах – начальницей костромской Григоровской женской гимназии.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУДЗЕВИЧ

(1811 – июнь 1889)

Внук крымского татарина Якова Измайлова, сын генерала от инфантерии А. Я. Рудзевича (1776–23.03.1829)¹ Н. А. Рудзевич, появился на свет в родовом имении вблизи Карасубазара Симферопольского уезда Таврической губернии. На военной службе с 6 ноября 1825 года. Участник русско-турецкой войны (1828–1829) и Польского похода (1831), за которые удостоился орденов Святой Анны II и III и Святого Владимира IV степеней с бантом. Кавалер золотого оружия «За храбрость» (05.05.1832)². В 1853–1856 годах он участвовал также в Крымской войне и был награжден орденами Святой Анны и Святого Станислава I степени с мечами и бантом, а также Святого Георгия IV степени за выслугу 25 лет в офицерском звании и чином генерал-майора (27.03.1855). И, наконец, в чине генерал-лейтенанта (18.02.1860) был назначен костромским военным и гражданским губернатором³.

Назначение Н. А. Рудзевича совпало с немаловажным этапом в осуществлении крестьянской реформы в империи – заключением уставных грамот между помещиками и крестьянами и межеванием земель. Ему же предстояло устроить судьбу 587 925 крестьян и 32 144 дворовых людей 4 439 помещичьих имений⁴.

В начале сентября 1861 года объехав Костромской, Макарьевский и Солигаличский уезды, в имении костромского помещика Безобразова, где

губернатором была замечена «обременительность» для крестьян издельной (барщинной) повинности, он предложил мировому посреднику ускорить составление уставной грамоты, однако в деревне Поляны и других владениях княгини Трубецкой Варнавинского уезда, где крестьяне отказывались от подписания грамот, он действовал иначе, направив туда военную команду⁵. И если к началу 1862 года было составлено всего лишь 3,4 % уставных грамот от общего числа подлежащих составлению⁶, то в течение года было составлено 4 927 и введено в действие 3 686, или 55 % от числа намеченных к введению⁷, а к 1 июля 1864 года их число достигло 6 568 единиц, или 99,3 % от запланированного. Причем с июня 1861 года по декабрь 1863 года включительно в Костромской губернии было лишь два случая подавления крестьянских волнений (второй – в октябре 1862 года в имении Нелидова Нерехтского уезда).

Губернский комитет о земских учреждениях был открыт 10 июля 1864 года, уездные земские собрания прошли в начале 1865 года, а первое губернское в составе 45 гласных состоялось с 9 по 25 марта 1865 года. Открывая его, губернатор сказал: «Вам, господа, первые представители нынешнего земства, выпала на долю завидная обязанность доказать своими действиями, что русский народ вполне достоин даруемого ему права; что в общем деле каждый из вас сумеет действовать, забывая свои личные и сословные интересы и хорошо понимая, что благосостояние каждого может быть обеспечено, когда благоденствует целое общество; что все вы глубоко проникнуты чувством справедливости, и каждый из вас в принадлежащем вам деле будет заботиться, чтобы бедный не был отягощен в пользу богатого, и повинности распределялись сообразно средствам тех, которые их несут. При таком дружном и справедливом образе действий земское дело быстро пойдет к высокому его назначению – возвысить благосостояние общества...»⁸

В повестке собрания были выборы губернской земской управы, рассмотрение сметы расходов на 1865 год и раскладки земского сбора между уездами. В состав управы вошли губернский предводитель дворянства А. А. Мионов (председатель), купец А. А. Акатов (костромской городской голова), дворяне Н. П. Корнилов, П. Е. Лаговский, Н. В. Френев, А. Н. Марин и крестьянин А. Е. Фиников, однако принятие постановления о введении в действие сметы расходов и раскладок сбора на «губернские повинности и мировые учреждения» губернатором было приостановлено. По его мнению, при обложении имущества не учитывалась величина их «ценности и доходности». Земство же настаивало на своей раскладке. И поскольку стороны так и не пришли к соглашению, решение вопроса губернатор передал в Сенат⁹.

Одновременно с земской реформой по всей Российской Империи проводилась судебная, которая в Костромской губернии началась с формирования мировых судов, рассматривавших мелкие уголовные и гражданские дела.

Непреходящим бедствием для Костромы и губернии являлись пожары, для борьбы с которыми требовались срочные меры, и 13 декабря 1864 года губернатор направил городским головам губернии циркуляр с требованием улучшить техническую оснащенность пожарных команд, а в случае необходимости

«пригласить жителей города, как купцов, так и мещан, гг. дворян и чиновников к подписке на приобретение необходимых инструментов»¹⁰. Костромскому городскому голове, в частности, он предложил «увеличить инструмент для разломки зданий и вскрытия крыш, приобретение парусов и щитов» для защиты от огня соседних зданий и т. д. и распорядился, чтобы «все это было заведено немедленно»¹¹. Пожарная команда Костромы, таким образом, по отзывам современников, своим «отличным сравнительно с прошлым» положением была обязана губернатору¹².

Постепенно восстанавливалось и разрушенное пожаром. 12 мая 1864 года начались строительные работы в Богоявленско-Анастасином монастыре, а 4 сентября 1866 года в Богоявленском соборе были заложены приделы в честь Феодоровской иконы Богоматери и во имя преподобного Иосифа Песнопisca и благоверного великого князя Александра Невского¹³. В 1866 году вновь было отстроено здание театра, пострадавшее от пожаров 1863 и 1865 годов.

В Ипатьевском монастыре в 1862 году был отстроен теплый Богородице-рождественский храм и перестроен архиерейский дом с новой Крестовою домовою церковью¹⁴, а 28 сентября 1863 года состоялось освящение Романовских палат, отреставрированных распоряжением Александра II, посетившего монастырь в 1858 году, по образцу московских XVII века¹⁵.

Необходимость улучшения руководства медицинскими учреждениями в губернии определила создание в 1865 году при губернском правлении врачебного отделения, которым в конце года были предприняты предупредительные меры на случай появления холеры и в здании, где ранее помещалось училище для детей канцелярских служащих, была устроена больница для холерных больных. Н. А. Рудзевичем, кроме того, оказывалась материальная помощь Марининскому детскому приюту, попечительницей которого являлась супруга губернатора Елена Михайловна¹⁶.

При Рудзевиче были открыты также городское полицейское управление (01.06.1862) и губернское казначейство (16.12.1865), Большесольское начальное (08.09.1861) и Судиславское приходское (1863) Костромского уезда, Макарьевское уездное (1863) и Костромское приходское трехклассное женское (20.08.1864) училища. Важным событием общественной жизни губернии было и открытие Костромского общественного клуба (27.02.1865), членами которого «могли быть лица всех сословий обоих полов». Губернатор, ходатайствовавший об утверждении устава клуба, был одним из «строгих его блюстителей», подчиняясь уставу «до мельчайших деталей»¹⁷.

За время губернаторства Н. А. Рудзевич дважды принимал высочайших особ – в 1863 году наследника-цесаревича Николая Александровича, который «неоднократно выражал свое удовольствие начальнику губернии», а при отъезде из Костромы подарил губернскому присутствию экземпляр «Положения 19 февраля»¹⁸, и в 1866 году – наследников-цесаревичей Александра Александровича и Владимира Александровича.

3 декабря того же года «Костромские губернские ведомости» сообщили о том, что «начальник губернии оставляет губернию», а 19 декабря в зале

Дворянского собрания земскими гласными и представителями дворянства в честь губернатора был дан обед. «Уездные гласные, – как сообщалось, – не хотели уезжать из Костромы, не заявив своего сочувствия оставляющему губернию губернатору». Во второй день января нового года в общественном клубе состоялся еще один обед в его честь, устроенный городским обществом. Вручая ему альбом с фотографиями присутствовавших на обеде, фабрикант В. А. Зотов заявил: «Костромское общество расстается с тем, в ком оно привыкло видеть не только начальника, но и того, для которого интересы общества постоянно составляли его собственные интересы». Последними знаками уважения и благодарности были звания почетного гражданина Костромы и почетного члена общественного клуба¹⁹.

Последний председатель Государственного Совета, а при Рудзевиче – мировой посредник Кинешемского уезда Костромской губернии А. Н. Куломзин, однако, писал: «Раньше Рудзевич служил в Варшавской жандармской администрации, был женат на варшавской же балерине и обладал хорошою галереею редких мастеров, составленною путем скупки у варшавских евреев картин, расхищенных из замков галицийских панов во время бывших в Австрии в 1848 году беспорядков. Человеком он был добрым, чрезвычайно приветливым, но не деловым. Когда мы наезжали в губернский город, стоило нам обратиться к нему за каким-нибудь разъяснением, как немедленно он нас подводил к окну и показывал одно из редких растений, которых он разводил массу, будучи большим любителем комнатной культуры всяких цветов, и тем дело кончалось»²⁰.

После Костромы Рудзевич числился в армейской кавалерии с состоянием по Министерству внутренних дел и в 1878 году удостоился даже орденов Белого Орла и Святого Станислава I степени. Похоронен в Симферополе²¹.

ВЛАДИМИР ИПОПОЛИТОВИЧ ДОРОГОБУЖИНОВ

(1822–24.06.1888)

Владимир Ипполитович Дорогобужинов происходил из дворян Белгородского уезда Курской губернии, где за его отцом числился 171 крестьянин. Выпускник юридического факультета Императорского Харьковского университета (1842), он был определен в канцелярию харьковского губернатора в число чиновников сверх штата. В августе следующего года утвержден в чине коллежского секретаря, а 14 февраля 1846 года «за усердие» произведен в титулярные советники, однако в июле того же года был уволен по прошению, а в октябре определен в Департамент Государственного казначейства в число канцелярских чиновников.

В июле 1847 года был переведен в кредитную канцелярию младшим помощником столоначальника, 1 апреля 1848 года утвержден штатным чиновником для письма без жалования в Совете детских приютов, 24 февраля 1849 года назначен старшим помощником столоначальника кредитной канцелярии, 9 октября за службу в Совете детских приютов удостоен высочайшей благодарности и 13 января 1850 года по прошению уволен от службы в кредитной канцелярии Министерства финансов, поскольку в сентябре назначен секретарем канцелярии комитета Главного попечителя детских приютов¹.

В дальнейшем служил начальником канцелярии главного командира Черноморского флота (1853–1857) и российским консулом в Иерусалиме (1853–1860), после чего Морским министерством был отправлен в служебную командировку во Францию (1861–1863)² для сбора архивных сведений о мореплавании, использованных в его книгах «О пробном введении морской записи в Прибалтийском крае» и «О торговом мореплавании во Франции»³.

Начало его правления в Костромской губернии (1866)⁴ пришлось на время размежевания помещичьих земель, которое костромские помещики умышленно затягивали, так как сохранение чересполосицы для них было выгодно⁵. Не спешили они и с выкулом земли, так как не видели возможности вести хозяйство без использования принудительного труда, но и крестьяне не желали добровольно переходить на выкуп в надежде на то, что со временем земля достанется им в собственность с зачетом заплаченного за нее оброка⁶. В результате к маю 1869 года лишь 34,31 % костромских временнообязанных крестьян перешло на выкуп, в то время как в среднем по России – 65,42 %⁷.

Видный государственный и общественный деятель Н. Н. Изнар, в молодости нередко гостивший у костромских родственников, однажды оказался свидетелем разговора Дорогобужина с волостным старшиной: «Тебе недосуг явиться к губернатору, который вызывает тебя по делам службы. Так ты сейчас отправляйся к становому и скажи, что губернатор приказал тебя посадить на три дня в холодную... Да наперед знай, что раз ты пошел в волостные старшины, ты должен сначала справлять волостные дела, а потом уже свои, а не наоборот». Губернатор сетовал: «Вот как наши выборные общественные деятели понимают свои обязанности – от предводителя до волостного. Быть выбранным каждый старается правдами и неправдами, а выберут – все свои дела «справляют» раньше, чем общественные, придавая последним второстепенное значение»⁸.

С таким же недоверием Дорогобужин относился и к земству, что видно из его циркуляра № 21 от 13 февраля 1869 года: «Имею честь покорнейше просить земские управы предъявить земским собраниям о доставлении мне во время самих заседаний собраний требуемых министерством сведений и отчетов управ, с приложением копий с постановлений, имеющих наибольший интерес в земском деле»⁹, но когда в 1870 году правительство запросило мнение губернатора о введении всеобщего начального обучения, он занял солидарную земству позицию и «выразил сочувствие предложению»¹⁰. Так в Костроме было положено начало земской женской учительской семинарии

и ежегодным учительским курсам (съездам), открытым по решению губернского земского собрания от 4 декабря 1872 года.

Усилиями земства стал повышаться и уровень медицинского обслуживания населения. Количество врачей в губернии с 1870 по 1880 год увеличилось с 24 до 33, фельдшерского и вспомогательного состава за тот же период – с 83 до 146 человек¹¹. При этом потребность в квалифицированном персонале удовлетворялась посредством фельдшерской школы, открытой в Костроме при губернской земской больнице 1 января 1872 года. К числу важных начинаний земства относились также страхование жилых и нежилых строений, земская почта, открытие в Костроме в 1869 году губернской аптеки, строительство новых корпусов психиатрического отделения губернской земской больницы и организация ветеринарной помощи в 1873 году¹².

Губернское по городским делам присутствие, открытое 18 августа 1870 года, рассматривало возникавшие по жалобам губернатора дела о законности или незаконности определений городских управ и разрешало разногласия между учреждениями городского управления по вопросам обязательных постановлений, хотя в целом между губернской и городской властями существовало сотрудничество. Например, в декабре 1869 года для «предупреждение убийств и грабежей на больших дорогах» губернатором были введены пикеты на Вологодском, Молвитинском, Кинешемском и Галичском трактах, однако городская управа 24 февраля 1871 года попросила его отменить это решение, поскольку пикеты, «расположенные за 7 верст, не приносят пользы, и дума не имеет средств их содержать». В ответ губернатор заметил, что после учреждения пикетов «на городской даче» нападения не повторялись, но готов был допустить пикеты лишь на время бездорожья, «когда проезжающим совершенно невозможно уехать от нападавших». В итоге дума постановила «оставить пикеты по весенним и осенним месяцам, полагая в год 4 месяца, и содержание их производить из экстраординарных сумм»¹³. В другом случае, когда городская дума отклонила предписание губернатора от 30 июня 1872 года об увеличении штата полицейской команды и об учреждении ночных караулов в Костроме из-за отсутствия средств, губернское по городским делам присутствие постановлением 10 ноября 1872 года все же обязало думу увеличить состав полицейской команды на 15 человек¹⁴.

Важные преобразования происходили и в судебной сфере. В 1867 году Сенатом была упразднена половина уездных судов Костромской губернии, другая половина прекратила существование в 1868 году¹⁵, зато в 1867 году было образовано Костромское губернское жандармское управление, а в 1868 году – губернское присутствие по введению в действие судебных уставов, открывшее в свою очередь 39 судебно-мировых участков¹⁶, и, наконец, 1 июля 1871 года в присутствии губернатора и архиепископа старший председатель Московской судебной палаты А. Н. Шахов открыл Костромской окружной суд¹⁷.

1 января 1874 года вышло высочайшее повеление о введении всеобщей воинской повинности, и 20 февраля в губернаторском доме под председательством губернатора было открыто губернское по воинской повинности

присутствие, а призывом, распределением и отправкой в войска военнообязанных ведали губернское и уездные управления воинских начальников¹⁸.

С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов под председательством губернатора возобновили деятельность местные управления общества Красного Креста и попечения о раненых и больных воинах, учрежденные 2 и 20 марта 1869 года и в 1877 году собравшие 61 176 рублей, за что губернатор получил благодарность императрицы Марии Александровны. 27 мая 1877 года в Костроме был открыт эвакогоспиталь, а всего в губернии было организовано 8 госпиталей и 3 лазарета, принявших к 1 января 1878 года 939 раненых и больных¹⁹. Заботу о семьях погибших на флоте приняло на себя окружное правление Общества подаяния помощи при кораблекрушениях, учрежденное под председательством губернатора в июне 1877 года²⁰.

При Дорогобужинове были открыты также Костромской коммерческий банк (1871) и Костромское реальное училище (1873)) и построены здания Кологривской женской прогимназии (1872) и присутственные места в Солигаличе (1874).

Губернаторство В. И. Дорогобужинова было самым продолжительным, и, по свидетельству Н. Н. Изнара, «к своим губернаторским обязанностям он относился весьма серьезно и крайне добросовестно, держа губернаторское знамя очень высоко... Часто он... горько жаловался, что ему в Костроме приходилось вести монашеский образ жизни, дабы не дать пищи провинциальным сплетням. Все свое время он посвящал службе. Единственное развлечение, которое он себе позволял, это чтение и изучение достопримечательностей Костромы и Ипатьевского монастыря. Впоследствии вышел в свет его труд о Сусанине»²¹.

30 августа 1876 года В. И. Дорогобужинов получил орден Белого Орла и чин тайного советника, а за несколько дней до смерти был назначен членом совета при министре внутренних дел²². Похоронен в Харькове²³.

НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ АНДРЕЕВСКИЙ

(08.11.1822–05.02.1889)

Николай Ефимович Андреевский – уроженец Санкт-Петербурга¹, сын гоф-медика Ефима Ивановича Андреевского (1789–1840) и фрейлины высочайшего двора Анастасии Владимировны, урожденной Назимовой². Старший брат профессора кафедры полицейского права Императорского Санкт-Петербургского университета (1864)³ Ивана Ефимовича Андреевского (13.03.1831–20.05.1891)⁴. Выпускник с серебряной медалью Императорского Александровского лицея в Царском Селе (1844)⁵. Канцелярист (23.08.1844), журналист (1845), младший чиновник (1851), делопроизводитель

(1858) и начальник отделения (1861) Военного министерства. При этом удостоился высочайших благоволений за образцовую службу и заслуги (17.04.1855), составление второго издания «Свода военных постановлений» (1861) и редактирование «Положения о военно-окружных управлениях и о местных войсках» (06.08.1864). Член (1863) и председатель (06.08.1864) хозяйственного комитета для заведования зданием Военного министерства. Действительный статский советник (06.08.1864). 1 марта 1868 года Андреевский перешел на службу в Министерство внутренних дел, где принимал участие в составлении и введении в действие «Положения об освобождении от обязательного труда и устройства поселян и оружейников-мастеровых Охтенского порохового завода и непременных работников Тульского, Ижевского и Сестрорецкого оружейных и Райволовского железо-ковального заводов», за что был награжден серебряной медалью и знаком отличия за 25 лет беспорочной службы. В 1869 году назначен харьковским вице-губернатором⁶, а через год – пермским губернатором (13.11.1870)⁷. При нем в Перми было устроено газовое освещение (1873), построена Уральская горнозаводская железная дорога с вокзалами, мастерскими, правлением (1874–1878) и открыты Пермское реальное (1876) и Кунгурское техническое (1877) училища⁸.

Начало службы Н. Е. Андреевского в Костромской губернии⁹ совпало с глубоким социально-политическим кризисом в стране после Русско-турецкой войны (1877–1878) и неурожая 1879–1880 годов. К тому же 2 апреля 1879 года было совершено очередное покушение на императора Александра II, после чего в Петербурге, Харькове и Одессе были учреждены временные генерал-губернаторства и расширены права московского, киевского и варшавского генерал-губернаторов. В мае 1879 года московский генерал-губернатор уведомил Н. Е. Андреевского о том, что «изволил распространить действие Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату 5 апреля, на Костромскую губернию»¹⁰. Через год Костромская губерния из Московского генерал-губернаторства была исключена, да и не требовала чрезвычайных мер, поскольку за истекшее десятилетие, к примеру, в Костроме случилось лишь два массовых выступления рабочих – на Михинской фабрике в 1873 и заводе Шиповых в 1878 году. К тому же Костромская губерния служила местом ссылки для В. В. Берви-Флеровского, П. Г. Заичневского, В. И. Засулич, О. И. Мищенко, Л. Е. Оболенского, И. И. Петрункевича, В. С. Соколова и др. Об их бедственном положении можно судить хотя бы по прошению П. Г. Заичневского на имя костромского губернатора: «Не имея определенных средств существования и не рассчитывая на возможность в скором времени получить в г. Костроме занятие, могущее мне доставить материальное обеспечение, я имею честь просить о назначении мне ежемесячно пособия»¹¹. О том же вспоминал и В. В. Берви-Флеровский: «В 1881 году литературная деятельность моя кончилась, и я попал в безысходное положение после сделанного у меня обыска»¹². А 12 марта 1882 года вышел закон о полицейском надзоре, в соответствии с которым ссыльные были обязаны получать у губернатора разрешение на любой вид деятельности¹³.

Взаимоотношения костромского губернатора с органами местного самоуправления характеризовались прежде всего стремлением губернаторской власти в вопросах, подлежащих их контролю, действовать, соблюдая букву закона. Претензии Н. Е. Андреевского в отношении земства в основном касались смет и раскладок уездных земств. Так, в 1881 году последние им были опротестованы по десяти уездам. Оценку деятельности костромского земства Н. Е. Андреевский представил во всеподданнейшем отчете за 1881 год: «...в ожидании реформ земские деятели холодно относятся к своим задачам». Реплика императора на полях гласила: «И без этого часто было то же». Подобные жалобы губернаторов на земские органы были не редкостью, но в большинстве случаев они не означали каких-либо заметных трений между ними, тем более, что костромское земство, по свидетельству видного историка земства Б. Б. Веселовского, в начале 1880-х годов «не проявило никаких оппозиционных тенденций: движения того времени прошли мимо него. Соперничества "партий" почти не наблюдалось... оно не осталось чуждо обнаружившейся вскоре реакции». Последнее выразилось, например, в том, что когда в 1879 году, в связи неисполнения предписания Министерства внутренних дел об изменении Положения о земской школе учительниц, губернатор требовал от земства закрыть школу, то 16 гласных поддержали его. Школа была подчинена общей казенной учебной администрации, за земством осталось только право расходовать свои средства на ее содержание¹⁴.

Деятельность Костромской городской думы в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века не выходила за рамки действовавшего Городового положения, потому общественное управление города Костромы занималось решением сугубо муниципальных вопросов. Не случайно, что и взаимоотношения с губернаторской властью были вполне конструктивными.

К числу особенно волнующих губернатора, как и в бытность его предшественников, относились вопросы охраны общественного порядка. Так, в своем отношении от 12 января 1879 года Н. Е. Андреевский обращался к городскому голове с тем, чтобы последний «предложил городской думе» рассмотреть вопрос о выделении полицмейстеру разъездных денег или «о заведении при пожарном депо лошадей для неукоснительного исполнения» им «обязанностей по надзору за городом». Губернатор указывал на недостаточность средств, выделяемых полиции городским обществом, которые, «сравнительно с другими губернскими городами, довольно скудны и... недостаточны». По причине этого «ни один из приставов и помощников их, даже дежурный при полиции, не может вовремя... явиться на пожар, шум, драку... если не в состоянии истратить потребную на извозчика сумму из своего скудного содержания...» На разъезды полицмейстеру дума постановила ассигновать триста рублей в год¹⁵. В соответствии с отношениями губернатора Костромской городской думой с 1 апреля по 1 декабря 1879 года были введены ночные караулы. Аналогичные решения вынесли ряд уездных городских дум. Вопросы увеличения жалования и штата полицейских служителей дума, несмотря на постоянную нехватку денежных средств, рассматривала практически каждый год¹⁶.

Одним из наиболее злободневных вопросов жизни города была проблема его санитарного состояния, являвшаяся предметом совместной заботы губернатора и Костромской городской думы. Степень ее остроты стала особенно очевидна в связи с опасностью распространения в начале 1879 года эпидемии чумы, начавшейся в Астраханской губернии. В феврале – марте 1879 года под председательством Н. Е. Андреевского состоялись первые заседания созданного губернского комитета общественного здравия, наметившего ряд предупредительных мер против распространения эпидемии в Костроме и других городах губернии¹⁷: разделение города на санитарные участки и назначение санитарных попечителей, издание обязательных санитарных постановлений для жителей города, устройство печи для сжигания нечистот, удлинение рукава городского водопровода в Волгу для забора более чистой воды, установка фильтра на городском водопроводе и т. д. После того, как опасность уже миновала, губернатор посчитал целесообразным создать в Костроме особую санитарную комиссию по типу учрежденной Московской городской думой. «Вполне сочувствуя цели учреждения упомянутой санитарной комиссии и тем принципам, которые положены в основание деятельности оной, – подчеркивалось в его отношении городской думе, – признавал бы со своей стороны целесообразным применить эти начала к Костроме». Гласные городской думы согласились с предложением губернатора, создав предварительную группу по комплектованию санитарной комиссии¹⁸.

По поручению губернатора городским гласным врачом И. С. Ивановым была подготовлена специальная записка о «местностях, где скапливаемая вода, при отсутствии надлежащего стока, причиняет зло имуществу и здоровью городских обывателей». Для изучения вопроса была создана комиссия, которая определила объем и смету предстоявших работ, ее доклад был утвержден и принят к исполнению¹⁹. Через год И. С. Иванов представил труд чрезвычайной важности – «Опыт санитарного обследования Костромы», вызвавший особую благодарность гласных как фактически первое начинание в этом важном деле²⁰. Собранные сведения за шесть лет позволили автору выявить картину заболеваемости и причин смертности в городе. В заключение подчеркивалось, что «устройство санитарного бюро, как это предложено... губернатором, при городской управе, даст существенную пользу городу и будет стоить дешевле устройства больниц, приносящих фиктивную пользу... спасет не одну жизнь от ранней смерти...»²¹.

Экономическая жизнь Костромской губернии конца 70-х – начала 80-х годов XIX столетия во многом определялась противоречивыми результатами двух десятилетий осуществления Крестьянской реформы, которая к этому времени практически исчерпала свой положительный заряд. К моменту принятия закона об обязательном выкупе (1881) в целом по Костромской губернии перешли на выкуп 69,3 % временнообязанных крестьян (197 707 человек). Остальные 30 % – накануне первой русской революции²².

По мнению губернатора, «скудость урожая, безвыгодность промыслов, упадок цен на лен, сокращение рабочих на фабриках, пожары, градобития, эпизоотии и т. д.» являются причиной «недобора выкупных платежей, податей и повинностей», которых «осталось в недоимке за 1883 г. – 182 628 руб.». В связи с этим Н. Е. Андреевский считал необходимым особо оговорить принятые им меры в вопросе о поступлении сборов в казну. «Получая по установленному порядку от уездных исправников и казначейств через каждые две недели ведомости о положении окладных сборов, я, – подчеркивал губернатор, – в случае неудовлетворительного поступления сборов, соображаясь со степенью хлебных урожаев, развитием народной промышленности... понуждал и настаивал на принятие полицией указанных в законе мер... не прибегая, конечно, к таким крайним понудительным мерам, которые могли бы привести к расстройству и ослаблению крестьянских хозяйств... Волостному и сельским начальникам, отличающимся особым усердием по взысканию окладных сборов, в видах поощрения их деятельности на будущее время и для возбуждения соревнования к этому делу, объявлял благодарность»²³.

Крестьянский надел, обложенный выкупными платежами сверх его доходности, ставил крестьянское хозяйство в труднейшее экономическое положение, вынуждая значительную часть крестьян обратиться к отходнической деятельности. О резком увеличении отхода на заработки свидетельствуют цифры выданных по губернии паспортов и билетов: в 1857 году – 96,2 тысяч, в 1880-м – уже 162,7 тысяч. Свыше 80 % всех отходников составляли временнообязанные крестьяне, причем основной их прирост происходил за счет тех уездов, в которых они накануне отмены крепостного права получали в большинстве своем основные средства к жизни от земледелия (Нерехтский, Костромской, Юрьевоцкий, Буйский, Макарьевский и Ветлужский). В результате обострилась продовольственная проблема, и если до реформы хлеб на питание приобретала только третья часть крестьян, то к 1881 году – две трети²⁴.

Еще одним из последствий реформы было развитие в губернии, прежде всего в Нерехтском, Костромском, Юрьевоцком, Кинешемском, Макарьевском уездах, льноводства, как в крестьянских хозяйствах, так и в помещичьих, поскольку оно приносило некоторую прибыль. Из этих уездов ежегодно на ближайшие льнопрядильные фабрики и за границу поступало свыше 300 тысяч пудов льноволокна и несколько десятков тысяч пудов льняного семени²⁵. В Костроме три года подряд (1878–1880) Московское общество сельского хозяйства устраивало выставки льна. В специальном докладе на заседании общества 17 января 1880 года подчеркивалась очевидная целесообразность проведения выставок, прежде всего, в силу влияния на улучшение технологии выделки льна. «По отзывам костромских фабрикантов», отмечалось в докладе, наблюдается «лучшая, окончательная отделка» продаваемого льна. Не случайно, говорилось там же, «если до выставок Костромской лен считали хуже Ярославского

и он не был знаком в Петербурге, последние же годы он превзошел своих соседей и отправляется в большом количестве в Петербург»²⁶.

Однако в целом урожай льна были невелики. «В местном льноводстве, – констатировал губернатор, – если не замечается сокращения, то во всяком случае, истощенная льняными посевами почва не в состоянии давать прежних урожаев, вследствие чего доходы крестьян от льноводства уменьшаются»²⁷.

На втором месте в губернии стояла обработка дерева, на третьем – пищевкусовые предприятия. Вызванные к жизни потребностями текстильных фабрик, металлообрабатывающие предприятия не смогли с той же скоростью развернуть механизацию процессов и переживали упадок.

Отличительной чертой деятельности Н. Е. Андреевского как губернатора было «сознание необходимости личного наблюдения за ходом дел в разных Казенных учреждениях», вследствие чего он предпринимал частные поездки по губернии «с целью личной ревизии»²⁸. При нем в Костроме были открыты Александровское православное братство (1879) и Костромское отделение государственного банка (1883). Много внимания уделял улучшению состояния детских приютов, благотворительных и учебных заведений, сохранению исторических памятников²⁹. В Костроме, например, в октябре 1878 года было учреждено Попечительное об учащихся Общество при Костромском Попечительном о бедных комитете, одним из пяти попечителей которого был Н. Е. Андреевский. Общество выдавало пособия нескольким десяткам учащихся на плату за обучение, одежду, обувь, и содержание в высших учебных заведениях³⁰. С 1878 года Н. Е. Андреевский возглавлял и Костромское управление общества попечения о раненых и больных воинах, которое в 1879 году было переведено на устав российского общества Красного Креста. Кроме заботы о лечении эвакуированных с полей сражений последней Русско-турецкой войны, общество осуществляло сбор средств пострадавшим от эпидемий и пожаров в отдельных регионах страны, снаряжало туда врачебно-санитарные отряды и т. д.³¹

По окончании срока службы в Костроме, накануне отъезда на губернаторство в Казань, Н. Е. Андреевский был удостоен звания почетного гражданина Костромы (06.06.1884)³². Однако заслуживает внимания и свидетельство ботаника и писателя В. М. Сидорова: «Вопреки просьбам всех костромичей, губернатор Андреевский, преследуя более интересы своих карманов, чем интересы города, вошел в соглашение с Аристовым и допустил выстроить это уродливое здание [мельницу рядом с церковью Вознесения в Мельничном переулке. – *авт.*], которое портит всю прекрасную панораму города»³³. Но никаких мер для того, чтобы предотвратить банкротство механического завода наследников Дмитрия Павловича Шипова (1805–1882), за три десятка лет выпустившего свыше 50 пароходов, 100 паровых машин и 150 паровых котлов и обеспечивавшего работой около 750 человек³⁴, губернатор не принял.

Умер Н. Е. Андреевский на действительной службе в Казани³⁵ и был похоронен на Волковом православном кладбище в Санкт-Петербурге³⁶.

При непосредственном участии В. В. Калачова состоялось важное событие в истории края, давшее значительный импульс его культурному развитию. 6 июля 1885 года в губернаторском доме была открыта Костромская губернская архивная комиссия. Идея ее создания, как и других аналогичных учреждений в стране, принадлежала брату костромского губернатора – археографу и архивисту, директору Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Калачову.

Главной целью комиссии было привести «в известность и сохранность» документы, находящиеся в разных местных архивах, с тем чтобы «с их помощью начертать те данные, которые до сих пор оставались в неизвестности или дошли до нас как дорогие, но смутные предания»¹⁴. Однако вскоре стало ясно, что отсутствие средств и помещения вели к угасанию деятельности комиссии. Губернатор «долгое время содействовал комиссии, но и для него неудовлетворительность ее положения была очевидна». Ему удалось решить проблему помещения: костромское дворянство согласилось предоставить его в своем доме на Павловской улице, а губернское земство своим постановлением от 17 декабря 1890 года решило выделить субсидию в 500 рублей¹⁵. По приглашению губернатора в 1891 году ее председателем стал Н. Н. Селифонтов – крупный государственный чиновник, ученый археограф, костромской помещик, являвшийся членом КГУАК с первых дней ее существования и сделавший ее одной из лучших в России. В конце того же года было положено начало «учреждаемых при Архивной комиссии исторического архива и музея древностей»¹⁶.

Важное место в научно-просветительской жизни края заняли в период губернаторства В. В. Калачова так называемые Народные чтения, которые велись в Костроме с 1883 года. «Костромские губернские ведомости» сообщали, что в течение года комиссия по устройству Народных чтений провела в манеже 21 чтение, 2 – с туманными (световыми) картинами. В том же году, решая проблему помещения, комиссия выступила инициатором сбора средств на строительство читальни имени А. Н. Островского¹⁷. Увековечению памяти великого драматурга должно было послужить и строительство памятника, сбор пожертвований на который был открыт «монаршим благоволением» 19 мая 1889 года. Последнее, по словам губернатора Калачова, «особенно дорого... костромичам, поскольку Островский принадлежал к числу потомственных дворян Костромской губернии, проводя летнее время в своей усадьбе Кинешемского уезда, трудился там на пользу отечественной литературы...» Объявляя об открытии сбора средств при своей канцелярии, губернатор приглашал «к таковому пожертвованию лиц, чтящих память знаменитого драматурга»¹⁸.

Не без участия губернатора получили реальное воплощение такие общественные инициативы в сфере благотворительности, как открытие ремесленного училища в Макарьеве и низшего сельскохозяйственно-технического училища в Кологриве на средства, завещанные крупным российским предпринимателем, уроженцем Костромской губернии Ф. В. Чижовым; сельскохозяйственной школы в селе Каликино Нерехтского уезда (1884) на сред

ства В. И. Уткина; отделения Марининского попечительства для призрения слепых Костромской и Ярославской губерний и училища для 10 слепых девочек в Костроме (1886) на средства Б. К. Кукеля; дома призрения престарелых в Чухломе (1888) на средства И. И. Июдина; больницы в селе Корцово Солигаличского уезда (1889) на средства, собранные врачом Д. Н. Жбанковым; богадельни в Макарьево (1889) на средства М. Н. Чумакова; ночлежного дома в Костроме (1890) на средства Ф. И. Чернова; приюта для душевнобольных в посаде Судиславле Костромского уезда (1892) на средства И. П. Третьякова.

Деятельность в Особом совещании и представление 16 февраля 1889 года императору и императрице на балу в Зимнем дворце¹⁹, по-видимому, сыграли свою роль, и по окончании службы в Костроме В. В. Калачов был назначен сенатором, затем директором Департамента земледелия и сельской промышленности МВД и членом Особого при Государственном Совете присутствия.

Из детей В. В. Калачова и Лидии Александровны, урожденной Струговщиковой, известны Дмитрий (06.09.1861 – не ранее 1915), Геннадий (11.03.1864 – не ранее 1917), Мария (1866?–28.07.1873) и Петр (14.01.1873 – не ранее 1925).

Умер В. В. Калачов в чине действительного тайного советника.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ ШИДЛОВСКИЙ (1834–26.11.1897)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империя...» сообщается: «Фамилия Шидловских происходит из древнего польского шляхетства». Козма Васильевич Шилов в 7043/1535 году выехал из Польши в Россию и от Великого Князя Василия Ивановича пожалован вотчинами. Потомок сего Козмы Васильевича стольник и Изюмской полковник Федор Владимирович Шилов, или Шидловский, от Его Величества блаженный и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Перваго в 1701-м году за многия верныя, радетельныя и знатныя службы пожалован на поместья грамотою. В 1710 году Его Императорское Величество повелеть соизволил в Харьковском полку бытъ на месте генерал-майора Федора Владимировича Шидловского племяннику его полковнику Лаврентию Ивановичу Шидловскому. Равным образом и другия многия сего рода Шидловские служили Российскому Престолу в разных чинах. Все сие доказывается копиями с жалованных грамот и копиєю с определения Слободско-Украинского дворянского собрания о внесении рода Шидловских в 6-ю часть родословной дворянской книги древняго дворянства и родословною Шидловских»¹.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ КАЛАЧОВ

(29.09.1834–04.02.1910)

Виктор Васильевич Калачов принадлежал к дворянскому роду, выехавшему из Венгрии и восходившему к самарскому воеводе (1615–1617) Михайле Калачову по прозвищу Постник¹, который в 1618 году царем Михаилом Федоровичем Романовым был пожалован вотчиной за московское осадное сидение и внесен в VI часть дворянской родословной книги по Владимирской губернии². Родился в усадьбе Вёска Юрьевского уезда Владимирской губернии в семье отставного артиллерии штабс-капитана Виктора Андреевича Калачова. По окончании юридического факультета Императорского Московского университета (1855) и военной службы (1855–1857), в годы земельной реформы являлся мировым посредником (16.05.1851–22.01.1866), впоследствии почетным мировым судьей (1869–1878) Ярославского уезда. Приобретение нескольких сотен десятин земли в Ярославской губернии позволило ему стать губернским предводителем дворянства (04.02.1878–22.08.1882)³, после чего он был назначен сначала харьковским (29.08.1882)⁴, затем костромским (24.05.1884)⁵ губернатором.

Последнее губернаторство В. В. Калачова совпадает со временем, которое историки обычно определяют как период общественно-политического кризиса и правительственной реакции. Проект контрреформ тогда разрабатывался Особым совещанием Министерства внутренних дел, в составе которого находилось несколько губернаторов, в том числе и костромской. В сентябре – ноябре 1886 года совещателями был обсужден и одобрен проект закона о земских начальниках, в январе следующего года – проект земской контрреформы⁶.

После принятия первого из них, в 1889 году на смену мировым посредникам, уездным по крестьянским делам присутствиям и мировым судам явились назначенные губернатором участковые земские начальники, одновременно с которыми на селе вводилась опричнина в виде целой армии урядников. Вследствие принятия второго закона земство сделалось в основном дворянским, а надзирать за его деятельностью поручалось губернскому по земским делам присутствию, состоявшему из губернатора, вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, губернского прокурора, управляющего губернской казенной палатой и утверждаемого губернатором председателя губернской земской управы, причем губернатор становился председателем присутствия – органа государственного арбитража, что нарушало принцип разделения административной и судебной властей. И, наконец, законом 1892 года высокий имущественный ценз исключил из городского самоуправления большинство горожан. При этом надзору губернатора подлежали как законность, так и «целесообразность» действий органов местного и общественного самоуправления, а утверждению – кандидатуры не только председателя и членов земских и городских управ, переведенных

в разряд государственных служащих, но и гласных губернского и уездных земских собраний от крестьянства.

«Во второй половине 70-х и на всем протяжении 80-х гг. XIX в., в связи с наступившей реакцией, – признавали позднее костромские земцы, – жизнь губернского земства как бы замирает, почти не имея поступательного движения вперед, и только со второй половины 90-х гг. жизнь настоятельно потребовала от земства дальнейшего движения вперед по пути культурных мероприятий»⁷. Недееспособность органов местного и общественного самоуправления, соответственно, прибавляла работы губернатору. Так, после общегородского пожара 18 мая 1887 года в Костроме во всеподданнейшем докладе В. В. Калачов писал: «Я признал необходимым организовать помощь пострадавшим посредством частной благотворительности, для каковой цели и образовал под своим председательством комитет из начальников отдельных частей, председателей Думы и земства и лиц, известных своей благотворительностью, и на другой день после пожара разрешил образоваться при комитете дамскому кружку... Занявшись сбором пожертвований, дамский кружок в несколько дней оказал помощь 177 семьям... Местное городское управление со своей стороны отвело для погорельцев даровое помещение и бесплатно выдавало им хлеб»⁸. 11 сентября 1888 года губернатор предложил Костромской городской думе «увеличить состав пожарных служителей, лошадей и бочек» и в помощь городской пожарной команде учредить пожарное общество. На заседании 20 апреля 1889 года дума с ним согласилась⁹, и к обществу пособия потерпевшим от пожарного бедствия обывателям, открытому 21 ноября 1888 года¹⁰, в следующем году прибавилось пожарное общество.

С пожарной безопасностью был связан и вопрос о городском водоснабжении, для улучшения которого губернатор рекомендовал введение платы за пользование водопроводом, устройство парового котла и пр.¹¹ Поскольку неудовлетворительная очистка воды являлась одним из факторов инфекционных эпидемий, например, дифтерита и оспы (1888–1889), холеры (1892), 8 марта 1889 года губернатор созвал совещание представителей земства, Костромской городской думы и губернской медицинской администрации с участием земских врачей и подчеркнул необходимость противоэпидемических мер и выделения специального помещения для инфекционных больных. После этого были выделены средства на содержание в губернской земской больнице 10 мест для инфекционных больных, организацию санитарного отряда, материальное вознаграждение беднейшего населения города в случае обращения к врачу при первых признаках заболевания, приобретение дезинфекционных средств, включение в число обязательных для Костромы постановлений о противоэпидемических мерах, выработанных Обществом костромских врачей и публикацию составленных ими правил ухода за больными оспой, скарлатиной и т. д.¹² В 1892 году, в связи с распространением холеры, губернской администрацией, губернским и уездными земствами и думами в Костроме и в уездных городах были открыты санитарно-исполнительные комиссии, города и уезды были разделены на санитарные участки, в которые были назначены санитарные попечители¹³.

А. Р. Шидловский – уроженец усадьбы Ивана Валковского уезда Харьковской губернии, где обладал также 2 976 десятинами земли. Выпускник юридического факультета Императорского Харьковского университета со степенью кандидата права. Почетный смотритель Валковского уездного училища (31.10.1861). Коллежский секретарь (1861) и титулярный советник (1864). Председатель Валковской уездной земской управы (12.10.1865–23.12.1876) и почетный мировой судья Валковского уезда (1867–1886). Коллежский асессор (1867) и надворный советник (1871). Предводитель дворянства Валковского уезда Харьковской губернии (11.12.1876–01.02.1888), удостоившийся орденов Св. Станислава I–II и Св. Владимира III степеней, а также высочайшего благоволения за успешный сбор податей (05.03.1887). В чине действительного статского советника (1880) А. Р. Шидловский был назначен орловским губернатором (01.02.1888)² – пошел по стопам старшего брата Михаила Романовича (1826–1880), бывшего тульским губернатором³, затем начальником Главного управления по делам печати и товарищем министра внутренних дел и послужившего М. Е. Салтыкову-Щедрину прототипом градоначальника Деметрия Варламовича Брудастого в «Истории одного города».

С января 1892 года А. Р. Шидловский – костромской губернатор. Вот так описывает его С. М. Чумаков: костромичам предстал⁴ «маленький щупленький старичок с безжизненным взором, некий Шидловский. Был он холост, типичный департаментский чиновник, сложивший свое мировоззрение в николаевские времена, формалист до мозга костей. Впрочем, в те времена только такие бюрократы и делали карьеру. Имел он обыкновение рассматривать людей в зависимости от носимого ими чина. Руку подавал он далеко не всем чиновникам, приходящим к нему по делам службы. Пять пальцев подавались действительным статским советникам и соответственно генеральским чинам по военному ведомству. Статские советники получали только четыре пальца. Следующие чины в соответствии с таблицей о рангах довольствовались тремя и двумя пальцами. Большинство же получали один палец, который надлежало с благоговением мгновение подержать, но ни в коем случае не тряхнуть»⁵.

А. Р. Шидловский был тайным советником (30.08.1894)⁶ и по должности возглавлял правление и присутствие губернии, статистический комитет, попечительный комитет о бедных, попечительство о детских приютах, общество спасения на водах, а также являлся председателем губернского управления общества Красного Креста, непременным членом губернской ученой архивной комиссии и пр. Иными словами, держал под контролем жизнедеятельность всей губернии. В том числе предписывал полицейским управлениям «распорядиться изготовлением книг, которые должны вестись в сих Управлениях, с соблюдением, в отношении формы, по которой они должны вестись, всех правил, указанных в инструкции, и притом с тем, чтобы все книги были переплетены, за шнуром, печатью и надлежащею подписью, и наоблисть за тем, чтобы то же самое было исполнено подведомственными Полицейским Управлениям чинами полиции»⁷. Поручал книшемскому исправнику «иметь наблюдение за тем, чтобы галантерея корпуса лавок торговых рядов была исправлена»⁸. Напомни-

нал священникам о наступлении зимы с метелями, опасными «как для проезжающих по большим и проселочным дорогам, так и для пешеходов»: «...Главное Правление Общества спасения на водах просит моего распоряжения о неперменном исполнении Высочайшего указа от 7 августа 1851 года, коим установлен метельный звон при сельских церквях... Даю знать гг. Уездным Исправникам для зависящих распоряжений»⁹. Предлагал Макарьевскому городскому голове: «Вопрос об устройстве отхожого места около пристаней передать на обсуждение городской Думы в экстренное ее заседание»¹⁰ и т. д.

Летом 1892 года в шести уездах Костромской губернии – Варнавинском, Макарьевском, Кинешемском, Костромском, Нерехтском, Юрьевском – вспыхнула эпидемия холеры, во время которой из 363 заболевших умерло 183 человека, а 18 ноября в «Костромских губернских ведомостях» губернатор писал: «В настоящее время болезнь холеру можно считать в пределах Костромской губернии прекратившейся. К счастью, она не получила здесь широкого развития... Считаю своим долгом засвидетельствовать об этом и выразить мою искреннюю благодарность всем своими полезными трудами и материальными средствами участвовавшим в достижении таких благоприятных результатов... Считаю также нужным выразить мою благодарность лицам медицинского персонала»¹¹.

15 мая 1893 года в селе Баки Варнавинского уезда сгорели церковь, волостное правление, амбары, лавки и 138 домов, и 2 июня «Костромские губернские ведомости» опубликовали обращение губернатора: «Желая помочь населению на первых порах в его настоятельных нуждах, я выдал подписной лист для приглашения лиц, желающих оказать помощь бедствующим, сделать по этому листу посильные пожертвования. В несколько дней по означенному листу собрано восемьсот двадцать рублей, которые 26 мая и отправлены мною в учрежденный в селе Баках Комитет для оказания помощи пострадавшим. Считаю своим долгом выразить мою искреннюю признательность всем сделавшим пожертвования по облегчению участи постигнутым несчастьем»¹².

15 сентября 1892 года было торжественно открыто Макарьевское ремесленное, 1 октября того же года – Кологривское низшее сельскохозяйственное, 26 сентября 1894 года – Костромское низшее химико-технологическое, а 21 августа 1897 года – Костромское среднее механико-техническое училища имени Федора Васильевича Чинова (1811–1877) «на капитал, завещанный им для устройства промышленных училищ в Костромской губернии»¹³. 5 февраля 1897 года, помимо того, в разделе под названием «От Костромского губернатора» в «Костромских губернских ведомостях» было объявлено: «В г. Костроме предположено устроить торговую школу, имеющую своей целью готовить опытных лиц, снабженных научными и практическими сведениями для деятельности по торговым операциям... Желая содействовать осуществлению мысли об устройстве упомянутой школы, я взял на себя приглашение к участию в пожертвованиях на указанный предмет, и ко мне уже поступили на это дело следующие суммы: от директора новой Костромской льняной мануфактуры Н. К. Кашина 5 000 рублей, от товарищества льняной мануфактуры братьев Зотовых 2 000 рублей, от торгового дома М. Н. Чума-

кова сыновей 1 000 рублей, от Костромского городского головы И. Я. Аристова 500 рублей и от товарищества братьев Горбуновых 10 000 рублей. Об этом считаю своим долгом объявить... выражая при этом надежду, что на этом пожертвования не остановятся»¹⁴.

При А. Р. Шидловском были построены также торговые ряды в посаде Судиславле Костромского уезда (1893) и ветка Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги от города Нерехты до села Середы Нерехтского уезда (ныне г. Фурманов Ивановской области) (1897), открыты архив, библиотека и музей Костромской губернской ученой архивной комиссии (15.05.1892), Костромское общество велосипедистов (17.05.1892) и Костромское общество любителей музыкального и драматического искусства (1893).

20 мая 1895 года в «Костромских губернских ведомостях» губернатор сообщил: «Государь император по всеподданнейшему докладу Г. Главноуправляющего собственностью Его Императорского Величества Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии, основанного на моем ходатайстве, 29-го минувшего апреля... Всемилостивейше соизволил на открытие в г. Костроме на собранный мною из частных пожертвований капитал в 1 957 р. 71 к. (ныне достигший 20831 руб. 51 коп.) – детского приюта для мальчиков с присвоением оному наименования: "детский приют имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны"». Приют открылся 31 октября, а 1 ноября губернатор получил от императрицы Марии приветственную телеграмму и высочайшую благодарность «за оказанное деятельное содействие»¹⁵. 16 марта 1899 года последовало и высочайшее соизволение на установку портрета Шидловского в приюте¹⁶.

Скончался А. Р. Шидловский «после непродолжительной, но тяжелой болезни»¹⁷ и был похоронен на родине – в селе Знаменском Валковского уезда Харьковской губернии¹⁸.

ЕГОР ЕГОРОВИЧ ИЗВЕКОВ

(1847–?)

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империя...» записано: «Фамилии Извековых многия Российскому Престолу служили разныя дворянския службы и жалованы были в 7142/1634 и других годах поместьями. Все сие доказывается справкою Разряднаго архива, родословною Извековых и копиею с определения Курскаго дворянскаго собрания о внесении рода Извековых в родословную дворянскую книгу в 6-ю ея часть древняго дворянства»¹.

Известно также, что Е. Е. Извеков был сыном симбирского губернатора (1858–1861)² и действительного статского советника Егора Николаевича Извеко-

ва, хотя в претенциозном, но малосодержательном сочинении под названием «Извеков: Дворянский род Извековых»³ нет ни отца, ни сына. Последний по окончании юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета в чине коллежского секретаря (19.10.1867) был причислен к I департаменту Министерства юстиции (19.10.1867), а через год откомандирован в распоряжение прокурора Санкт-Петербургского судебного округа (19.10.1868). В продолжение следующих двух лет Извеков имел возможность познакомиться с Костромской губернией, исправляя должность судебного следователя Костромы (1869) и Чухломского уезда (1870), откуда возвратился в столичный судебный округ и исправлял должности судебного следователя третьих участков Новоладожского (1871) и Санкт-Петербургского (1874) уездов, пока не был назначен товарищем председателя столичной объединенной палаты гражданского и уголовного суда (05.08.1878). Впоследствии в чинах коллежского (19.10.1881) и статского (19.10.1885) советника являлся членом Минского окружного суда (26.10.1883–07.08.1886), за время службы в котором приобрел 867 десятин земли в Новогрудском уезде Минской губернии, что позволило ему сделаться предводителем дворянства (07.08.1886) и почетным мировым судьей (18.04.1887) Минского уезда и к имевшимся орденам Св. Анны (11.01.1880), Св. Станислава (31.12.1871) II и Св. Владимира IV (01.01.1883) степеней прибавить орден Св. Владимира III степени (30.08.1888) и чин действительного статского советника (05.04.1892), после чего путь ему лежал пряником в архангельские вице-губернаторы (15.09.1892).

В продолжение этой службы, согласно его послужному списку, он совершил командировки на Мурманский берег и Новую Землю (1895) и в Екатерининскую Гавань (1896) «для обозрения становищ, ревизии снабжения продовольствием колонистов и оказания содействия геологической экспедиции Ф. Н. Чернышева»⁴, но в основном подменял подолгу отсутствовавшего начальника губернии (16.01.1893–13.03.1893; 05.06.1893–20.08.1893; 23.09.1894–09.01.1895; 10.09.1895–27.12.1895; 16.09.1896–21.12.1896)⁵.

Тем временем в Костроме от разрыва сердца скончался вице-губернатор Оскар Карлович Моллер (22.01.1825–02.02.1897)⁶ и был болен губернатор Александр Романович Шидловский, так что судьба вновь привела Извекова в Кострому (08.02.1897), где вскоре ему и впрямь пришлось исправлять губернаторскую должность (21.11.1897–27.01.1898) после умершего Шидловского до назначения Леонтьева. Он оставался «на хозяйстве» и после перевода Леонтьева во Владимир, до прибытия Князева (14.07.1902–24.08.1902)⁷, и после назначения в Курляндию Князева, до прибытия Ватаци (26.10.1905–12.11.1905)⁸.

Летом 1902 года Е. Е. Извеков ревизовал делопроизводство исправников, полицейских управлений и тюремных замков Кинешемского, Юрьевецкого, Варнавинского, Ветлужского, Кологривского и Макарьевского, летом 1904 года – Нерехтского, Ветлужского и Кологривского уездов, а в конце года, в связи с начавшейся Русско-японской войной, был командирован в Нерехту и Кинешму «для наблюдения за ходом мобилизации и для установления винной торговли в дни мобилизации»⁹, но главная его обязанность оставалась прежней.

Его почти десятилетнее вице-губернаторство по продолжительности почти такое же, как у О. К. Моллера, и уступает лишь сроку И. К. Васькова, но если о последних немало известно сверх формуляров, то о Е. Е. Извекове – ничего, кроме случая на охоте. «В 1898 году компания костромского начальства, узнав, что неподалеку от города обложен волк, собралась в большом количестве на охоту. Многие из них имели самое смутное представление о способах охоты и ее правилах, но зато у них были очень дорогие заграничные ружья. Простояв безрезультатно долгое время и прозябнув, один из стоявших в цепочке, доктор Лебедев, заведующий психиатрической больницей, потихоньку пошел по направлению стоявшего недалеко от него вице-губернатора Извекова. Последний был очень близорук; увидев движущийся предмет, вскинул ружье и всадил весь волчий заряд в доктора Лебедева, приняв его за зверя. К счастью, стрелял Извеков не очень метко, но все же просидел у постели Лебедева трое суток, пока не стало ясным, что всякая опасность от великосветской охоты миновала»¹⁰. Почти как в родовом гербе Извековых: «В щите, имеющем золотое поле, изображена выходящая из Облака Рука в Латах, держащая натянутый Лук с Стрелою»¹¹.

В послужном списке Е. Е. Извекова перечислены всемирнолюбивейшие благодарности за «бескорыстные труды по организации и ведению костромского дома трудолюбия и сбору средств на устройство Ольгинского детского приюта» (27.03.1903)¹² и «деятельную отзывчивость к нуждам действующих армии и флота» (13.05.1904)¹³. Кроме того, Е. Е. Извеков являлся почетным членом Общества костромских врачей и кавалером почетного знака (13.12.1905) и медали (19.01.1906) Красного Креста¹⁴, поэтому позволительно предположить, что он был не лишен сострадания, однако у постелей искалеченных, в том числе подростков, 19 октября замечен не был.

Через три недели после побоища в «Костромских губернских ведомостях», впрочем, было опубликовано «Воззвание от и. д. Костромского губернатора к населению губернии»: «Неблагодатные, недоброжелательные люди, руководимые собственными интересами, пользуясь доверчивостью и неразвитостью населения, стремятся исказить в глазах последнего смысл Высочайшего Манифеста о дарованных населению свободах, подстрекают население к погромам имущества и насилиям над врачами, фельдшерами, учителями, учащимися и др. интеллигентными лицами населения. Призывая доверчивых людей к самосуду и насильно, подстрекатели кощунственно прикрываются преданностью к Государю и воодушевляют толпу криками "За царя-батюшку!" Считаю необходимым предупредить, что полицейским, волостным и сельским властям мною строго предписано предпринимать все зависящее от них, в пределах закона, меры к предупреждению и прекращению всяких насилий и самосуда над отдельными лицами, к какому бы они полу, званию и национальности не принадлежали, а также над собраниями и сходками, кем бы последние не устраивались»¹⁵.

У Е. Е. Извекова и его жены Лидии Николаевны, урожденной Гагариной, владевшей 3 500 десятинами земли в Елатомском уезде Тамбовской губернии, детей было трое: Борис (10.11.1871–?), Юрий (20.11.1873–?) и Лидия (06.12.1874–?)¹⁶.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ЛЕОНТЬЕВ**(25.08.1857–09.04.1908)**

В «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийския Империя...» сообщается: «К великому князю Федору Ольговичу Рязанскому выехал из Большая Орды мурза именем Батур, а по крещению названный Мефодием; сын сего Мефодия Глеб Батурич находился при великом князе Иване Федоровиче Рязанском боярином. У сего Глеба были правнуки Петр и Леонтий; от первого пошли Петровы-Солово, а от последнего Леонтьевы. Потомки сего рода Леонтьевы Российскому Престолу служили дворянские службы в знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями»¹.

И. М. Леонтьев – из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной дворянской книги по Казанской² и владевшего поместьями во Владимирской, Орловской и Ярославской губерниях. Внук отставного генерал-майора, участника Русско-австро-французской (1805), Русско-прусско-французской (1806–1807) и Отечественной (1812–1815) войн и Аустерлицкого (20.11.1805), Бородинского (26.08.1812), Кульмского (17.08.1813) и других сражений, Ивана Сергеевича Леонтьева (02.03.1782–02.08.1824)³, портрет которого находится в Военной галерее Зимнего дворца. Сын тайного советника Михаила Ивановича Леонтьева (14.06.1824–21.12.1885) и Варвары Михайловны, урожденной Бутурлиной (28.02.1829–10.11.1882)⁴. Брат предводителя дворянства Владимирской губернии (31.01.1891–08.02.1901) и смоленского губернатора (1901) Михаила Михайловича Леонтьева (03.04.1853–4.08.1901)⁵. Совладелец 6 000 десятин земли в Орловской и Ярославской губерниях и владелец каменного дома в Туле.

Выпускник Императорского Пажеского корпуса (1873)⁶ и юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1881), после окончания которого поступил на службу в департамент Общих дел Министерства внутренних дел. Год спустя получил чин губернского секретаря, а затем был пожалован в звание камер-юнкера, получил назначение помощником столоначальника названного департамента, а в конце того же года был утвержден в звании директора Санкт-Петербургского попечительского о тюрьмах комитета. В 1883 году И. М. Леонтьев был включен в состав коронационной комиссии и принимал участие в коронации императора Александра III в Москве. В связи со службой в данной комиссии и в честь коронации он получил чин коллежского секретаря и четыре иностранных ордена: французский крест Почетного легиона, крест Румынской короны, папский орден Пия IX, ольденбургский крест Петра Фридриха II класса.

В 1885–1894 годах М. И. Леонтьев – столоначальник и титулярный советник (1885), церемониймейстер (1887), чиновник особых поручений при министре внутренних дел (1887); коллежский асессор и вице-губернатор Уральской губернии (на этой должности проявил незаурядные организаторские способности, смелость в принятии важных решений, энергичность в достижении поставленной цели); надворный советник (1889), вице-губернатор

Тульской губернии, коллежский советник, кавалер ордена Св. Станислава II степени (1892), егермейстер Высочайшего двора (1894).

В 1896 году Иван Михайлович принимал участие в коронации нового императора Николая II и получил командорский крест Саксен-Эрнестинского дома I степени. В 1897 году за заслуги в проведении I Всероссийской переписи населения был награжден орденом Св. Владимира IV степени. В том же году, в возрасте 40 лет, получил назначение на должность костромского губернатора. В 1900 году ему был присвоен чин действительного статского советника.

В период его руководства население Костромской губернии превысило 1,5 млн человек. Рождаемость в губернии в 1899 году возросла почти вдвое по сравнению с концом 80-х годов. В целом для губернии период конца XIX – начала XX века характеризовался рядом положительных социально-экономических тенденций. Возросли урожаи хлебных культур, повысились цены на рабочие руки в сельском хозяйстве при одновременном динамичном развитии промышленных предприятий и отхожих промыслов. Из года в год возрастала выдача ссуд земствами на нужды народного образования и медицинского обслуживания населения (до 33 % губернской земской сметы), на помощь погорельцам, велось школьное строительство.

При И. М. Леонтьеве были открыты железная дорога Кострома – Ярославль (17.12.1897), дом трудолюбия (07.03.1898), казенная телефонная сеть (01.11.1899), Федоровская община сестер милосердия Красного Креста (16.08.1900), попечительство о народной трезвости (05.04.1900) в Костроме и построены казенные винные склады в Ветлуге, Галиче, Костроме и Юрьевце (1901–1902). «Казенная продажа вина, – утверждал губернатор, – несомненно, должна урегулировать потребление оногo, в особенности в фабричном районе, и при развитии деятельности Попечительства о народной трезвости может дать нормальный способ употреблению досуга и избавить население от соблазна трактирной и кабацкой жизни»⁷.

Известна причастность губернатора к открытию Юрьевецкой женской гимназии (1899), Костромской торговой школы (1900) и строительству здания Кинешемского реального училища на средства одного из крупнейших костромских фабрикантов И. А. Коновалова (1904). И. М. Леонтьев уделял большое личное внимание вопросам неукоснительного исполнения владельцами промышленных заведений «их обязанностей по содержанию фабричных школ при фабриках, где применен труд малолетних»⁸. Под его личным контролем находилось и развитие школ других типов (земских, церковно-приходских). В 1900 году в своем ежегодном отчете императору он писал по этому поводу: «Во время ревизий прошлого года и посещения значительного количества школ разных категорий я лично убедился в нормальном развитии народного образования благодаря удовлетворительному подбору учительского персонала, достаточному надзору за ними в связи с правильным расходом отпускаемых на то средств»⁹.

Одновременно с губернаторской должностью в Костроме И. М. Леонтьев исполнял целый ряд почетных должностей и званий, в том числе члена

костромского управления Красного Креста, Нерехтского благотворительного общества, товарища председателя костромского отдела Палестинского общества, пожизненного почетного члена Ивановского сельского попечительства детских приютов Кологривского уезда Костромской губернии и др.

На посту костромского губернатора И. М. Леонтьев для многих был ярким примером неутомимого руководителя, умелого организатора, способного побудить к труду не только своих сотрудников, но и всех окружающих. Его успешная деятельность не осталась незамеченной верховной властью, и в 1902 году он назначается владимирским губернатором. В 1903 году был награжден орденом Св. Владимира III степени.

Владимирское губернаторство И. М. Леонтьева (1902–1906) пришлось на очень трудное для России время. Русско-японская война и первая российская революция, массовые выступления рабочих, участвовавшие покушения на губернаторов и многое другое основательно подорвали его здоровье. К тому же правительство было крайне недовольно губернатором, у которого возник первый Совет, а выступления рабочих переросли в вооруженные столкновения.

В 1906 году И. М. Леонтьев оставляет пост владимирского губернатора и назначается почетным опекуном Опекунского совета ведомства учреждения императрицы Марии по Московскому присутствию. Через год получает чин тайного советника и орден Св. Анны I степени. В это время И. М. Леонтьев тяжело заболевает. Скончался он в Новороссийске. Похоронен на родовом кладбище села Воронино Ростовского уезда Ярославской губернии¹⁰.

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ КНЯЗЕВ

(21.06.1851–1929)

Из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Тульской губернии¹. Выпускник Императорского училища правоведения (1872)². Титулярный советник департамента Министерства юстиции (1872). В 1873–1874 годах – член Гродненской губернской объединенной палаты гражданского и уголовного суда, кандидат на судебные должности Рязанского окружного суда, судебный следователь 3-го участка Рязанского уезда, 1-го участка города Рязани, 3-го участка Новоалександровского уезда Рязанской губернии и 2-го участка Тамбовского уезда Тамбовской губернии. Товарищ прокурора Симбирского (1876), Варшавского (1878), Псковского (1880) и Санкт-Петербургского (1883) окружных судов. Надворный (1877) и статский (1884) советник. Прокурор Витебского (1888) и Варшавского (1891) окружных судов.

В чине действительного статского советника³ Л. М. Князев назначен Тобольским губернатором (12.04.1896)⁴, за время службы которым был избран пожизненным членом Императорского православного Палестинского общества и почетным мировым судьей Тобольского округа, награжден медалью за труды по I Всероссийской переписи населения, вензелем в честь 100-летия учреждения ведомства Императрицы Марии, орденами Святого Владимира III и Святого Станислава I степеней, знаком отличия «Officier de l'Instruction Public» и высочайшей благодарностью за содействие сооружению церквей и школ в переселенческих поселках. Из Сибири Л. М. Князев переведен губернатором в Вологду (29.01.1901)⁵, где, по его словам, пытался наладить взаимодействие с земством, а 6 июля 1902 года получил назначение губернатором в Кострому⁶.

В следственном деле ВЧК сохранилась записка, в которой Князев описывал свои заслуги, однако, костромской период обошел молчанием, и не случайно, поскольку в Костромской губернии последовательно осуществлял репрессии в отношении растущего рабочего движения и потворствовал зарождавшемуся черносотенному движению. Так, 7 мая 1903 года, накануне политической демонстрации в Костроме, приказал начальнику гарнизона «произвести военную прогулку одного из резервных батальонов по улицам фабричного района»⁷; 8 мая – разогнать демонстрацию, 14 участников которой были избиты и арестованы⁸; 25 мая телеграфировал командующему войсками Московского военного округа: «Ввиду забастовок рабочих числе двадцати тысяч Костроме и Кинешемском уезде требуется военная сила местах беспорядков»⁹.

С началом русско-японской войны в Костроме, Чухломе и Ветлуге прошли патриотические манифестации, был организован сбор пожертвований в пользу Красного Креста и на усиление флота, на имя императора от общественных организаций Костромской губернии поступило 36 адресов с выражением верноподданнических чувств¹⁰. Дочь губернатора Вера (21.12.1880–?) с костромским отрядом Красного Креста отправилась на Дальний Восток¹¹.

12 июля 1904 года губернатор предложил Костромской думе организовать размещение раненых, и Думой было выделено помещение библиотеки читальни имени А. Н. Островского, а управой открыта подписка на их дополнительное содержание и принято обращение к домовладельцам о размещении эвакуированных¹².

Революционные события 1905 года в Костромской губернии развернулись не сразу. Выступления января-марта были слабыми, однако после Пасхи ситуация изменилась, и в мае забастовочное движение охватило фабрики Кинешемского уезда, куда, по требованию фабрикантов, были направлены войска и где, лишь благодаря четкой организации действий рабочих и содействию фабричной инспекции, обошлось без кровопролития, а в июле в Костроме началась трехнедельная общегородская стачка, в ходе которой бастующими был образован второй в России после Иваново-Вознесенского Совет рабочих депутатов (19.07.1905), действовавший наряду с городской Думой¹³. Но если последняя предоставила бастующим кредит¹⁴,

то поведение Князева июльский бюллетень Костромского комитета РСДРП описывал так: «Губернатор с полицейской сворой напрягает все свои силы, чтобы сорвать стачку... "Я, – говорит, – не буду на вас смотреть, начну арестовывать всех и каждого, объявлю Кострому на военном положении и потешусь над вами". Он, изверг, совсем озверел!»¹⁵.

Однако Л. М. Князев оправдывался перед департаментом полиции: «Прибегнуть к репрессиям, арестам и действию силой в городском районе с 10-тысячным фабричным населением, охваченным волнением, не представлялось возможным уже по одному тому, что в то время я располагал лишь 3 ротами неполного комплекта и в составе исключительно запасных нижних чинов, преимущественно костромичей»¹⁶.

После объявления манифеста 17 октября 1905 года по империи прокатилась волна черносотенных погромов, и Костромская губерния не стала исключением: 19 октября в Костроме лавочники избили митинговавших на Сусанинской площади.

«Небывалое зверское насилие темных личностей над безоружными, мало-сильными детьми продолжалось с 11 часов утра и почти до вечера. Толпы в 10–20 человек нападали иногда на одного какого-нибудь юношу или девицу из учащих, били несчастных камнями, палками, поленьями, топтали ногами до тех пор, пока несчастный не испускал дух; иногда возвращались добивать тех, кто обнаруживал еще признаки жизни, бегали за несчастными по городским улицам, врывались за скрывшимися в лавки и дома, избитых до полусмерти выбрасывали из домов в окна со второго этажа и т. п. Убитых и искалеченных детей было на Сусанинской площади и по городским улицам столько, что особые санитары подбирали и на носилках разносили их по городским больницам чуть не всю ночь»¹⁷, – сообщалось в «Костромских епархиальных ведомостях», а в листовке Костромского комитета РСДРП уточнялось: «Темная масса под руководством полиции учинила зверское избиение учащейся молодежи на глазах губернатора, поспешившего на место действия не с тем, чтобы принять меры против толпы хулиганов, а полюбоваться делом рук своих»¹⁸. Это о Князеве, 10 октября назначенном Курляндским губернатором¹⁹ и 26 октября славшем Костромскую губернию вице-губернатору Е. Е. Извекову²⁰.

Совершенно иначе свои действия Князев описывал следствию в 1919 году: «Тотчас же городской голова Ботников, случайно проезжавший мимо, приехал ко мне, и я немедленно с ним же приехал на площадь, где лично оттаскивал жертвы из рук крестьян, грозивших уже разгромом и поджогом дома, где скрывались демонстранты. Вызванная мною рота солдат оцепила дом... так что буйство было локализовано и в течение не более двух часов прекращено»²¹.

В Костроме Князев удостоился ордена Святой Анны I степени (1904) и знака отличия за поземельное устройство бывших государственных крестьян (1903), в Курляндии – чина тайного советника (1906), звания егермейстера высочайшего двора (1906) и ордена Святого Владимира II степени (1908), а кроме того, был избран почетным мировым судьей Митаво-Баусского округа Курляндской губернии (1907), почетным членом

Прибалтийского православного братства (1908) и почетным гражданином Либавы (1910). Способствовал, по его словам, смягчению национальной розни между немцами и латышами и организовал собрание представителей с равным числом дворян-землевладельцев, горожан, крестьян-дворохозяев и безземельных крестьян, которыми был разработан проект местных реформ и учреждения в Прибалтийском крае земского самоуправления²².

Из Курляндии Л. М. Князев был переведен генерал-губернатором в Иркутск (24.07.1910–22.02.1911)²³, после чего назначен членом Государственного совета и удостоен медали в память 300-летия Дома Романовых (1913) и орденов Белого Орла (1913), Святого Александра Невского (1916).

Владелец 652 десятин земли в Солигаличском уезде и почетный мировой судья Солигаличского уезда Костромской губернии²⁴. После революции Князев возвратился к дочери в Кострому и устроился делопроизводителем отдела СНХ²⁵, а 24 апреля 1919 года был привлечен ЧК к дознанию по делу о расстреле рабочих на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 года и показал, что в это время находился в Санкт-Петербурге и к расстрелу не причастен²⁶. Выяснялась также его роль в костромском погроме, но следствие, и в этом случае, удовлетворилось версией Князева. Затем из Костромы он был переправлен в Москву²⁷, где к его защите подключился Московский комитет политического Красного Креста и удостоверил его усилия по преданию суду ротмистра Терещенко, являвшегося исполнителем расстрела, либеральное отношение к политическим заключенным Александровского центра, «широкое покровительство Князева всем проявлениям культурной, политической и общественной жизни Иркутска, вплоть до открытого выступления социал-демократической партии на выборах в местную Городскую думу... и безукоризненное его отношение к иркутскому еврейству»²⁸. В довершение комитет политического Красного Креста апеллировал к его тяжелой сердечной болезни, и ввиду представленных документов и ходатайств коллегия Московской ЧК 17 июня 1919 года дело прекратила.

После освобождения Л. М. Князев возвратился в Кострому, поступил на службу библиотекарем Костромского государственного рабоче-крестьянского университета (1920)²⁹, жил на улице Чрезвычайки (ныне Свердлова) и умер в 1929 году³⁰.

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ САВВИЧ

(?–?)

Ввиду повторного назначения Киевским губернатором (06.09.1903–08.10.1905, 27.10.1905–15.08.1906)¹ в Костроме не появлялся и губернии не принимал².

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАТАЦИ (28.11.1852–16.09.1933)

Сын потомственного дворянина Могилевской губернии, инспектора школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге и директора Михайловского кадетского корпуса в Воронеже, генерала от артиллерии Александра Ивановича Ватаци (03.04.1810–27.02.1886)¹ и брат Сувалкского (1898–1901), Ковенского (1902–1903) и Харьковского (1904) губернатора Эммануила Александровича Ватаци.

По окончании Императорского Пажеского корпуса (1873) военную службу проходил в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. Участник русско-турецкой войны (1877–1878). Генерал-лейтенант. Сен-Михельский (1903), Киевский (08.10.1905–27.10.1905)² и Костромской (02.11.1905–21.11.1906)³ военный и гражданский губернатор, затем гражданский наместник на Кавказе.

Его приезд в Кострому совпал с забастовкой Зотовской, Михинской и Кашинской фабрик и выборами городского совета рабочих депутатов второго созыва, заседания которого начались 20 ноября 1905 года. Однако противостояние официальной власти в столице губернии было всесословным, и своего представителя в совет рабочих депутатов направили, к примеру, даже почтово-телеграфные служащие, чтобы «быть всегда в курсе настроений рабочего класса и чтобы по возможности приурочивать свои выступления на борьбу к общим выступлениям пролетариата»⁴. При этом боевая дружина совета, осуществлявшая охрану города, насчитывала к тому времени около трехсот человек и включала даже статистиков губернского земства⁵.

6 декабря 1905 года, в день именин императора, костромские монархисты наметили манифестацию, однако Совет потребовал от губернатора запрещения манифестации и винной торговли в этот день и постановил провести собственную демонстрацию, а его председатель позднее вспоминал: «Накануне этих событий в Народном доме заседал исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Я, как председатель Совета, был вызван к телефону лично губернатором Ватаци. Подхожу к телефону, беру трубку, слушаю: "Я прошу вас, господин Малышев-Пожарный, – говорит губернатор, отменить приказ о закрытии монополек и отменить демонстрацию". Я резко заявляю, что демонстрация наша состоится. Наши боевые дружины в полном боевом порядке. Если пьяная черносотенная орда позволит выступить на демонстрацию, она будет сметена с улиц Костромы нашей пролетарской силой»⁶.

И губернатор подчинился Совету⁷, избрав другую тактику, что и было отмечено в листовке Костромского комитета РСДРП: «Презрение – губернатору Ватаци и всем подобным ему насильникам и врагам народа! Своими отравленными гнусной ложью и провокацией обвинениями не удастся этим обманщикам вызвать "беспорядки", чтобы затем потопить их в народной крови!»⁸. В ожидании забастовки в Костроме, начавшейся 9 декабря, губернатор обратился к управляющему Министерством внутренних дел с просьбой о помощи: «Я лишен всякой возможности принять какие-либо меры воздействия силой. Фабричные

рабочие массою вооружены. Необходимы войска»⁹. И еще раз через три дня: «В дополнение моей депеши от 9 декабря прошу прислать войска в Кострому»¹⁰. А по окончании забастовки доложил: «К выполнению преподанных мне управлением Министерства внутренних дел указаний к подавлению революционного движения приступлено и уже произведены аресты... Производства массовых обысков, которые являются особенно необходимыми в деле разоружения боевой дружины, я в настоящее время положительно лишен возможности, дабы совершенно не поколебать в глазах населения авторитет правительственной власти»¹¹. При этом «во время забастовки губернатора охранял отряд казаков»¹².

Не удалось властям должным образом провести и выборы в Государственную думу, так как крупнейшие фабрики губернии по призыву большевиков бойкотировали их. Даже члены губернской земской управы отказались праздновать открытие Государственной думы 27 апреля и предпочли этому 1 мая¹³.

«В моем распоряжении имеются факты, свидетельствующие о довольно сильном брожении среди рабочих фабричных районов зверешной мне губернии»¹⁴, – не переставал жаловаться губернатор в департамент полиции, несмотря на спад революции и отъезд из Костромы профессиональных революционеров А. К. Гастева, М. С. Кедрова, С. В. Малышева, А. М. Стопани и др. Упустив их, он проглядел также захват боевиками 14 винтовок стражников в помещении почтово-телеграфной конторы станции Вичуга Кинешемского уезда (12.06.1906) и парохода «Макарьев» с грузом пироксилина на реке Костроме (18.06.1906)¹⁵, поэтому его дальнейшее пребывание в Костромской губернии, очевидно, было сочтено бесполезным.

Во время Гражданской войны А. А. Ватаца находился в вооруженных силах Юга России, а 25 января 1920 года вместе с женой на пароходе «Габсбург» из Новороссийска эмигрировал сначала в Грецию, затем в Югославию, после чего во Францию и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа¹⁶.

Женой Александра Александровича была Мария Петровна, урожденная Мертваго (29.04.1860–22.10.1936)¹⁷, – автор рассказа о жизни Л. Н. Толстого в Казани¹⁸.

АЛЕКСЕЙ ПОРФИРЬЕВИЧ ВЕРЕТЕННИКОВ

(18.03.1860–1934)

Из дворянского рода, внесенного в родословную книгу по Санкт-Петербургской губернии. Сын чиновника Военного министерства, действительного тайного советника Веретенникова Порфирия Алексеевича и Зинаиды Семеновны, урожденной Кожинной-Фаренсбах. Уроженец города Иркутска¹.

Выпускник Николаевского инженерного училища (1880) и Николаевской инженерной академии (1892), занимал военные должности на Сестроречском и Тульском оружейных заводах, а по окончании академии был отправлен на стажировку во Францию, после чего Военным министерством был привлечен к проекту соединения железных дорог Российской империи и Великого княжества Финляндского, за разработку которого удостоился высочайшей благодарности. Автор статьи «Водоснабжение населенных мест», опубликованной в «Инженерном журнале», а затем вышедшей отдельным оттиском и вторым изданием².

Однако первая отечественная революция военного инженера превратила в полицейского. В звании инженер-полковника с должности начальника инженеров Туркестанского военного округа из Военного министерства Алексей Порфирьевич переведен в Министерство внутренних дел и назначен вице-губернатором в Воронеж (28.06.1906), где за отличие в подавлении антиправительственных выступлений был пожалован званием инженер-генерал-майора и назначен Киевским губернатором (25.08.1906)³. В Киеве инженер-генерал-майор Веретенников был приговорен малороссийскими эсерами к смерти⁴, после этого Киевский генерал-губернатор В. А. Сухомлинов попросил премьер-министра П. А. Столыпина перевести Веретенникова в другую губернию, ибо его пребывание в Киеве «в служебном отношении безусловно вредно»⁵.

15 декабря 1906 года А. П. Веретенников получил назначение в Кострому⁶, где свою деятельность начал с расследования обстоятельств нападения боевиков на губернскую тюрьму в декабре 1906 года и ареста кинешемского «хлебного совета» (февраль 1907), пытавшегося остановить спекулятивный рост цен. Преследованию подвергся и костромской профсоюз текстильщиков, выступавший за нормирование цен и создание хлебной комиссии из представителей профсоюза и городской думы.

В служебной переписке с уездными исправниками губернатор требовал всеми мерами предотвращать «преступную пропаганду», а в секретной инструкции тем же исправникам – приступить «к выяснению путем агентуры личностей агитаторов» и их арестам, а также пресечению празднования 1 мая в губернии. В итоге в 1907 и 1908 годах полицией были арестованы типография «Северного рабочего» и свыше пятидесяти большевиков⁷, казнены двое боевиков – К. Н. Козуев⁸ и П. И. Терехин⁹, а также некий крестьянин Голубев¹⁰, убивший тюремного надзирателя.

Одновременно начались гонения на губернское дворянское собрание, посмевшее принять в свои ряды исключенных другими дворянскими собраниями бывших членов I Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание о нелегитимности правительства и его местных органов, а также губернское земство, обвиненное в том, что «до пор сих нет страхования скота, травосеяние только нарождается, переоценка имущества тянется уже 12-й год, несмотря на затрату 440 тысяч рублей казенной субсидии. В губернии нет совершенно дорог, и хозяйство городов, истощенных непосильными земскими налогами, приходит совершенное расстройство»¹¹.

«В то время (1907–1909), – по воспоминаниям советника губернского правления князя В. А. Друцкого-Соколинского, – политическое лицо костромского губернского земства определялось личностью социал-революционера еврея Френкеля, и если это влияние было устранено, то исключительно благодаря энергии и стойкости костромского губернатора А. П. Веретенникова... На моих глазах в Костроме заведовавший санитарным бюро костромского губернского земства доктор Френкель убедил состав губернской управы исполнить политически тенденциозное постановление губернского собрания, отмененное уже губернским присутствием»¹².

В итоге Веретенников добился отрешения от должностей предводителя губернского дворянства и председателя губернской земской управы, и этим восстановил против себя не только либералов, но и консерваторов. С. М. Чумаков вспоминал: «Губернатор Веретенников издал постановление, обязывающее землевладельцев повесить у своих ворот фонари с обозначением улицы и номера дома, а также освещать их. Дело это было никому не нужное, ибо город в те времена был тихий, сонный, без большого движения, и всяк знал, где кто живет и без фонарей... И вот судья Власов в установленный срок фонарь не повесил, а на неоднократные предписания полиции ответил отказом. По установленному порядку был составлен протокол и наложен штраф в размере 50 рублей... После этого Власов подал жалобу на действия губернатора... В Сенате, куда жалоба поступила, нашли, что губернатор не мог издавать постановления о фонарях, которые обязательны для городов с числом жителей, превышавшим фактическое в Костроме»¹³.

По словам того самого Френкеля, «как и во время своей службы в Киеве, он и в Костроме организовал черносотенный кружок из нескольких приехавших с ним чиновников и стал издавать костромской орган Союза русского народа»¹⁴.

А вот как оценивал деятельность А. П. Веретенникова 28 января 1908 года управляющий фабриками Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры В. А. Шевалдышев: «Вчера меня вызывал к себе губернатор поговорить о городском деле. Как я полагаю, он очень заинтересован не столько делом, сколько желанием напасть на горюду и земствам»¹⁵.

К своим заслугам А. П. Веретенников относил активный выход крестьян из общины, объясняя это учреждением губернской землеустроительной комиссии и тем, что власть показала твердость своих намерений обратить крестьян в мелких собственников¹⁶. 1 июля 1908 года губернатором было учреждено сыскное отделение губернской полиции. Однако наладить отношения с общественностью ни учреждение Костромского общества образования (1907), Костромского музыкального общества (1909) и Костромского общества любителей хорового пения (1909), ни открытие Галичской мужской (1908) и Макарьевской женской (1908) гимназий, ни ходатайство об учреждении и строительстве Романовского музея (1908), ни участие в организации и проведении IV Областного историко-археологического съезда в Костроме (1909), объединявшего исследователей Верхневолжья, ему не помогли.

У того же С. М. Чумакова читаем: «Вскоре после истории с уличными фонарями, закончившейся не в его пользу, Веретенников совершенно неожиданно получил от министра внутренних дел бумагу, в которой сообщалось, что просьба его удовлетворена, и он освобождается от должности костромского губернатора... Как потом ходили слухи, заявление об отставке было заготовлено одним из чиновников губернской канцелярии и очень удачно подсунуто Веретенникову вместе с кипой других бумаг. Говорили, что дело все это было организовано городским головой Ботниковым, который сумел собрать с некоторых имущих костромичей для уплаты чиновнику, который, если бы попался, был бы немедленно удален с государственной службы»¹⁷.

В довершение всего эту историю под заголовками «Губернатор в роли унтер-офицерской вдовы»¹⁸ и «Щедринский губернатор»¹⁹ растиражировали газетчики, поэтому в январе 1911 года Веретенников был вынужден подать прошение об отставке по болезни. Но 12 июля 1916 года А. П. Веретенников обратился с прошением к министру внутренних дел Б. В. Штюрмеру предоставить ему возможность реализовать себя как администратору и назначить губернатором какой-нибудь губернии. Командующему юго-западным фронтом действующей армии А. А. Брусилову, при штабе которого состоял Веретенников, был сделан запрос, и Брусилов немедленно ответил, что с его стороны «препятствий к назначению нет»²⁰, однако подбор губернии, как видно, затянулся.

Веретенников был женат на бере Васильевне, урожденной Ратч, до 31 марта 1910 года состоявшей попечительницей костромского Мариинского детского приюта²¹. Имел трех сыновей. Умер в эмиграции, будучи членом многочисленных реваншистских организаций и масонских лож²².

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШИЛОВСКИЙ

(1871 – не ранее 1938)

Вместо Веретенникова был прислан из Петербурга новый губернатор, Шиловский, с наказом отладить отношения с костромским обществом, что было необходимо по соображениям предстоящих юбилейных торжеств 1913 года. Шиловский был человек культурный, штатский, работал за границей, любил играть на виолончели и даже изобрел какой-то аппарат для однорельсовых железных дорог. Был он пухленький, розовенький, вежливый. Так как звали его Петр Петрович, местные чиновники по начальным буквам прозвали его Пепеша.

Приехав, Пепеша сделал всем визиты, никаких гонений не производил, к обеду одевал по английской манере смокинг. Раз в неделю устраивал у себя музыкальный квартет, пригласив для этого трех костромских музыкантов»¹, – вспоминал С. М. Чумаков.

Губернатор был сыном действительного статского советника и кавалера Петра Степановича Шиловского, происходил из дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги по Московской и Рязанской губерниям². По окончании 3-й Санкт-Петербургской гимназии (1887) и Императорского училища правоведения (1892)³ поступил на службу судебным следователем Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Автор нескольких судебных очерков, опубликованных в газете «Гражданин» и отдельным изданием⁴. За критику реформ («переменую поперечных погонов на продолжные, дело правосудия нельзя поставить на новые рельсы»⁵) министром юстиции и сыном одного из костромских губернаторов Н. В. Муравьевым был переведен в Новоржевский уезд Псковской губернии, но, благодаря знакомству с государственным и статс-секретарем В. К. Плеве, назначен товарищем прокурора Ревельского окружного суда.

В Эстляндии Шиловский заинтересовался финским вопросом⁶, вследствие чего был удален на такую же должность в Саратов (1900), пока министр внутренних дел Плеве не назначил его вице-губернатором в Уральск (1904)⁷, где он проявил себя умелым организатором во время эпидемии чумы и либералом на английский лад⁸. В 1906 году назначен вице-губернатором в беспокойный Екатеринослав⁹. Там Шиловский поссорился с губернатором Клингенбергом, и в 1907 году переведен на ту же должность в Симбирск¹⁰, где почувствовал себя уже полновластным хозяином, поскольку губернатор Д. Н. Дубасов по старческой немощи не мог выполнять свои обязанности¹¹, 22 февраля 1910 года П. П. Шиловский в чине статского советника и звании камер-юнкера высочайшего двора получил назначение на должность костромского губернатора¹².

При П. П. Шиловском были открыты адресный стол губернского правления (1912), Костромское землемерное (1911) и Ветлужское реальное (1911) училища, Ветлужская (1910), Кологривская (1910), Нерехтская (1911) и Юрьевецкая (1911) мужские и Кологривская (1911) и Солигаличская (1911) женские гимназии, 13 воскресных школ (9 мужских и 4 женских) в различных уездах губернии¹³. В Костроме учреждены эсперантистское (1910), научное (1912), гимнастическое (1912) и церковно-историческое (1912) общества, отделения Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом (1912) и Русского Музыкального общества (1912). Благодаря содействию П. П. Шиловского в 1911 году в городе Ветлуге и селах Наволоки Кинешемского, Матвеево Кологривского, Ногино и Острецово Нерехтского, Судай и Тимошинино Чухломского, Порздни Юрьевецкого уездов, в 1912 году – селах Молвитино Буйского и Есиплево Кинешемского уездов и др. появились памятники царю-освободителю Александру II.

Губернатор являлся главой Особого комитета для заведывания Всероссийской подпиской на сооружение в Костроме памятника 300-летию Дома Романовых, как представитель архивной комиссии в комитете по устройству памятника 300-летия Дома Романовых 10 августа 1912 года подписал дого-

вор о строительстве памятника со скульптором А. Адамсоном¹⁴. О памятнике Шиловскому пришлось вспомнить 15 сентября 1917 года: «Производимая эвакуация Петрограда поставила весьма остро вопрос об участии медной бронзы в количестве 2–3 тысяч пудов, предназначавшейся на исполнение памятника в Костроме и ныне хранящейся при мастерской академика Адамсона... Член бывшего комитета от архивной комиссии П. Шиловский»¹⁵.

П. П. Шиловский являлся также почетным членом епархиального Федоровско-Сергиевского братства¹⁶ и действительным членом Костромской губернской ученой архивной комиссии (1912)¹⁷. Интересовался ее деятельностью и трудами костромских краеведов, находясь вдали от Костромы, что подтверждают его телеграмма («вышлите сюда хорошо переплетенную справочную книжку с прекрасными вашими статьями для представления») и письмо Н. Н. Виноградову¹⁸.

Шиловскому удавалось поддерживать порядок в губернии даже после всеобщей в знак протеста против Ленского расстрела и первомайской забастовок и 10-тысячной демонстрации (01.05.1912)¹⁹, ареста костромского комитета РСДРП (03.05.1912)²⁰, 35-дневной стачки в Костроме (16.06–23.08.1912).

«Все шло хорошо, время капало ближе к 1913 году, и он рассчитывал фигурировать в качестве первой в губернии персоны. Однако судьбе было неудобно продлить его пребывание в Костроме. Случился непредвиденный казус, после которого ему пришлось перебираться на новое служебное поприще... В Бонячках Костромской губернии было большое торжество по случаю столетия крупной хлопчатобумажной фирмы Коновалова. Помимо всяких празднований в Москве, где было правление, в Бонячки были приглашены многие гости из Москвы и других городов, деятели промышленности и администрации. Конечно, приглашены были в Бонячки и губернские власти во главе с губернатором. Было известно, что в Бонячках будет освящена новая церковь, открыт народный дом или что-то в этом роде, затем предполагался обед изготовления московских умельцев этого дела. Из Москвы был заказан специальный поезд для гостей. Одним словом, дело было поставлено на широкую ногу.

Утром на станцию Бонячки прибыл отдельный вагон с Пепешей и его свитой, все в полной парадной форме и в треуголках. Вышедшего из вагона Шиловского встретили посланные Коновалова и просили проследовать в коляске с парой лошадей. Тут Пепеша слал нетактичность, спросив, почему же меня не встречает сам хозяин, на что последовал ответ, что таковой уже в церкви, где идет освящение. Пепеша сказал, что пока хозяин не придет его встретить на вокзал, он никуда не поедет. Коновалов был величина в промышленности довольно крупная, поэтому он и шагу не сделал. Пепеша ждал, ждал, ходил по платформе в треуголке, засим забрался в вагон и присел там до вечера, пока его не прицепили к проходящему поезду. Был он голодный, обед же у Коновалова был обильный на славу, а Пепеша покушать очень любил и ценил хорошую кухню. Вместе с ним голодали и его чиновники.

После этого казуса ему было неудобно оставаться в Костроме, и он был переведен в Петрозаводск, с которым тогда еще не было железнодорожного сообщения»²¹.

Однако на экстренном заседании городской думы «было вынесено постановление об избрании бывшего Костромского губернатора П. П. Шиловского почетным гражданином г. Костромы»²².

Накануне Романовского юбилея, 31 декабря 1912 года²³ Олонецкому губернатору было направлено приглашение, но когда П. П. Шиловский обратился к министру внутренних дел за разрешением на поездку, то получил отказ. Тогда Шиловский подал в отставку, поселился в Петербурге и остаток жизни посвятил игре на скрипке и техническому творчеству²⁴.

Еще в 1909 году П. П. Шиловский получил патент № 27091 на «Устройство для сохранения равновесия повозок или других находящихся в неустойчивом положении тел», а в середине апреля 1911 года по случаю семидесятилетия прокладки первой российской железной дороги представил на организованную по этому поводу выставку модель железнодорожного вагона с гироскопом. «Будущее за движением по линии, а не по плоскости», – говорил он.

В годы Первой мировой войны Петр Петрович разработал конструкции устойчивых при качке гироскопических морских орудий, указателя курса и прожектора, а также первого в мире гироскопического автомобиля на двух колесах. Гироскопический указатель курса был испытан на самолете «Илья Муромец», а гироскопический автомобиль построен на заводе «Уолсли» в Англии, однако дальше проектов и опытных образцов дело не пошло. Да и начатое новой властью в 1921 году строительство монорельсовой железной дороги Петроград – Гатчина ограничилось двенадцатью километрами. И через семнадцать лет неутомимый изобретатель объявился в США²⁵.

Женой П. П. Шиловского была Мария Николаевна, урожденная Брянчанинова, с 31 марта 1910 года до перевода мужа в Петрозаводск являвшаяся попечительницей костромского Мариинского детского приюта²⁶.

Из описания герба Шиловских: «В щите, имеющем красное поле, перпендикулярно поставлен серебряный столб, сквозь середину которого крестообразно проходят Шпага и Ключ. Над сим столбом виден парящий черный орел. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой изображена выходящая из облак рука с мечом. Намет на щите красный, подложенный золотом.

Фамилии Шиловских многия Российскому Престолу служили дворянския службы в разных чинах и жалованы были от Государей в 7071/1563 и других годах поместьями»²⁷.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СТРЕМОУХОВ**(17.01.1865 – не ранее 1936)**

Фамилия Стремоуховых «начало свое восприяла от выехавшего в 6070/1462 году к Великому Князю Василию Васильевичу из Царя Града Афанасия Строматораса, коего потомки Стремоуховы Российскому Престолу служили столыниками, воеводами и иных чинах и жалованы были от Государей поместьями»¹.

Сын рязанского дворянина, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, тайного советника Петра Николаевича Стремоухова (1823–1885)². Уроженец Санкт-Петербурга. Выпускник Императорского пажеского корпуса (1883). Камер-паж Высочайшего Двора, подпоручик лейб-гвардии Егерского и поручик 149 Черноморского и 152 Владикавказского пехотных полков и запаса гвардейской пехоты.

С 1892 года – помощник делопроизводителя, чиновник особых поручений канцелярии и составитель сборника распоряжений (1893) Варшавского генерал-губернатора. Калишский вице-губернатор (1897)³. Камер-юнкер (1903) и камергер (1906) высочайшего двора. Сувалкский (16.10.1904–28.02.1911)⁴, Саратовский (28.02.1911–31.12.1912)⁵ и Костромской (31.12.1912–19.01.1915) губернатор⁶.

Основным занятием П. П. Стремоухова в Костроме была подготовка к празднованию 300-летия династии Романовых и встрече императора Николая II, поэтому заблаговременно им было разработано постановление (15.02.1913), согласно которому нарушение общественного порядка в городе, появление в нетрезвом виде в общественных местах, вторжение в частные владения и т. п. наказывалось штрафом в 500 рублей или арестом до трех месяцев⁷. В апреле последовали два новых постановления, первым из которых устанавливался жесткий порядок пользования водным транспортом в пределах города на реках Волге и Костроме, а вторым вводились строгие меры по учету постоянного и приезжего населения в Костроме, которому отныне запрещались собрания и сборища на площадях и улицах и ношение огнестрельного и холодного оружия. Забастовки также запрещались. Особо оговаривалась недопустимость призывов к беспорядкам и революционная агитация. Усиливалась цензура над периодической печатью. От жителей требовалось беспрекословное подчинение требованиям полиции и чиновников. Владельцам домов, меблированных квартир, гостиниц и другой недвижимости обо всех нарушениях порядка вменялось в обязанность сообщать властям. Такие меры, близкие к чрезвычайным, устанавливались до сентября 1913 года⁸.

Манифестация и забастовка 1 мая в Костроме были разогнаны полицией и повлекли арест и увольнение организаторов из числа костромского комитета РСДРП. В начале того же месяца в «Костромских губернских ведомостях» появилось очередное распоряжение губернатора, который всем чиновникам

в дни пребывания в Костроме августейшей семьи предписывал носить «белый сюртук или китель установленного образца, при лентах и орденах»⁹.

Император Николай II, а также его семья и двор, находившиеся в Костроме 19 и 20 мая 1913 года, в первый день визита, согласно программе торжеств, изложенной губернатором Стремоуховым гофмейстеру В. В. Евреинову еще 21 марта¹⁰, посетили Ипатьевский монастырь, Романовский музей и Дворянское собрание. Император заложил именной кирпич в основание памятника 300-летию дома Романовых, после чего прибыл в губернаторский дом, в саду которого принял делегацию волостных старшин губернии и коробовских белопащев, потомков Ивана Сусанина. Во второй день вместе с семьей и всем двором он посетил Успенский кафедральный собор, церковь Воскресения Христова на Нижней Дебре, Романовскую больницу Красного Креста и юбилейную губернскую земскую выставку, где в одном из павильонов, выстроенном в стиле XVII века, пил чай.

«Во все время следования Их Императорских Величеств в пределах города Костромы и в его окрестностях, впереди Государя Императора сехал в коляске, в русской упряжке, Костромской Губернатор, Двора Его Императорского Величества в звании Камергера, Действительный Статский Советник П. П. Стремоухов. Во время шествия Их Императорских Величеств Губернатор Стремоухов следовал сейчас же за Государем Императором, докладывая Его Величеству по адресуемому к нему вопросам»¹¹. Во второй день визита губернатор был пожалован званием егермейстера¹².

В первый же день Первой мировой войны забастовала текстильная фабрика Ивана Ивановича Додонова в деревне Олюково Широковской волости Нерехтского уезда, а еще через три дня к бастующим присоединились текстильщики трех фабрик села Большого Яковлевского того же уезда. Всего до истечения лета бастовало приблизительно шестьдесят тысяч рабочих¹³.

Тем временем губернатор предпринимал неотложные меры по мобилизации всех ресурсов губернии для нужд фронта, призыву военнообязанных и набору добровольцев, установлению контроля над сырьем, товарами и ценами и ужесточению надзора за общественной жизнью. Населению запрещалось иметь множительные печатные аппараты и проводить собрания и митинги без согласования с властями¹⁴. Обязательным постановлением губернатора германским и австрийским подданным, проживавшим в губернии, запрещалось подходить к железнодорожным путям ближе чем на триста шагов и посещать железнодорожные вокзалы, выходить за черту определенных для их проживания населенных пунктов, разговаривать на немецком языке и пр. При этом мужчины старше семнадцати лет признавались военнопленными¹⁵.

Другим направлением его деятельности являлись прием беженцев и организация помощи населению, пострадавшему в ходе военных действий, в частности жителям города Сувалки, где некогда он был губернатором.

При нем были построены Романовские музей (1913), больница Красного Креста (1913) в Костроме, Макарьевское реальное училище и трехкиломет-

ровый водопровод в Макарьеве (1913), торговые ряды в Буге (1914), открыты телефонная линия Москва – Кострома (01.02.1913) и Костромское отделение Центрального общества сельского хозяйства (1913).

Кавалер орденов Святого Станислава I–III, Святой Анны II–III и Святого Владимира III–IV степеней, сямского ордена Белого слона IV и черногогорского ордена князя Даниила I, III степеней, награжден медалями в память императора Александра III, 300-летия Дома Романовых и др. Почетный член Калишского отделения Российского общества покровительства животным, Сувалкского общества любителей музыкального и драматического искусства, Вержболовского пожарного общества, Сувалкского общества сельского хозяйства и др. Почетный председатель Саратовского аэроклуба, почетный гражданин города Сувалки¹⁶, Удостоен, кроме того, высочайших благодарностей «за особые труды по организации празднования 300-летия Дома Романовых» и за «образцовый порядок во время посещения Костромы Их Императорскими Величествами»¹⁷. О нем сохранился отзыв сопровождавшего семью императора в Кострому товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского: «Губернатором был П. П. Стремоухов, человек умный, знающий, но с некоторой манией величия»¹⁸.

В январе 1915 года «Поволжский вестник» сообщил читателям: «По достоверным слухам, Главниначальствующий Костромской губернии в должности Егермейстера Высочайшего Двора д.с.с. П. П. Стремоухов назначен Варшавским губернатором»¹⁹. 25 января 1915 года в Дворянском собрании состоялось прощание, на котором с речами выступили предводитель губернского дворянства С. И. Бирюков и председатель губернской земской управы Б. Н. Зузин. В ответной речи П. П. Стремоухов поблагодарил костромичей²⁰ и 27 января 1915 отбыл в Петроград.

В 1916–1917 годах он служил директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел, но не забывал и прежних сослуживцев. Бывший советник костромского губернского правления князь В. А. Друцкой-Соколинский, в частности, вспоминал: «Был несказанно счастлив, когда добрейший П. П. Стремоухов, директор Департамента общих дел, сообщил мне, что у него был разговор с Б. В. Штюмером, тогда министром внутренних дел, длинный разговор обо мне, и министр отнесся очень сочувственно к проекту Стремоухова дать мне губернию»²¹.

В 1920 году Стремоухов вместе с женой Софьей Александровной, урожденной Салтыковой, и сыном Александром²² на пароходе «Витязь» из Одессы эмигрировал в Константинополь. В 1930 году он являлся начальником отдела объединения лейб-гвардии Егерского полка во Франции, в 1936 году еще проживал в Ницце²³.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ МЯКИНИН

(1868 – не ранее 1917)

Предок фамилии Мякининых «муж честен Воевода и Комиссар Брянский Юрий Мякининский выехал к Великому Князю Ивану Михайловичу Тверскому из Литвы. У сего Юрья был сын Гавриил Мякина. Потомки сего рода Мякинины Российскому Престолу служили Стольниками, Посланиками, Воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей в 7002/1494 и других годах поместьями. Все сие доказывається справкою Разрядного Архива, выписями с отказных книг, родословною Мякининых и грамотою Новгородского дворянского собрания, в которой показано, что род Мякининых внесен в дворянскую родословную книгу в 6-ю ее часть древняго дворянства»¹.

Выпускник Императорского училища правоуказания (1889)², товарищ прокурора Петроградского окружного суда А. П. Мякинин был потомственным юристом. Его отец Петр Гаврилович Мякинин, род которого внесен в VI часть дворянской родословной книги по Новгородской губернии³, являлся членом Варшавского окружного суда.

Действительный статский советник, Кавалер орденов Святой Анны и Святого Станислава II и III и Святого Владимира IV степеней и др. Костромской губернатор (28.01.1915–01.09.1915)⁴, член костромского отделения общества Красного Креста⁵ и попечительного совета костромской Федоровской общины Красного Креста⁶, председатель совета Ярославско-Костромского отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых⁷.

В костромской мемуаристике сохранился лишь один эпизод, связанный с Мякининым: «Доктор медицины Чернов, окончивший Военно-медицинскую академию, практиковал в городе и одновременно заведовал гинекологическим отделением губернской земской больницы. Когда освободилось место губернского врачебного инспектора, Чернов изъявил желание занять это место. В связи с этим с ним захотел познакомиться губернатор Мякинин. В разговоре он стал указывать на сложность работы, вообще читать наставление. На это Чернов ответил: "Не беспокойтесь, Ваше превосходительство, все будет в порядке, нас на мякине, не проведешь". После этого разговор прекратился, а невпазд сказанная пословица решила участь Чернова – назначение не состоялось, и он больше никогда не приглашался к Мякинину»⁸.

Из других событий его непродолжительного правления следует отметить историю с отчислением из Костромской общественной гимназии ученика по фамилии Шефтель. Жалоба его отца появилась на страницах газеты «Поволжский вестник», что вызвало недовольство губернатора, поддержавшего решение директора гимназии А. Н. Рождественского и педагогического совета об отчислении ученика еврейского происхождения и привлечшего редактора «Поволжского вестника» к судебной ответственности.

Распоряжения губернатора об усилении контроля над оборотом продовольственных товаров и фуража, ростом цен на продукты питания, топливо, проезд и жилье в Костромской губернии ожидаемых результатов не дали, и в Костроме произошла крупнейшая за всю войну забастовка, которую губернатор в донесении описывал так: «Забастовка на фабрике Т-ва БКЛМ частично началась 1 июня и стала общезнаменитой 3 июня. Несмотря на то, что в виду исполнения БКЛМ заказов военного министерства для нужд войны (главным образом брезента), а самовольное прекращение работ рабочими составляло преступление, предусмотренное 1359 ст. Уложения о наказаниях, тем не менее, т. к. стачка протекала спокойно и носила экономический характер действия полиции ограничивались лишь наблюдением, чтобы толпа рабочих не двинулась в центр города. На самой стачке действия властей выразились в увещеваниях со стороны фабричных инспекторов, в моих переговорах с директором фабрики Шевалдышевым (он же Костромской городской голова), которого я убеждал если не полностью, то хотя бы частично удовлетворить требования рабочих, и в вывешивании, по моему приказанию, на фабрике объявлений»⁹. Но этого не произошло, и 5 июня 1915 года в полдень примерно две тысячи рабочих направились по Царевской улице (ныне проспект Текстильщиков) к центру города, где были остановлены полицией. Тогда толпа направилась к фабрике Бельгийского анонимного общества, которая также прекратила работу, и к фабрике братьев Зотовых, которая охранялась нарядом полиции, так как выполняла особо важный заказ военного ведомства (пулеметные ленты). Проникшие на территорию фабрики были задержаны.

На требование рабочих освободить задержанных губернатор Мякинин ответил, что насильственное снятие с работ является преступлением и что задержанные подлежат суду, затем вызвал для их охраны роту солдат, а забастовщиков велел разогнать нагайками и уехал домой¹⁰. Толпа тем временем принялась сооружать баррикаду и забрасывать полицию булыжниками, вследствие чего получили ушибы 14 стражников, 4 городских и помощник полицмейстера И. П. Красовский. Тогда по команде полицмейстера К. П. Дилigentского стражники дали по толпе три залпа, которыми было убито четверо и ранено свыше пятидесяти человек. Тела убитых полицией были также арестованы и тайно захоронены в ночь на 9 июня.

Было возбуждено два дела: по обвинению в принуждении исполняющих заказы военного времени посредством насилия и угроз к прекращению работ и нападении на чинов полиции с целью освобождения арестантов

В ответ 7 июня забастовали костромские типографы, 9 июня – рабочие фабрики К. Е. Симоновой в деревне Рогачево Яковлевской волости Нерехтского уезда, 10 июня – фабрики Кормилицына в с. Ильинском Костромского уезда, 11 июня – фабрики Скорынина в Нерехтском уезде. Расстрел в Костроме дал также толчок протестному движению в Иваново-Вознесенске, Вятке и других городах России и оказал воздействие на формирование в IV Государственной думе так называемого «Прогрессивного блока» и единение действий внепарламентской оппозиции.

1 августа 1915 года 32 члена IV Государственной думы – социал-демократы В. И. Хаустов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, трудовик А. Ф. Керенский, кадег П. Н. Милюков и другие направили в Думу запрос, в котором расстрел рабочих в Костроме был поставлен в один ряд с расстрелами 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге и 4 апреля 1912 года на Ленских приисках: «Несмотря на лозунг "единения", провозглашенный в самом начале войны, политика правительства по отношению к народным массам и, в первую очередь, к рабочему классу, осталась по-прежнему политикой преследования, угнетения и насилия. По-прежнему всякая попытка рабочих улучшить свое экономическое положение рассматривается как бунт и подавляется при помощи приемов, получивших широкую известность в связи со знаменитыми январскими и ленскими событиями»¹¹.

Этот запрос на заседании Государственной думы 8 августа был признан «спешным» и принят. Министр внутренних дел, 14 августа извещенный о содержании и принятии запроса, никаких объяснений Государственной думе не дал, однако через две недели костромской губернатор был переведен в Каменец-Подольскую губернию (01.09.1915–1917)¹².

Из описания герба Мякининых: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображена шестиугольная золотая Звезда и две серебряные Шпаги, крестообразно остроконечиями вниз обращенные. В нижней части в красном поле по бокам щита видны две выходящая из Облака руки, держащая с правой стороны Меч, а с левой Стрелу, и по середине золотой хлебный сноп. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя строусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом и серебром»¹³.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ХОЗИКОВ

(12.04.1875–?)

Из потомственных дворян¹. Уроженец усадьбы Алексеевка Лебедянского уезда Тамбовской губернии, при которой имел во владении 278 родовых десятин земли. Выпускник 2 Московского кадетского корпуса (1895). Канцелярист Липецкого уездного предводителя дворянства Тамбовской губернии (1897). Коллежский регистратор (1899). Младший чиновник особых поручений канцелярии Тамбовского губернатора, земский начальник 2-го участка Липецкого уезда Тамбовской губернии (1900), губернский секретарь (1902). Предводитель дворянства Лебедянского уезда Тамбовской губернии (1903). Кавалер орденов Святого Станислава II и Святого Владимира IV степеней и знака Красного Креста. Коллежский советник (1909).

Почетный гражданин города Лебедяни Тамбовской губернии – «за содействие сооружению храма при местной тюрьме, преобразованию мужской прогимназии в гимназию, устройство моста через реку Дон и деятельность в качестве председателя Лебедянского благотворительного общества» (1910)².

Костромской вице-губернатор (23.08.1910–09.02.1915)³. Председатель комитета по ремонту и реставрации Ипатьевского монастыря (1911), за что в день посещения Ипатьевского монастыря Николаем II удостоился высочайшей благодарности. Попечитель костромского детского приюта ведомства императрицы Александры Федоровны (1911). Товарищ председателя Костромского отделения Императорского православного Палестинского общества (1911). Статский советник (1912), камергер (1913). Был награжден медалями в память 100-летия Отечественной войны (1912) и 300-летия Дома Романовых (1913), юбилейным нагрудным знаком в память 300-летия Дома Романовых (1913) и знаком отличия за труды по землеустройству (1913).

Товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, посетивший Кострому накануне празднования 300-летия Дома Романовых, позднее вспоминал: «Стремоухов недавно только получил Костромскую губернию и еще не успел как следует ознакомиться с ней, но ближайшим помощником у него был вице-губернатор Хозиков, который отлично знал губернию, был в курсе всех дел, отличался удивительной скромностью, работоспособностью и большим тактом»⁴.

С началом Первой мировой войны вице-губернатор всецело был занят призывом военнообязанных и набором добровольцев. За успешную мобилизацию 1914 года в Костромской губернии удостоился светло-бронзовой медали (1915). Затем И. В. Хозиков некоторое время был Енисейским губернатором (09.02.1915)⁵, а 1 сентября 1915 года назначен костромским губернатором⁶.

По прибытии в Кострому И. В. Хозиков возглавил губернские отделения комитетов по оказанию помощи семьям призванных на военную службу и пострадавшим от военных бедствий (1915), но основные его усилия были направлены, разумеется, на организацию всемерной помощи армии – мобилизацию населения, лошадей и необходимых припасов, сдерживание роста цен, борьбу со спекуляцией, запрещение вывоза зерна из земледельческих Варнавинского и Ветлужского уездов губернии и пр. К ответственности за чрезмерное повышение цен на пшеничную и ржаную муку губернатором были привлечены хлеботорговцы И. Г. Лунев, И. Я. Горшков, В. М. Саложников и др.⁷ В целях смягчения социальной напряженности было образовано губернское продовольственное совещание, объединившее представителей «фабричного населения» Кинешемского, Нерехтского и Юрьевоцкого уездов и города Костромы⁸, в феврале 1917 года норма отпуска пшеничной муки для Костромы была снижена с 54 до 52 тысяч пудов. В этих условиях постановление Костромского губернского земства о дополнительных вознаграждениях председателю управы в 10 тысяч рублей и членам управы в 6 тысяч рублей, а также дополнительном суточном довольствии всем членам управы было расценено как вызов обществу, и губернатор отменил это постановление⁹.

Вместе с тем в дневнике заведующего отделом по оценке лесов Костромского губернского земства и члена правления Костромского научного общества Е. Ф. Дюбюка читаем: «Говорят, в гостиницах сколько угодно можно получить вина и водки, которую в отдельные кабинеты проносят в саквояжах. В счетах так и пишут: ужин 50 рублей, саквояж 25 рублей. Гласные много говорили о предстоящем обеде у губернатора с саквояжем. Проповедуют народу воду, а сами пьют вино»¹⁰.

И далее аналогичная подробность: «Губернатор не хочет давать научному обществу разрешение на сбор на постройку музея. "Все, – говорит он, – должно быть теперь для обороны, не время заниматься разработкой писцовых книг"»¹¹.

В записке министерства внутренних дел о перспективах выборов в V Государственную думу И. В. Хозиков характеризуется как «правый, любим... и, быть может, сумеет организовать более умеренное крыло избирателей в одной из самых левых» Костромской губернии¹². Действительный статский советник (1916), удостоенный высочайших благодарностей «за снабжение одеждой нижних чинов, уволенных на родину из лечебных заведений» (1916) и «за деятельность по постройке Романовской больницы» (1916)¹³. При нем было учреждено Костромское экономическое общество, открыто Солигаличское реальное училище.

В дни начавшейся в Петрограде революции Хозиков обратился к населению Костромской губернии с призывом «не нарушать обычного течения жизни, спокойно выжидать событий и помнить, что в настоящее тревожное время всякое нарушение порядка в тылу только на руку врагам»¹⁴. 3 марта 1917 года новой властью губернатор был арестован, но в тот же день отпущен и выехал в Петроград, а 15 марта указом Временного правительства был уволен от службы.

Дальнейшая судьба Ивана Владимировича Хозикова неизвестна.

КОМИССАРЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ
(1886–1938)

Известие о Февральской революции достигло Костромы 28 февраля 1917 года. Начался процесс оформления новых органов власти. Для предупреждения анархии в городе был создан Временный революционный комитет; 1 и 2 марта прошли выборы в Совет рабочих депутатов; 2 марта был образован Комитет общественной безопасности, ставший местным органом власти Временного правительства; 3 марта на сторону революции перешли солдаты Костромского гарнизона. В тот же день были освобождены политические заключенные и арестованы губернатор, чины полиции. Был учрежден пост губернского комиссара Временного правительства. Первым эту должность начал осваивать В. Н. Лебедев.

Он родился в 1886 году в Кологриве – небольшом уездном городе Костромской губернии. Происходил из семьи служащего. Детство провел в родном городе, затем учился в Костромском реальном училище, которое закончил в 1904 году¹.

За время учебы В. Н. Лебедев увлекся идеями социал-демократов, изучал К. Маркса, Ф. Энгельса, интересовался трудами Г. Плеханова. В училище он сблизился с группой молодых людей, тесно общавшихся тогда с А. Дьяконовым, Е. Дюбюком и другими социал-демократами костромичами. Вероятно, в 1902 году Лебедев был внесен в списки одной из местных ячеек РСДРП.

В жизни выпускника реального училища было еще одно увлечение – военная служба. В отличие от первого, это стремление Владимира Лебедева было поддержано родителями. В 1904 году он поступил в Петербургское Алексеевское военное училище, где в то время готовили офицеров пехоты.

По окончании училища, в 1907 году, его направили в Берский полк, дислоцировавшийся в Севастополе. Очень скоро молодой офицер разочаровался в своей мечте – стать профессиональным военным. Отслужив всего один год, Лебедев в чине подпоручика уволился в запас и вернулся в Кострому. Завел семью, снял квартиру на Ивановской улице, устроился на работу и жил здесь вплоть до 1914 года. С началом мобилизации В. Н. Лебедева вновь призвали на военную службу и направили в 183-й Пултусский полк под Костромой.

Уже в первые месяцы войны В. Н. Лебедев стал участником ожесточенных боев на западном фронте. Два легких ранения и одна тяжелая контузия не вывели его из строя. Он продолжал исполнять свой долг перед Родиной, невзирая на раны. Уравновешенный, грамотный и храбрый офицер не раз отмечался своими командирами, а в 1916 году «за особые заслуги» досрочно получил звание штабс-капитана.

Приняв во внимание перенесенные ранения и учитывая прекрасные воинские качества, командование предложило штабс-капитану Лебедеву продолжить службу инструктором в запасных пехотных полках МВО. Он выбрал Кострому, куда вскоре и прибыл с группой кадровых офицеров – «для налаживания подготовки пополнения для армии». Офицерство 88-го пехотного запасного полка костромского гарнизона заметно отличалось от фронтового отсутствием боевого опыта и реакционными настроениями. Тем не менее, и здесь В. Н. Лебедев нашел немало единомышленников. Еще до февральских событий 1917 года его знали в гарнизоне как офицера с левыми убеждениями, когда же произошел переворот, он, подобно многим другим командирам, самостоятельно вывел подчиненную ему часть к зданию городской управы и включился в работу по созданию органов власти Временного правительства. Под давлением военнотружущих в Костромской губернский объединенный комитет общественной безопасности (КГОКОБ – орган власти Временного правительства в губернии) вошли офицеры и солдаты костромского гарнизона. В КГОКОБе были созданы различные комиссии. Военную комиссию возглавил штабс-капитан В. Н. Лебедев². Первым шагом нового ведомства было временное отстранение от власти и должностей начальника гарнизона, командира 88-го пехотного полка полковника Б. Н. Владычека и костромского воинского начальника полковника Васильева. Эта мера позволила избежать эксцессов и в конечном итоге спасла жизнь бывшим командирам, способствовала мирному переходу власти в руки Временного правительства.

Вскоре в Костроме состоялось расширенное заседание Совета рабочих депутатов, Совета крестьянских депутатов, КГОКОБа и других общественных организаций. И «левые» и «умеренные» приняли постановление: на должность руководителя военной комиссии, которую занимал В. Н. Лебедев, избрать прапорщика 88-го пехотного запасного полка товарища С. Ф. Фоминского, а бывшего руководителя военной комиссии товарища Лебедева избрать губернским комиссаром Временного правительства и поручить ему возглавить работу КГОКОБа³.

Приложив все усилия к сохранению дисциплины в гарнизоне, порядка в губернии, сумев избежать «избиения» офицеров и бывших полицейских, Лебедев понял, что не в состоянии справиться со всеми теми проблемами, которые легли на его плечи. Ему приходилось круглосуточно контролировать всю хозяйственную жизнь в городе и уездах, политическую, общественную, военную обстановку, положение с продовольственным снабжением. Особого внимания требовали проблемы роста преступности, антисанитарии, нужды военных госпиталей (число которых постоянно росло), деятельности национальных меньшинств, культуры, образования, церкви. Ему остро не хватало знаний, опыта, а подчас и воли в принятии решений.

Спустя два месяца после избрания В. Н. Лебедев попросил отпустить его с поста губернского комиссара, чтобы вернуться к своей привычной военной службе.

В начале мая он передал свои полномочия присяжному поверенному, одному из лидеров костромских эсеров Н. А. Козлову⁴.

Октябрьскую революцию В. Н. Лебедев не принял, но и противостоять ей не решился. Новый поворот в его жизни произошел в 1918 году, когда, откликнувшись на призыв генерала А. Брусилова защитить родину от польских интервентов, он, как и тысячи других офицеров, покинувших на тот момент части, пошел добровольцем в действующую, теперь уже Красную, армию. В числе первых ополченцев попал на западный фронт. В тяжелых боях среди украинских степей был ранен и направлен на лечение в тыл. Сменив несколько госпиталей, вернулся в Кострому. Политика его по-прежнему не интересовала, он пытался найти работу, чтобы прокормить семью. По всей видимости, в это время Лебедев не раз получал предложения примкнуть к контрреволюционным офицерским кружкам, однако никаких сведений о том, что он принял эти предложения, нет.

Тем не менее, костромская ЧК арестовала В. Н. Лебедева по подозрению в принадлежности к офицерской организации – Союзу спасения Родины и связях с Всероссийским национальным центром⁵. За недоказанностью обвинения В. Н. Лебедева освободили. После нескольких месяцев, проведенных в заключении, бывший губернский комиссар Временного правительства оказался вновь без работы.

Тяжелое экономическое состояние семьи и болезни заставили В. Н. Лебедева покинуть Кострому и уехать домой, к своим родственникам, в Кологивский уезд.

В 1922 году семья вернулась в Кострому. Бывшие сослуживцы Лебедева помогли ему устроиться на курсы красных командиров. Вскоре он возглавил Пехотные курсы и 1-й территориальный отряд Красной армии, потом работал в губвоенкомате. Спустя год В. Н. Лебедев был демобилизован из армии по состоянию здоровья. Работал в различных учреждениях: агентом по закупке продовольствия, контроллером зерносклада, инспектором санитарной станции и т. д.

1927 год стал для В. Н. Лебедева годом испытаний. Его арестовали по подозрению в принадлежности к подпольному Обществу Белого Ора.

Несколько месяцев, пока шло предварительное следствие, он провел в заключении в следственном изоляторе. В канун 10-летия Октябрьской революции, наряду со многими другими заключенными, ожидавшими суда, был амнистирован. Следующие 5 лет – время относительного спокойствия в жизни В. Н. Лебедева. Отношение власти к бывшим офицерам – военным специалистам несколько улучшилось. Многие из них вернулись на действительную военную службу, поступили на работу в полувоенные организации.

Опыт и знания В. Н. Лебедева оказались востребованы на преподавательской работе в Костромской школе милиции, где он работал с ноября 1929 года. В 1930 году он стал совмещать эту работу с преподаванием на курсах противохимической обороны (ПХО), а чуть позже, из-за крайней нужды в деньгах, устроился подрабатывать секретарем в музыкальную школу.

Времена менялись, изменялось и отношение общества к военспецам. В 1934 году стартовала очередная кампания по «поиску врагов народа». Одними из первых ее жертв стали бывшие офицеры старой армии. В числе других арестовали и В. Н. Лебедева. Уже в третий раз за последние 16 лет. Набор обвинений был типичен для того времени – «подрывная и контрреволюционная деятельность, участие в подготовке террористических актов против руководства коммунистической партии и Советского правительства». Однако и в этот раз Лебедеву удалось избежать репрессий. Помогло знакомство со многими деятелями местной большевистской организации, помнившими его «левые» убеждения и работу в революционном 1917 году. На два года В. Н. Лебедев был вынужден уехать в Кологрив, подальше от бдительного ока НКВД и доносов информаторов.

1936 год стал для бывшего главы губернии роковым. Он был снова арестован. Теперь к традиционным обвинениям в контрреволюции добавилась и «дружба с врагами народа» из числа местных работников партийных, советских и военных учреждений. После двух лет допросов и пересылок из одного лагеря в другой в 1938 году В. Н. Лебедев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Место его захоронения неизвестно.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЗЛОВ

(26.10.1868–1922)

После отставки В. Н. Лебедева пост губернского комиссара Временного правительства занял Н. А. Козлов. Он родился в 1868 году в городе Кологриве Костромской губернии. Образование получил в гимназии и Московском университете. Во время обучения в гимназии дважды исключался из нее за участие в кружках народо-

вольческого направления. В студенческие годы также примыкал к народническим группам, подвергался обыскам и арестам.

После окончания университета служил в судебном ведомстве, в том числе 5 лет в Ветлужском уезде в должности судебного следователя. Во время поездок по делам проводил социалистическую агитацию. В 1904–1905 годах развивал деятельность по программе крестьянского союза. В октябре 1905 года принимал участие в революционном движении в Ярославле и в Москве. Был выборщиком в первую Государственную думу от г. Ветлуги. В том же году вступил в сословие присяжных поверенных. В июле 1906 году принял участие в революционных событиях в Ветлуге, за что в августе был схвачен и заключен в тюрьму. После освобождения занимался адвокатской практикой в Костроме. С июля 1907 года руководил местной эсеровской организацией и заведовал ее конспиративной частью (явки, шифры, пароли). Выступал защитником по множеству политических и аграрных процессов, поддерживал отношения с заключенными, оказывал им всевозможное содействие. В 1908 году был осужден за участие в революционных событиях в Ветлуге, но в срок заключения было зачтено предварительное заключение. В августе 1909 года был выслан в Архангельскую губернию (г. Онега) на три года с административным запрещением заниматься практикой. По случаю празднования 300-летия царствования династии Романовых не был допущен в Кострому и еще год жил в Архангельске. Приехал в Кострому в августе 1913 года, до революции занимался адвокатурой, проживал на улице Русина в доме № 36¹.

3 марта 1917 г. губернский объединенный комитет общественной безопасности на вечернем заседании избрал Н. А. Козлова заведующим городской полицией и отправил ему уведомление с просьбой вступить в эту должность². Уже 20 марта он попросил губернский комитет освободить его от исполнения этих обязанностей и «указать лицо», которому можно было бы передать остаток денежных средств и расходные документы³. Однако в конце марта Н. А. Козлов все же входил в состав следственной комиссии по выяснению степени виновности заключенных под стражу чинов полиции и жандармерии, а также был командирован на проходивший 28 марта московский съезд комиссаров полиции⁴.

Еще в начале марта 1917 года для руководства местным управлением и контроля над деятельностью правительственных и общественных учреждений была введена должность губернского комиссара Временного правительства; 1 мая в нее официально вступил Н. А. Козлов, сменив на этом посту штабс-капитана В. Н. Лебедева⁵. Однако в конце апреля – начале мая 1917 года они оба подписывали документы от имени губернского комиссара⁶.

Губернскому комиссару приходилось заниматься самыми разнообразными делами. Наряду с проблемами, обусловленными военно-революционным временем (конфискация оружия у населения, упорядочение поиска дезертиров, введение в губернии военного положения в связи с корниловским мятежом), он издавал постановления и подтверждал решения о запрете повышать квартирную плату, ограничивал продажу спиртосодержащих товаров⁷.

13 октября на должность губернского комиссара исполкомами Советов рабочих и солдатских, а так же крестьянских депутатов был выдвинут А. А. Касаткин⁸, который и сменил Н. А. Козлова.

В 1917 года Н. А. Козлов являлся также кандидатом от партии социалистов-революционеров в гласные городской думы, членом Костромского губернского и Всероссийского Советов крестьянских депутатов (СКД), представителем губернского объединенного комитета общественной безопасности на Демократическом совещании в Петрограде⁹. 12–14 ноября он был избран депутатом Учредительного собрания по Костромской губернии от партии эсеров. Принимал участие в единственном заседании Собрания, о чем совместно с другим депутатом С. М. Лотошниковым рассказал в одном из номеров костромской эсеровской газеты «Воля народа»¹⁰.

Н. А. Козлов обладал ярким литературным даром и неоднократно публиковался в газете костромского исполкома Совета крестьянских депутатов и партии социалистов-революционеров «Воля народа», высказывая свое мнение по различным вопросам. Он писал о необходимости организации губернских Советов крестьянских депутатов и Всероссийского Совета, образовывать которые необходимо «немедля, не жалея сил и расходов, не считая убытков» для того, чтобы «водворить порядок и дисциплину, решить продовольственный и земельный вопросы». Он критиковал большевиков за антивоенную пропаганду, в результате которой солдаты уходили на войну «не с готовностью на жертвы, а с опустошенной и ожесточенной душой»¹¹. О дальнейшей судьбе Н. А. Козлова ничего не известно.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КАСАТКИН (1873–1965)

Александр Александрович Касаткин родился в 1873 году в семье костромского мещанина. Закончил Костромское реальное училище. В 1889 году вступил в костромскую организацию Сабунеева – отделение «Народной воли». В 1891–1892 годах служил в армии. Был уволен в запас по состоянию здоровья¹.

С ранних лет он симпатизировал идеям народолюбцев, ему был близок их призыв просвещать народ и бороться за его благосостояние. Активно работал в Кинешме, где познакомился со многими социал-демократами, в том числе Е. Дюбюком, Н. Воробьевым. За пропаганду социал-демократических идей в 1895 году был арестован и выслан из Кинешмы в Сибирь, в административную ссылку. Вернуться в Кострому ему удалось

только в 1905 году. Здесь он жил и работал на разных работах до 1912 года. С 1912 по 1916 годы А. А. Касаткин служил в Костромском губернском земстве агентом по страхованию. С этой должности и был мобилизован в армию, но, как ратник «старше 40 лет», был оставлен в Костромской 670-й дружине государственного ополчения. В 1917 году закончил Московскую школу прапорщиков. На этом посту его застигла Февральская революция. С первых дней революции он в гуще политических событий. Вел пропагандистскую работу в 670-й пешей дружине и в 88-м пехотном полку. Эта деятельность значительно ускорила переход гарнизона на сторону Временного правительства. В марте 1917 года военная комиссия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности (КГОКОБ) назначила его на пост начальника городской милиции². Старая полиция была распушена; в условиях роста преступности, продовольственного кризиса и волны дезертирства сформировать новую структуру было крайне сложно.

А. А. Касаткин развернул широкую политическую деятельность, завоевал большую популярность в солдатских и рабочих массах. Совет рабочих депутатов рекомендовал его на пост заместителя губернского комиссара Временного правительства. Вскоре Совет рабочих и Совет военных депутатов выдвинули Касаткина в качестве депутата от гарнизона в Костромскую городскую думу. Вопреки требованиям кадетов и некоторых общественных объединений – не совмещать столь важные должности, как товарищ губернского комиссара и гласный городской думы одному человеку, А. А. Касаткин был выбран большинством голосов³. После Октябрьского переворота ему было предложено занять пост губернского комиссара. Несмотря на самоотвод, Совет настоял на своем предложении. Касаткин занимал эту должность до ноября 1917 года, когда его на этом посту сменил большевик С. П. Нацаренус. Покинувший пост А. А. Касаткин встал в ряды умеренных оппозиционеров к советской власти. Он оказался перед трудным выбором: вопреки личным убеждениям, подчиниться партийной дисциплине, войти в стачком и вступить, таким образом, в жесткую конфронтацию с большевиками или покинуть свою фракцию и присоединиться к большевикам. После долгих раздумий А. А. Касаткин решил найти компромисс – войти в стачком и стремиться урегулировать противостояние фракций мирным путем. Эту роль ему пришлось выполнять два года, пока его путь и пути меньшевиков окончательно не разошлись.

В 1919 году А. А. Касаткин вступил в партию большевиков. Богатый опыт административной работы, принципиальность и обширные знания были востребованы на губернском уровне.

1920 год А. А. Касаткин встретил в должности секретаря городского комитета партии. Позже по настоянию партийного руководства ему пришлось совместить эту деятельность с работой в губернском комитете. В дальнейшем Касаткину поручили кураторство над кооперативными учреждениями, где, по мнению

комитета партии, в то время, окрепли эсеровские настроения. Наряду с другими, стоял он и у истоков создания первых в губернии колхозов и коммун.

Одновременно А. А. Касаткин вел активную общественную и просветительскую работу. Сотни сел и деревень, хуторов и коммун объехал он в то время. На встречах с крестьянами и рабочими разрешал земельные и трудовые споры, принимал участие в распределении бывших усадебных и церковных земель, имущества. Не раз ему приходилось собирать стихийные митинги и в экстренном порядке предотвращать столкновения коммунаров и крестьян, убеждая их разбирать все спорные вопросы мирным путем, не прибегая к взаимным оскорблениям и стычкам. Убеждать людей и находить компромиссы в самых сложных ситуациях А. А. Касаткину помогали и его актерские способности. В 20-е годы в Костроме А. А. Касаткина знали еще и как яркого артиста – постоянного участника театрализованных постановок революционной тематики.

Все эти навыки ему очень пригодились в 1928 году, когда, командированный в Москву, он в составе двадцатипяти тысячников отправился на Украину организовывать хлебозаготовки. На этой сложной и ответственной работе, не молодой уже, А. А. Касаткин проявил свои лучшие качества – организатора, хозяйственника, знатока крестьянской психологии, тонкого политика, оратора. Вскоре его успехи заметило местное руководство партии и рекомендовало его для работы в Москве.

Столица в то время представляла собой огромную строительную площадку. Полным ходом шла реконструкция города, строился метрополитен, росли заводские гиганты и стадионы. Ей постоянно требовались все новые рабочие руки, опытные руководители, лидеры, способные повести за собой строителей социализма. Приехавший с Украины А. А. Касаткин был направлен на работу в Наркомзем РСФСР. Первые годы после коллективизации были наиболее трудными для сельского хозяйства страны. Огромные территории пахотных земель опустели или были заброшены. А растущей стране между тем необходимо было все больше продовольствия, технических культур. В тяжелейших условиях работникам сельского хозяйства всех уровней от Наркомзема до коммуны приходилось трудиться на пределе человеческих сил, круглосуточно и круглогодично.

Изнурительная и в высшей степени ответственная работа подорвала здоровье А. А. Касаткина. Он долго болел, а когда поправился, руководство решило направить его для дальнейшей работы на должность председателя Пчеловодколхозцентра Наркомзема РСФСР.

В 1935 году по состоянию здоровья и в связи с достижением пенсионного возраста Касаткин был отправлен на заслуженный отдых¹. Будучи на пенсии, он продолжал участвовать в общественной работе Наркомзема, делился богатейшим опытом с молодыми руководителями. Время от времени, если позволяло здоровье, посещал родную Кострому.

Умер А. А. Касаткин в 1965 году в возрасте 92 лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОСТРОМСКОГО ГУБИСПОЛКОМА

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ НАЦАРЕНУС

(1883–1942?)

Сергей Петрович Нацаренус родился в Саратове в семье немецкого колониста. Член РСДРП с 1904 года, большевик. В 1917 году входил в руководство московского областного бюро РСДРП (б). В ноябре 1917 года был командирован в Кострому для установления твердой власти большевиков и отстранения примиренцев. Занимал должность председателя губисполкома (ноябрь–декабрь 1917). О его деятельности в губернии сведений очень мало. Видимо, свою задачу выполнил, так как с января 1918 года Нацаренус уже в Москве на советской работе. С мая 1918 года он чрезвычайный комиссар Мурманско-Беломорского края, один из руководителей борьбы с англо-французскими интервентами. В ноябре – декабре 1918 года – член Реввоенсовета 7-й армии. В декабре 1918 – январе 1919 года – член Реввоенсовета Балтфлота, в марте – июне 1919 года – военный комиссар Московского военного округа, в июне – ноябре – член Реввоенсовета 14-й армии. В ноябре 1919 года – главный комиссар, в ноябре 1919 – марте 1920 года – главный начальник военно-учебных заведений. В апреле – июле 1920 года – начальник Владикавказской железной дороги, в июле – сентябре – член РВС 15-й армии. В ноябре 1920 – апреле 1921 года – командующий войсками Беломорского военного округа. В 1921–1922 годах полномочный представитель РСФСР в Турции. Затем на государственной и партийной работе. Репрессирован. Точная дата смерти неизвестна: по одним данным 1938-й, по другим – 1942 год (см. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 387).

ИВАН АНДРЕЕВИЧ ЛЬВОВ

(?–?)

О судьбе И. А. Львова мы знаем мало, но о его активной деятельности на территории Костромской губернии известно достаточно. В 1916 году И. А. Львов служил рядовым в 181-м пехотном полку, находившемся в Петрограде. В «середине октября 1916 года рабочие столицы по призыву Петроградского комитета большевистской партии начали мощную политическую стачку. 17 октября 1916 года бастующие завода «Новый Леснер» и других предприятий вышли на улицы. У казарм 181-го полка стихийно возник митинг, на котором выступил оратор-большевик¹. Полицией была предпринята попытка разогнать толпу, в ответ на что солдаты вступили в схватку с полицейскими. Учебная команда полка, вызванная из казарм, ответила отказом на приказ стрелять в рабочих. В результате полк расформировали. Несколько маршевых рот были отправлены на фронт, а другие части, в их числе был и И. А. Львов, выслали в Галич Костромской губернии.

На новом месте солдатские части расквартировали в построенных бараках, которые располагались на горе около железной дороги в километре от центра города. Солдаты испытывали тяготы службы и выражали серьезное недовольство стоянием под ружьем и ненужными, по их мнению, в весьма удаленном от фронта городе нарядами. Связь со столицей поддерживалась, и поэтому солдаты полка первыми узнавали о происходящем в Петрограде.

Известие о Февральской революции всколыхнуло и изменило солдатскую жизнь. 5 марта 1917 года несколько активистов, в число которых вошел Львов, начали вести агитацию против империалистической войны. Их деятельность имела успех не только среди солдат 181-го полка, но и среди ратников II разряда из крестьян. Уже 12 марта был выбран полковой комитет, председателем которого стал И. А. Львов. На заседании комитета горячо обсуждались вопросы прекращения войны, взаимоотношения с офицерами, жизнь полка. Дело завершилось сменой полкового командира и заменой его штабс-капитаном Ожерелковым.

Авторитет И. А. Львова рос. В конце марта в Галиче состоялся уездный съезд Советов, избравший исполнительный комитет, в качестве председателя – Львова. Первоочередной деятельностью уисполкома была организация митингов, на которых ставился вопрос о войне и неизменно выносилась резолюция о ее окончании.

В начале апреля в городе был создан Совет солдатских депутатов, а 12 апреля – уездный Совет крестьянских депутатов. Позднее оба объединились в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под председательством И. А. Львова.

Он участник I Всероссийского съезда Советов. И. А. Львов вспоминал: был он и «на Каменоостровском проспекте в костромском землячестве, где познакомился с большевиком Хитровым, с которым вел долгую беседу о том, чтобы землячество послало агитатора в Галич для помощи в работе уездного Совета»².

Политические взгляды И. А. Львова постепенно менялись. В Галиче он первоначально был сторонником Керенского и в выступлениях критиковал большевиков, но уже к осени только числился эсером, а на практике проводил линию большевиков. Так, в полку на митинге была принята резолюция «ни одной маршевой роты на фронт империалистической войны», а Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вынес решение о роспуске городского самоуправления – городской думы. В сентябре дума была распущена. Власть фактически перешла в руки уездного Совета. Совместным заседанием полкового комитета 181-го пехотного полка и уисполкома решено не пропускать проходившие по железной дороге станции Галич эшелоны солдат, отправляющихся на фронт. Благодаря этому были распропагандированы три роты 12-го сибирского полка, влившиеся в 181-й пехотный полк³.

С правом решающего голоса в октябре 1917 года И. А. Львов избран делегатом на II Всероссийский съезд Советов. В Петрограде Львов узнал о больших беспорядках в Галиче и пожаре в здании Совета. Прервав участие в заседаниях съезда, он срочно выехал на место для восстановления порядка.

В Галиче началось брожение среди солдат 181-го полка, был разграблен винный погреб, произошла остановка электростанции. На заседании полкового комитета образовали ВРК, председателем которого избрали И. А. Львова. 29 октября на собрании рабочих, солдат и интеллигенции он сделал доклад о II съезде Советов. Из состава полка для охраны порядка в городе сформировали «роту революции». Состоявшийся 8–9 ноября уездный съезд Советов избрал уисполком во главе с И. А. Львовым. Кроме административной деятельности в должности председателя Галичского совета, он был редактором местной газеты «Знамя труда».

В начале марта 1918 года Львов участвовал в работе IV губернского съезда Советов. Был избран в президиум съезда от партии левых эсеров и в состав губисполкома. По воспоминаниям Н. П. Растопчина, Львов стал председателем губисполкома, что не соответствует действительности. Возможно, в памяти Растопчина отложился тот факт, что Львов председательствовал на одном из утренних заседаний губернского съезда⁴. Съезд работал под руководством председателя губисполкома П. А. Бляхина (Сафронова), выступившего с основным докладом. По имеющимся документам и в начале апреля Бляхин сохранял за собой этот пост. В конце апреля, как сообщали костромские газеты, в губисполкоме разразился «председательский кризис». За короткий срок на этом посту сменилось несколько человек, среди исполняющих обязанности председателя был и Львов.

В марте 1918 года Львов являлся комиссаром административного отдела и занимался ликвидацией дел бывших губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел и организацией собственно административного отдела.

6–7 июня 1918 года все дела передавались соответствующим специальным отделам, образованным при губернском Совете. Стараниями Львова была организована комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (Губчека), которую он и возглавил. По мнению Львова, без чрезвычайной комиссии

советская власть существовать бы не могла. Деятельность ЧК носила конспиративный характер, и ее отделения обязательно должны были существовать в каждом уезде и волости. Одна из составляющих работы Губчека заключалась в арестах и разоружении бывших офицеров; так, ночью 11 июня по адресам было изъято большое количество оружия и арестовано много офицеров⁵. На IV губернском съезде Советов 18 июня 1918 года 44 голосами Львов избран в состав губисполкома от фракции левых эсеров, а на следующий день вошел в состав президиума в качестве заведующего административным делом и секретаря от фракции. Практически одновременно он был избран и делегатом на Всероссийский съезд Советов⁶.

Как представитель Губчека И. А. Львов принимал участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле, там были задействованы силы 1-го Костромского советского полка, рабочей дружины «ПЛЮ», фабрик Кашина и Зотова.

О подавлении мятежа в Ярославле И. А. Львов вспоминал: «Не доезжая до станции Всполье костромичей в поезде обстреляли белогвардейцы. Мы на ходу разгрузились и залегли по другую сторону железной дороги, пулеметы белых контрреволюционеров были на всех возвышенностях, на мажорочной фабрике Вахрамеева и на близлежащих церквях, без артподготовки нельзя было идти в атаку». В ответ на ярославские события в Костроме было введено военное положение и создан ВРК⁷.

15 июля на заседании губисполкома по вопросу об антисоветском мятеже левых эсеров Львов от собственного имени и от имени 8 присутствовавших членов фракции левых эсеров огласил резолюцию: «Члены губернского исполнительного комитета фракции левых эсеров... обсудив действия партии ЦК левых с.-р. о вооруженном выступлении в г. Москве, убийство графа Мирбаха, на совместно управляющую Советской республикой партию коммунистов пришли к следующему: с выступлением партии ЦК левых с.-р. на Всероссийском съезде Советов в корне не согласны. В связи же с этим переживаемое трудное время как в политическом, так и в экономическом отношении Советской республики положили за основу на будущее время, что всякие выступления нетерпимы и будут подавляться самым решительным образом. Поэтому... фракция... заявляет всем товарищам левым с.-р. на местах... что они обязаны работать в Советах в полном контакте с товарищами коммунистами и защищать власть Советов от всех врагов рабочего и крестьянского правительства...»⁸ Вопрос о взаимоотношениях партий, казалось, был исчерпан. Но менее чем через месяц к нему вернулись: 6 августа 1918 года губисполком слушал резолюцию фракции коммунистов по поводу декларации левых эсеров по текущему моменту. Резолюция гласила: «Исключить из состава губисполкома и отстранить от всякой работы всех левых с.-р., подписавших декларацию об отношении к московскому мятежу Центрального Комитета, принятую на губернской конференции партии»⁹. Большинство голосов (11) при 4 голосах против и 3 воздержавшихся резолюция была принята, постановление направлялось для исполнения в уездные и волостные Советы. На чрезвычайном съезде Советов в августе 1918 года в дополнении к докладу о текущем моменте И. А. Львов отмечал, что «был оче-

видцем и участником начавшейся борьбы» и поэтому, на его взгляд, имел полное право заявлять, что «борьба нужна беспощадная. В этой борьбе нет необходимости соблюдения даже партийной дисциплины по отношению к... врагам. От слов необходимо перейти к делу и действовать не только словом, но также штыком, винтовкой, пулеметом, динамитом т. д.»

Переживаемые события он оценивал как «последнюю стадию русской революции», когда не должно быть колебаний, а те, у кого последние будут присутствовать, должны покинуть ряды советских работников¹⁰. Львов призывал «вырвать» у капиталистов и буржуазии главное орудие борьбы – капитал, «оставляя за ними право на 1/4 фунта хлеба и неограниченное количество воды»¹¹.

В августе того же года И. А. Львов сдал должность председателя Губчека приехавшему из Петрограда большевику Миничеву. Причиной такой жесткой меры в отношении человека, фактически стоявшего у истоков ЧК в губернии, было разосланное распоряжение губернским партийным комитетам Иногородним отделом Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности при СНК 6 августа 1918 года. Предлагалось «не замедлить выслать справку о председателе Губчека, которая бы явилась аттестатом, выданным... комитетом». Иногородний отдел ставил цель «выяснить политическую платформу лиц, стоящих во главе губернских ЧК»¹². Вскоре И. А. Львов был назначен начальником продотрядов губернии по железнодорожным станциям Николо-Паломы, Шарья, Мантурово, Галич – Буй. Задача отряда состояла в изъятии хлеба и муки у ехавших из Сибири спекулянтов. Изъятие отправлялось в Кострому. В сентябре 1918 года на VI губернский съезд Советов кандидатура Львова выдвигалась на выборах в состав губисполкома от фракции народников-коммунистов. Но большинство делегатов съезда проголосовало против. Львов в губисполком не вошел. В должности начальника продовольственного отряда он был командирован в Варнавинский и Кологривский уезды.

И. А. Львов принимал участие и в работе XII губернского съезда Советов в декабре 1921 года. К этому времени он окончательно перешел к большевикам, свидетельством чему служит его замечание о том, что ошибок не допускает тот, кто ничего не делает, а именно купцы, меньшевики и эсеры¹³. На съезде он был утвержден в числе уполномоченных по уездам от губпродкома для проведения продовольственного двухнедельника.

В начале 1922 года Львов периодически участвовал в расширенных заседаниях бюро губкома как глава губземотдела, выступал с докладами. В апреле постановлением бюро он был снят с исполняемой должности и назначен начальником губернской милиции. Но постановление имело непродолжительный срок действия и менее чем через 10 дней отменено.

Дальнейшая судьба И. А. Львова неизвестна. Как видим, его путь от солдата до председателя губисполкома был долгим, насыщенным массой событий, встреч, действий, возможно, разочарования, а время нахождения в должности – коротким, что объяснимо, ибо власть еще не имела практического опыта подбора кадров на руководящие должности.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РАСТОПЧИН

(22.11.1884—01.10.1969)

Николай Растопчин родился в городе Боровичи Новгородской губернии. Отец, потомственный дворянин, был учителем приходской школы. Окончив Тихвинское приходское училище, Н. Растопчин поступил в Новгородское реальное училище. Оказавшись в зачинщиках школьного «бунта» против инспектора, вынужден был прервать там учебу. С 1900 года продолжил обучение в Нижнем Новгороде, в механико-техническом училище. С 1903 года он член РСДРП, большевик. В годы первой революции вел партийную работу в С.-Петербурге, Саратове, Владимире. Некоторое время легально жил в Ярославле.

В 1910 году Н. П. Растопчин закрепился в Костроме в губернском земстве в качестве статистика пенсионной кассы. Он создал городской комитет РСДРП, в который, кроме большевиков, вошли и меньшевики (А. Н. Дьяконов и Д. А. Огородников). Председателем объединенного комитета был Растопчин. Партийный комитет распространял «Правду», провел акции протеста против Ленского расстрела рабочих, многолюдную первомайскую демонстрацию 1912 года, усилил свое влияние в нелегальных организациях. В 1913 году после разгрома комитета Растопчин был арестован и выслан в Олонецкую губернию. Потом эмигрировал в Германию, но война вынудила вернуться в Россию. Растопчину пришлось отбыть неоконченный срок ссылки. В Кострому вернулся в 1916 году. В первые дни Февральской революции Н. П. Растопчин — член временного революционного комитета, руководил оргбюро по восстановлению социал-демократической организации. С 25 марта 1917 года он председатель общегородского объединенного комитета РСДРП, один из организаторов Совета рабочих депутатов, член его исполкома, гласный городской думы, редактор губернского партийного органа — газеты «Северный рабочий». С 20 июля — председатель комитета РСДРП(б), разорвавший связи со своими старыми друзьями-меньшевиками Воробьевым и Дьяконовым. Как делегат VI съезда РСДРП(б) участвовал в его работе (в прениях). Об итогах съезда доложил 11 августа в Костроме на общегородском собрании большевиков. Н. П. Растопчин был популярным оратором, организатором многих митингов и демонстраций. 27 октября 1917 года на совместном заседании Советов, профсоюзов, полковых и ротных комитетов он сделал доклад о событиях в Петрограде. «Революционная Кострома, — отмечалось в принятой по докладу резолюции, — пойдет вместе с революционным Петроградом в его борьбе за мир, за землю, за волю»¹. Растопчина избрали членом Военно-революционного комитета и назначили комиссаром финансов и управляющим банком. В ноябре 1917 года его избрали депутатом Учредительного собрания. В 1917–1918 годах он член исполкома Костромского губсовета. В начале 1918 года руководящих губернских партийных органов большевиков не было, поэтому забота по управлению губернией легла на председателя городского комитета большевиков

Н. П. Растопчина (24.05.1918–19.06.1918). 13 сентября 1918 года на I губернском съезде РКП(б) его избрали в состав губкома и бюро.

С октября 1918 года Растопчин – комиссар костромских пехотных курсов. Губком сообщал о нем в ЦК РКП(б) как «об одном из старейших и наиболее авторитетных членов нашей организации, принимавшем очень большое участие в жизни организации и оказывавшем большое влияние на ход дел в ней»². В 1919 году Растопчин как делегат от Костромской организации участвует в работе VIII съезда РКП(б), сражается во главе костромских курсантов против Юденича под Петроградом. Побывавший тогда в Костроме А. В. Луначарский отзывался о Растопчине как об одном из самых крупных работников губернии. После возвращения с фронта в 1919 году Растопчин был направлен в Ярославль на должность председателя губкома РКП(б). Об опыте проведения в Ярославской губернии беспартийных крестьянских конференций Растопчин рассказал в статье, опубликованной 20 ноября 1919 года в «Правде». Эту статью Растопчина, как и сами конференции, высоко оценил Ленин³. С 1920 года Растопчин на партийной работе в Москве. В 1924–1934 годы он член Центральной контрольной комиссии ВКП(б), с 1934 года – на советской работе. В годы Великой Отечественной войны – на политработе в Красной и Советской армии. Делегат многих партийных съездов. Н. П. Растопчин – автор ряда сочинений⁴.

ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ХИТРОВ

(13.11.1881–?)

Родился 13 (26) ноября 1881 года в деревне Куекшино Галичского уезда Костромской губернии в семье рабочего-маляра и крестьянки. По воспоминаниям П. А. Смирнова, с детских лет близко знавшего Хитрова, его отец был отходником и часто уходил на заработки в Петербург. Владея грамотой, Хитров-старший по собственному почину обучал соседских ребятишек, в число которых входил и П. А. Смирнов. «Будучи еще 10-летним ребенком Гришка всегда ходил с отцом на волостной сход в село Нагатино. Однажды стоял вопрос о постройке школы, старшина объяснил, что на школу нет денег. Тогда Гришка яро выступил за закрытие кабака и открытие школы. За это юного агитатора старшина вывел за ухо с собрания»¹. Отцу тогда было сделано внушение: сына на подобного рода заседания не приводить. Но «пламенная речь» борца за школу действие возымела. Заводчик винокуренного завода Завьялов предоставил под школу неприспособленное помещение.

В возрасте 12 лет Григорий был отдан в Петербург для обучения малярно-живописному делу. В своей автобиографии Г. В. Хитров писал: «Вследствие бедности двенадцатилетним был отдан в учение на два с половиной

года к богатому строителю. По окончании учения, вышедший подмастерьем, начал работать поденно у частных подрядчиков в Петрограде, а также на некоторых заводах от них же до 1915 года. Причины работы в разных местах: сезонные работы и лучшие условия и оплата труда. Отношение к окружающим и связь с рабочими, а также с крестьянами, была самая наилучшая»².

В 1903 году он познакомился с интеллигентным уборщиком-художником, от которого стал получать запрещенную литературу. Круг общения рабочего ширился, он встречался с депутатом II Государственной думы Г. А. Алексинским, имел встречи и с В. И. Лениным. В апреле 1906 года вступил в ряды РСДРП. В том же 1906 году Хитров стал одним из учредителей профсоюза строителей, устав которого был зарегистрирован градоначальником Драчевским. Среди первых членов профсоюза строителей были А. Л. Богданов (деревня Астафьевское Галичского уезда) и М. Н. Некрасов (деревня Горки Чухломского уезда), ставшие впоследствии председателями Ленинградского обкома профсоюза строителей. Г. В. Хитров являлся также членом правления совета школ для взрослых рабочих.

В эти годы Хитров многократно подвергался арестам: в типографии, на мавке на Охте и в других местах; причина арестов – незаконная деятельность, хранение и распространение нелегальной литературы, брошюр и прокламаций РСДРП. Г. В. Хитров принимал участие в организации обществ самообразования и школ для взрослых рабочих Петербургской стороны, занимался пополнением и собственных знаний, много читал, но, как сам отмечал позднее, «разное и без системы».

В годы Первой мировой войны призван в армию, где за агитацию среди солдат попал под надзор командного состава, а в конце 1915 года был уволен из команды писарей Валдайского полка. В связи с ухудшением состояния здоровья и не без помощи военного врача эвакуирован в тыл для лечения.

В дни Февральской революции Г. В. Хитров находился в Петрограде. В марте 1917 года поступил на службу в автомобильно-бронетанковый дивизион в мастерскую на Малой Дворянской, от которого и был выбран в военную организацию при ЦК. Принимал участие в работе костромского землячества в качестве товарища председателя, члена бюро и казначея. Периодически приезжал в Галич и «знакомил массы с принципами своей программы»³.

На III съезде Советов Г. В. Хитрова избрали в крестьянскую секцию от Костромской губернии, а затем в главный земельный Совет при Наркомземе, где и работал до конца июня 1918 года. В марте того же года Наркомзем командировал его в Крым для «организации национальных имений». Здесь он оставался вплоть до ликвидации советской власти и прихода немцев.

Отсутствие Хитрова в губернии не помешало избранию его в марте 1918 года делегатом от Галичского уезда на Всероссийский съезд⁴. Уже из центра он был командирован ЦК РКП(б) на губернский съезд в Кострому и в июне 1918 года занял пост председателя губисполкома. В этом качестве Хитров и губернский военный комиссар Филатов объявили район Костромы

на военном положении. Предпринимались все меры для подавления левоэсеровского мятежа в Ярославле и недопущения такого в Костроме. В связи с событиями в Варшавинском и Ветлужском уездах 14 августа 1918 года губисполком постановил: «Временно снять военное положение, военно-революционный комитет упразднить, дела свой комитет должен передать по принадлежности, отчетность... в исполнительный комитет»⁵. Но через несколько дней все изменилось с точностью до наоборот. 20 августа за подписью Хитрова вышло постановление губисполкома о создании губернского Военно-революционного комитета и передаче ему всей полноты власти. Первоочередными должны были стать меры по защите революции от врагов народа. В тот же день ВРК объявил губернию на военном положении в связи с угрозой белогвардейской опасности. 21 августа на основании приказа по Ярославскому военному округу № 317 Костромская губерния вновь объявлена на военном положении. На время его действия вся власть сосредотачивалась в руках Революционного совета под председательством губернского военного комиссара Н. А. Филатова и двух членов: председателя губисполкома и председателя Чрезвычайной комиссии⁶.

В августе 1918 года Хитров был переизбран председателем Костромского губернского исполнительного комитета. В своей вступительной речи к первому губернскому чрезвычайному съезду он дал общую оценку целей и задач, стоявших перед делегатами съезда. Характеризуя «текущий момент», Г. В. Хитров отметил, что ситуация, переживаемая Россией, такая, «каких не знала еще мировая история. Враги России окружили нашу страну тесным кольцом со всех сторон с целью задушить в корне власть Советов на торжество капитализма над пролетарским движением». В дополнение к речи о «текущем моменте» Хитров, отмечал: «Нам нужно растереть в порошок все, мешающее идти вперед. Правда, мы устали. Но теперь не время для отдыха... Работы теперь у нас очень много. Призываю всех к творческой работе. Сейчас необходимо выработать проект самого строгого режима. Если мы не уничтожим наших врагов, то они еще десятки лет будут тормозить наше дело. Смерть им всем»⁷.

Главный идейный мотив речи председателя губисполкома – месть врагам революции. Потребность дня – «генеральная чистка», осуществляемая твердой рукой. Купцам, помещикам и кулакам место в Волге или на осине, контрреволюцию следует лишить ее главного оружия – денег и капитала.

К собравшимся на съезде представителям губернии Хитров обращался как к «новой интеллигенции», которая будет проводить в жизнь социалистические идеи: «Ваша обязанность разделить бедноту от капиталистов и создать комитеты бедноты на местах; для этого нужна самая строгая бдительность, чтобы враги не застали нас врасплох». Стоящая на повестке дня задача – объединение в «железные батальоны», «налаживание общей гармонии»⁸. Съезд принял решение встать против чехословацко-белогвардейских банд, организовать отряды из рабочих и беднейших крестьян для отправки на фронт.

Ситуация в стране и губернии лета 1918 года была очень сложной. Члены губисполкома трудились интенсивно. Вот как об этом говорил сам Хитров: «Вновь избранному исполкому пришлось проводить самую трудную

работу, взяв в переделку почти всю раньше производившуюся работу и исполнять все старые бумаги, накопленные слишком, чем за три месяца». Но Г. В. Хитров высказывал искреннюю убежденность в том, что исполком «составлен удачно и можно ожидать, что работа его в дальнейшем пойдет по намеченному пути еще более усиленным темпом, без всяких шатаний и колебаний». При наличии энергии многое можно сделать. Хитров принимал непосредственное участие в работе военного отдела, что объяснял военным положением в губернии и осадным – в городе. Он твердо верил, что губерния найдет выход из «проклятого тупика», в котором находилась в те годы⁹.

На VI губернском съезде Советов 16–21 сентября 1918 года Г. В. Хитров входил в состав президиума. В докладе о деятельности губисполкома он отмечал, что работа тормозится восстаниями и волнениями в Ярославле, Ветлуге, Варнавинне и др., кроме того, усугублял ситуацию острый продовольственный кризис. По к предложению о перевыборах в составе губисполкома рекомендовал относиться осмотрительно, «не пренебрегая, уже свыкшимися и приобретшими некоторую опытность в деле старыми работниками, дабы не создавать излишней ломки уже налаженного аппарата»¹⁰.

По продовольственному вопросу Хитров выразил недовольство и выступил с критикой позиции представителей деревни: «Теперь пришла пора, когда не делается никому исключения, все, что имеем – все нужно отдавать в “общий котел”, а оттуда получать поровну, по справедливости»¹¹. На VI съезде он вновь избран в состав губисполкома, но уже не в качестве председателя.

В конце 1918 года возник конфликт между губкомом и губернским комиссариатом по военным делам, суть которого состояла в критике военными коммунистами действий советской власти. Телеграмма соответствующего содержания была направлена в ЦК. Большинство восприняло критику негативно, к военным прикрепился ярлык «гнусных авантюристов», которых следовало исключить из партии. Начались аресты. Наибольший резонанс вызвало взятие под стражу Степанова. 16 ноября 1918 года вопрос обсуждался на пленарном заседании губкома. Выступая, Хитров признавал, что подписавший телеграмму военный коммунист Филатов «совершил ошибку», а «защита товарища Степанова некоторыми лицами есть преступление»¹². Действия военных властей были расценены как грубое нарушение принципов партийной дисциплины. Степанову после возможной реабилитации решено поручать только организационную работу.

Этому конфликту еще суждено было сыграть свою отрицательную роль в судьбе Г. В. Хитрова. Постановлением бюро губкома от 8 декабря 1918 года за «несоответствующее поведение со стороны члена партии» он на шесть месяцев был исключен из партии, отстранен от должности председателя губисполкома и лишен права занимать ответственные посты в течение означенного срока. Губисполком со столь жестким решением не согласился и просил губком партии пересмотреть принятое постановление. Экстренное заседание ГИКА 9 декабря постановило: «1) Просить партийный комитет... произвести исследование относительно товарища Хитрова и предать дело в партийный суд.

2) Временно впредь до решения партийного суда отстранить Хитрова от обязанности Председателя и члена ГИК»¹³. На пленуме губкома большинством голосов при трех воздержавшихся постановление Бюро осталось в силе, но срок исключения Хитрова сокращен до трех месяцев и изъят пункт о передаче дела Ревтрибуналу. Однако Григорий Васильевич для рассмотрения дела посчитал необходимым обратиться в ЦК.

В начале февраля 1919 года Г. В. Хитров принимал участие в работе II Губернской конференции РКП(б), на которой спор вокруг его фигуры поднялся вновь. В выступлении в свою защиту Хитров сделал ссылку на авторитет высших партийных органов, не только реабилитировавших, но и давших ему новое ответственное поручение: «Я ездил лично в ЦК нашей партии и ЦК не нашел достаточно веских обвинений. Все обвинения, выдвигаемые против меня, гнусная провокация! Теперь мне, как едущему в Ярославскую губернию, необходимо присутствовать на конференции... Козлов и Виноградова далеки от правильного толкования дела!»¹⁴. Большинство голосов Г. В. Хитрову предоставлено право присутствия на конференции с совещательным голосом. Через два дня дело получило несколько иной оборот, обернувшись критическими замечаниями в адрес губернского комитета. Выступавший Турнов отметил, что в губкоме «идет подкоп под старых работников. Молодые коммунисты выживают хороших работников, старых работников как Хитров и Степанов». Таким образом, из обвиняемого Григорий Васильевич превратился в жертву интриг и личных счетов, что отразилось и в его выступлении: «В губкоме было две ориентации, одна чисто городская, другая – деревенская. Я принадлежал ко второй, так как она смотрела гораздо шире, чем первая... Дело со мной была подлая провокация... По моему делу не было следствия...»¹⁵.

Вскоре, по направлению ЦК РКП(б), Хитров переехал на партийную работу в Ярославль. Был членом губисполкома и коллегии губземотдела. 1 мая 1919 года по партийной мобилизации направлен Наркомземом в Донскую область по организации земорганов и переселенческих пунктов, но в скором времени и с этого «фронта» работы был отозван и переведен в отдел по работе в деревне. С 25 мая 1919 по ноябрь 1920 года Хитров входил в состав коллегии этого отдела при ЦК РКП(б). В следующей командировке Г. В. Хитров состоял сотрудником М. И. Калинина во время поездки по стране на поезде «Октябрьская революция».

Всероссийским съездом совхозов Хитров избран в ЦК Союза работников земли и леса (Всеработземлеса), где он работал в течение двух лет и занимал разные должности, входил в состав президиума и бюро, был членом коллегии Главсовкомхоза, а после преобразования – заведующим техническим отделом, готовившего с января по август 1922 года к передаче в Госсельсиндикат Наркомзема. Несмотря на напряженную работу в центральных органах управления и власти, Хитров не порвал окончательно связей с Костромским краем и в конце 1921 года вошел в число уполномоченных по уездам губпродкома для проведения продовольственного двухнедельника.

В сентябре 1922 года Г. В. Хитров мобилизован в тысячу и командирован в Петроград для работы в Губотдел союза работников земли и леса на правах члена правления. В 1923 году Петрокомитет посчитал необходимым «перевести» ценного сотрудника на Волховстрой, где Хитров оставался до июля 1924 года, когда был переведен на работу в Петроградский губотдел союза потребителей в качестве инструктора и заведующего культотделом. С 1924 по 1927 годы входил в состав президиума губернского съезда строителей.

В период с 1927 по 1929 годы Хитров занимал должность заместителя главного инженера Промстроя в Ленинграде. В 1929 году вступил на пост директора технической реконструкции и нерудных ископаемых Ленинградстроя. 22 декабря 1931 года Хитров переведен на должность заместителя управляющего Водоканала¹⁶. В опросном листе в графе предпочтительных сфер деятельности рукой Г. В. Хитрова отмечено, что одна конкретная ему принципиально не важна, поскольку работал во всех областях, но большой опыт имел в сфере советского продовольственного и партийного строительства, а самый значительный – на административно-хозяйственной работе.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДОЛМАТОВ **(08.09.1893–28.02.1920)**

Родился 8 сентября 1893 года в Петербурге¹ (по другим данным – в деревне Кожиино Галичского уезда Костромской губернии²) в семье Ивана и Людмилы Долматовых. Отец, Иван Долматов, был состоятельным подрядчиком, выходцем из крестьян Галичского уезда. Когда Диме исполнилось 8 лет, его отправили в школу, но он был еще очень маленьким, поэтому матери пришлось упрашивать учительницу принять его учиться. Время, особенно зимой, как вспоминал Д. И. Долматов, шло однообразно: уроки, побои, сомнения. Запомнилось ему лето 1901 года, когда впервые семья выехала на дачу, сняв квартиру в Стрельне. Окончив начальное училище, Дмитрий поступил в Петербургскую гимназию «Человеколюбивого общества». По арифметике и русскому языку он имел «пять», по закону Божьему – «четыре» (уже тогда он отрицал существование Бога), вообще в учении был средним. Обо всем этом Дмитрий Иванович пишет в своем дневнике³. Получив среднее образование, Дмитрий поступает на юридический факультет Петербургского университета. Но проучиться удалось только три курса, так как началась Первая мировая война. Светлым событием этого времени стала женитьба на дочери ямбургского мещанина Прасковье Михайловне Николаевой.

1 октября 1916 года Д. И. Долматов был мобилизован и как студент зачислен в подготовительный учебный батальон, находившийся в Нижнем

Новгороде, а 28 октября Долматов – юнкер 1-й Одесской школы прапорщиков. В феврале 1917 года Д. И. Долматов был произведен в прапорщики. В составе 13-й роты 180-го пехотного запасного полка, дислоцированного в рабочих кварталах Васильевского острова и перешедшего на сторону Февральской революции, принял участие в свержении царя.

В студенческие годы Долматов активно участвовал в революционном движении. Занимался в марксистском кружке. В дни Февраля примкнул к большевикам, а в марте 1917 года вступил в их ряды. Проводил в войсках пропагандистскую работу. За участие в июльской демонстрации был арестован и вместе с Н. В. Крыленко и другими активными членами партии большевиков больше 2-х месяцев провел в тюрьме. Под залог в три тысячи рублей, внесенный партией РСДРП(б), был освобожден. Дальнейшее преследование Долматова прекратила Октябрьская революция. Став активным работником большевистской военной организации в Петрограде, 25 октября возглавил один из отрядов, участвовавших в вооруженном восстании. 12 октября 1917 года ЦК РСДРП(б) в письме Одесскому комитету рекомендовал включить Долматова в список кандидатов в Учредительное собрание по Румынскому фронту от большевистской партии вместе с Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойским и другими руководителями военного бюро РСДРП(б).

Дальнейшая судьба новой власти зависела от ее упрочения в губерниях и уездах. Среди тех, кого партия направила в провинцию был и Д. И. Долматов. Он выехал в Галич Костромской губернии. Встреча с семьей, проживавшей к этому времени в Галичском уезде, не была радостной. Всегда непростые отношения с отцом закончились тем, что он проклял сына-большевика.

Д. И. Долматов являлся членом галичского уездного исполкома Советов, был заместителем председателя исполкома, председателем уездной чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, заведующим отделом управления при уездном исполкоме, членом коллегии «ПЛЕНБЕЖ». Как отмечал председатель галичского Совета Н. А. Леднев, Долматов за все время пребывания на перечисленных должностях показал себя в высшей степени энергичным и полезным работником. Особенно много им было сделано для организации отдела управления, во главе которого он был в течение сентября – ноября 1918 года⁴. Затем Д. И. Долматов – комиссар запасного батальона 3-й бригады 7-й стрелковой дивизии, расквартированного в Галиче. На этом посту он проводил политработу среди красноармейцев, укреплял революционную дисциплину, боролся с дезертирством.

Долматов сыграл большую роль и в оформлении галичской парторганизации, под руководством которой решались вопросы не только хозяйственного, но и военного строительства. В условиях нараставшей Гражданской войны Галич стал одним из центров подготовки красноармейцев. В связи с проведением в ноябре 1918 года мобилизации Дмитрию Ивановичу часто приходилось выезжать в волости, беседовать с крестьянами. В городе был организован сборный пункт для трех уездов: Галичского, Солигаличского

и Чухломского. Мобилизованных размещали в казармах 181-го полка. Был открыт клуб, в котором велась политработа среди новобранцев, устраивались концерты. Душой клуба был Д. И. Долматов, его любили и уважали за глубокий ум и прямоту взглядов, он оказал неоценимые услуги революции⁵. Один из работников Галичского уездного военкомата, заведующий агитационно-вербовочным отделом З. И. Говядин также подтверждал эту высокую оценку Долматова: Дмитрий Иванович не только мог великолепно читать стихи А. С. Пушкина, но и активно участвовал в дискуссиях по поводу программ меньшевиков, эсеров, большевиков. Вокруг всегда собиралась молодежь из запасного батальона, города, слушали беседу, задавали вопросы и тут же получали ответы. Для многих из этих слушателей встреча с Долматовым стала определяющей, и некоторые из них вступали в партию большевиков⁶.

Постепенно положение в Галичском уезде стабилизировалось, в чем, безусловно, была и заслуга Д. И. Долматова. Учитывая это, его в марте 1919 года выдвинули делегатом на VII губернский съезд Советов, на котором избрали членом Костромского губисполкома. Вскоре он стал его председателем. В архиве сохранилось удостоверение за № 1365: «Предъявитель сего Дмитрий Иванович Долматов, член Костромского губисполкома, председатель губернского исполнительного комитета». Дата регистрации в отделе управления губисполкома – 20 марта 1919 года⁷. Как председателю губисполкома, ему давалось право получения вне очереди билетов на пароходных пристанях, железнодорожных станциях, мест в делегатских и штабных вагонах. Местные власти обязаны были выделять в его распоряжение для разъездов двух лошадей, поселять на квартиру, оказывать любую другую помощь. Наличие таких документов и предоставление услуг руководящим советским и партийным работникам диктовалось чрезвычайными условиями Гражданской войны. Костромская губерния сотрясалась различными мятежами, погромами и выступлениями со стороны антисоветских элементов, дезертиров, крестьян в Шунге, Самети, Красном и т. д. Не случайно губчека выдала Долматову удостоверение за подписью Я. К. Кульпе, свидетельствующее о том, что ему поручено командование всеми отрядами губчека в связи с нападением на волысполкомы Костромского и Перехтского уездов. Сопроводил Дмитрий Иванович и не одну маршевую роту, в том числе в Вологду, Казань, Архангельск, уезжавшую на борьбу с белогвардейцами и интервентами.

Высокий, стройный, в военной гимнастерке, подтянутый, со строгим и выразительным лицом, обрамленным черной бородой и баками, умными внимательными карими глазами, высоким открытым лбом, зачесанными назад волосами. Как вспоминали современники, его густой бас, энергичная жесткая речь невольно заставляли не просто слушать, а вникать в логику содержательной речи. Вообще, Д. И. Долматова, выдающегося агитатора и пропагандиста, еще называли «художником коммунистического слова». Достоинства Долматова как руководителя высоко оценил А. В. Луначарский, побывавший в Костроме в качестве уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП(б) в мае 1919 года и назвавший его одним из выдающихся работников губернии⁸.

Поскольку губисполком в связи с мобилизациями был истощен до последних пределов, то А. В. Луначарский распорядился освободить от мобилизации (к этому времени уже бывшего) его председателя Долматова. «Но он, – как сообщал Луначарский В. И. Ленину и А. И. Рыкову, – наотрез отказался воспользоваться этим освобождением, полагая, и правильно, что на население произведет дурное впечатление этот факт»⁹.

Но Гражданская война продолжалась, и для защиты завоеваний революции нужны были не только убежденные люди, но и умелые организаторы – красные командиры. Летом 1919 года Долматов стал заместителем комиссара костромских командных пехотных курсов, а в сентябре губком РКП(б) выдвинул его уже на пост комиссара¹⁰. Здесь его организаторский талант, военные знания и опыт оказались более востребованными, чем на посту председателя губисполкома (март-май 1919)¹¹. Задача, поставленная Главным управлением военное-учебных заведений Наркомвоена, состояла в том, чтобы готовить для Красной армии командиров вполне сознательных, политически развитых. Из юбилейной памятки о годовщине существования инструкторских пехкурсов узнаем, что боевая готовность костромичей была проверена в ходе 3-х месячных боев с Юденичем под Петроградом. С целью теоретической подготовки курсантам читали лекции по военным и общеобразовательным предметам, поллитграмоте. Осуществлялась строевая подготовка. Курсанты участвовали в шествиях и парадах, субботниках, а также в общественно-политической жизни города. Вот такое наследство получил Долматов от бывшего комиссара Н. П. Растопчина, направленного тогда на партийную работу в Ярославль. Предстояло сделать еще многое и оправдать доверие товарищей. С поставленной партией задачей Д. И. Долматов справился: за годы Гражданской войны было подготовлено более восьмисот командиров. Курсанты любили и уважали своего наставника, закончив обучение, не теряли связь с ним, писали Д. И. Долматову, обращаясь со словами: «Многоуважаемый Дмитрий Иванович! Кланяюсь Вам и желаю всего наилучшего». Сохранились и воспоминания учеников Долматова, которым он дал путевку в жизнь. Кто-то из них сам позже стал возглавлять подобные курсы в других городах России, закончил Академию, дослужился до генерала, отдал свою жизнь на алтарь победы в годы Великой Отечественной войны; кому-то было суждено стать крупным хозяйственным руководителем в Наркомпроде, Министерстве хлебопродуктов, членом коллегии Министерства заготовок РСФСР. Приезжая в Кострому, бывшие курсанты считали своим долгом побывать на могиле комиссара Долматова¹².

Помимо исполнения обязанностей заместителя комиссара костромских пехотных курсов Д. И. Долматов продолжал выполнять и другую партийную работу. Одновременно состоял членом губисполкома и бюро военной секции, объединявшей военных коммунистов местного гарнизона при общегородском комитете партии. Работы было много. По делам службы не раз выезжал в Москву. Время было тревожное. Голод, холод, мешочники, беспризорники. И вот однажды, на остановке трамвая, Долматова ограбили,

взяв его документы, в том числе партбилет за № 403, командировочное свидетельство, удостоверение на право ношения револьвера и бомбы и т. д. Пришлось объявить розыск. При оформлении новых документов потребовалось подтверждение личности Долматова, что и было сделано секретарем ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, хорошо знавшей его.

По роду своей деятельности Долматову приходилось не только много ездить, но и выступать на митингах перед большой аудиторией в здании Костромского госуниверситета, или прямо на улице у Народного дома, или с балкона Дома коммунистов в дни партийной недели. Одно из таких выступлений состоялось 12 февраля 1920 года в связи с проведением недели фронта и транспорта. Чувствовалась усталость. Коварная болезнь его уже подстерегала. 17 февраля, покинув курсы, он принял участие в собрании бюро военной секции, а к 7 часам вечера успел на собрание городского комитета партии, которое закончилось в 12 часов ночи. Дома почувствовал непреодолимую головную боль и утром 18 февраля слег в постель. 21 февраля врачи поставили диагноз – сыпной тиф, крупозное воспаление легких, с признаками мозгового осложнения. Состояние было безнадежным. Утром 28 февраля Д. И. Долматов умер¹³. Ему было 26 лет. Вечером 29 февраля на центральной площади Костромы состоялись его похороны*. Собрались тысячи костромичей. На траурном митинге выступили председатель Ярославского губкома партии Н. П. Растопчин, бывший комиссар пехкурсов, председатель Костромского губкома РКП(б) Н. К. Козлов, председатель губисполкома Б. М. Волин, председатель общегородского комитета партии П. А. Бляхин. Все со скорбью говорили о безвременной кончине преданного делу революции человека, славном высокоодаренном пролетарском борце и трибуне. В те дни в газете «Красный мир» были опубликованы некролог и другие материалы в память о Д. И. Долматове¹⁴, а 12 мая 1920 года их перепечатали в «Известиях ВЦИК». В 1922, 1924, 1925 годах этот материал перенесли в сборник «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 годах»¹⁵. Первое издание сборника преподнесли В. И. Ленину. В Государственном архиве новейшей истории Костромской области сохранился список вещей Долматова. Из него видно, что Долматов жил просто, скромно, по-походному. Он любил читать, в том числе стихи. Вот перечень некоторых книг: «Полеты» А. Соловьева-Нелюдима – галичанина, большевистского поэта, печатавшегося в «Правде» (подарок автора); «Рабочий поселок» и «Север» В. Александровского; «Поэзия рабочего удара» А. Гастева – известного революционера и ученого; «Красные звоны и песни» В. Князева; стихи А. Негри; «Алое поле» И. Ионова; сборник стихов пролетарских поэтов.

Яркой, но быстротечной оказалась жизнь Д. И. Долматова. В Костроме и Галиче его именем названы улицы. Память о Дмитрии Ивановиче сохраняется в истории Костромского края.

* В 1961 году останки Д. И. Долматова перенесли на воинское кладбище в конце проспекта Мира, где была установлена надгробная плита. Газета «Северная правда» за 3 марта 1959 года сообщала, что за могилой следят пионеры костромской семилетней школы № 20, а в школьном музее есть стенд о Дмитрии Ивановиче.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИОРДАНСКИЙ

(1879–1937)

Среди работ военно-исторического и политико-экономического характера, вышедших в 20-е годы XX века, достаточно часто можно было встретить подпись автора – «Буйский»¹. Такой псевдоним взял себе руководитель Костромской губернии мая-ноября 1919 года Анатолий Александрович Иорданский.

Родился в селе Молвитино (Сусанино) в семье священника. После окончания сельской школы продолжил обучение в Костромском духовном училище, а затем в Костромской духовной семинарии. По воспоминаниям брата, был очень способным, отличался независимым характером и был едва терпим семинарским начальством за дерзости и издания сатирических журналов, где высмеивалось духовное начальство. В годы первой русской революции в Молвитино существовала политическая подпольная организация. Пользуясь храмовыми праздниками и скоплением народа в близлежащих селах, Анатолий занимался распространением нелегальной литературы и прокламаций.

Окончив в 1909 году духовную семинарию, А. А. Иорданский два года работал в костромской губернской управе в отделе губернского архитектора. Затем уехал в Москву и поступил в коммерческий институт, где его и застала Первая мировая война. В августе 1914 года он вступает добровольцем в ряды армии и направляется в военное училище, окончив которое в чине прапорщика, попадает на фронт. Был ранен, дослужился до чина капитана. Февральскую и Октябрьскую революции встретил в действующей армии.

В начале 1918 года вернулся в Молвитино членом революционного комитета солдатских депутатов. Через некоторое время как человек, имеющий финансово-хозяйственные познания, становится председателем буйского уездного совнархоза. Весной того же года Анатолий Александрович отзывается в Кострому и назначается губернским комиссаром финансов². Делегат VI губернского съезда Советов (сентябрь 1918) от буйского уисполкома. Избран в состав президиума от фракции левых эсеров-колегаевцев, стал одним из двух секретарей президиума, кандидатом в члены губисполкома. В выступлении на съезде подчеркивал, что фракция, к которой он принадлежит, до конца мировой революции будет поддерживать советскую власть, однако, призывает крайне осторожно относиться к расстрелам. Докладывая о положении дел в Буйском уезде, А. А. Иорданский отметил, что местные власти наиболее ревностно проводят все начинания центра, за время существования уисполкома не было никаких крупных недоразумений, а наибольшее непонимание со стороны населения было связано с организацией комбедов, однако вовремя налаженная агитация все исправила³.

В мае 1919 года А. А. Иорданский избран председателем губисполкома (ГИК)⁴. Являлся членом губернского военно-революционного совета⁵.

На VIII губернском съезде советов (сентябрь 1919) переизбран, 8 октября 1919 года назначен председателем президиума ГИК и членом президиума губсовнархоза⁶. На этом посту Иорданский проявил себя как человек ответственный, болеющий за дело, склонный к анализу обстановки, положению дел в губернии. В своих многочисленных выступлениях тех лет он смело заявляет о «невозможности работать в полном объеме из-за нехватки кадров, бумаготворчества чиновников, несогласованности интересов губернии и уездов, называет варианты исправления ситуации – пополнения губисполкома представителями уездов, сменяемость местных руководителей и т. д.»⁷.

Вся деятельность А. А. Иорданского на посту председателя губисполкома была направлена на проведение в жизнь политики советской власти, что нашло свое отражение в постановлениях губисполкома по различным вопросам: о реквизиции типографий, принадлежащих врагам новой власти, о разъяснении населению политики национализации рек и озер, об ужесточении трудовой дисциплины, об устройстве электрического освещения в квартирах рабочих и т. п.⁸

Его деятельность высоко оценил уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б), нарком просвещения А. В. Луначарский. В мае 1919 года он писал, что, хотя А. А. Иорданский недавно примкнул к большевикам, но он «совершенно сжился со всеми остальными» и пользуется уважением за свою честность и опыт в финансовых вопросах. А на последнем съезде финансистов при встрече с В. И. Лениным он произвел впечатление способного и надежного специалиста. Отмечает А. В. Луначарский и тот факт, что было бы желательно, чтобы А. А. Иорданский являлся только заведующим флотделом, но «тут уж ничего не поделаешь»⁹, поскольку проблема с кадрами в губернии стоит очень остро.

В конце октября – начале ноября 1919 года А. А. Иорданский как офицер-специалист был мобилизован городской партийной организацией РКП(б) на борьбу с Деникиным¹⁰, являлся комиссаром штаба Южного фронта. После окончания Гражданской войны возглавлял делегацию по определению советской границы. В дальнейшем занимал ответственный пост в Реввоенсовете Республики, а также был на руководящей работе в Центральном совете Осоавиахима.

В 1937 году все руководство Осоавиахима, во главе с Р. П. Эйдеманом подверглось репрессиям, не избежал этой участи и А. А. Иорданский. В 1956 году он был посмертно реабилитирован.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ВОЛИН (01.06.1886–16.02.1957)

Борис Волин (настоящая фамилия – Фрадкин) родился 1 июня 1886 года в небольшом городке Глубокое (ныне Витебская область Республики Беларусь) в семье мелкого чиновника. В 1901 году окончил в Екатеринославе городское училище. Восемнадцатилетним юношей в 1904 году вступил в РСДРП. Через год Б. М. Волин – член Екатеринославского комитета партии. Вел партийную работу в Брянске и на Урале. Редактировал подпольную большевистскую газету «Уфимский рабочий». Неоднократно подвергался арестам. В 1910 году вынужден был эмигрировать за границу. В Париже учился на юридическом факультете. Возвратившись в 1913 году в Россию, стал вести партийную работу в Москве. Решив продолжить образование, поступил в Московский университет. Конечно, трудно было сочетать революционную деятельность с учебой. И тем не менее, Волин успешно окончил юридический факультет. После Февральской революции 1917 года он гласный Московской городской думы, секретарь ее большевистской фракции, член МК РСДРП(б) и председатель муниципальной комиссии комитета, председатель Калужской управы в Замоскворецком районе. В октябрьские дни Волин – председатель Замоскворецкого военно-революционного комитета. В 1918 году – один из редакторов «Правды», председатель губисполкома в Орле, а с весны 1919 года – секретарь Брянского губкома РКП(б).

И вот осенью 1919 года – Кострома. Как Волин позднее признавался, он немного роптал на ЦК, что направили его в такое захолустье. Ему хотелось работать в Нижнем Новгороде – крупном промышленном центре, где было много рабочих. Но, очевидно, ЦК учитывал слабость советской работы в Костромской губернии и кризисное состояние ее партийной организации, ряды которой из-за прошедших мобилизаций и перерегистрации уменьшились осенью 1919 года по сравнению с февралем почти на 70 %, а часть волостных ячеек даже распалась. Такой человек, как Б. М. Волин, прошедший большую школу революционной борьбы, партийной и советской работы, имевший к тому же высшее юридическое образование, должен был существенно повлиять на всю жизнь губернии.

В начале ноября 1919 года. Волин был избран председателем Костромского губисполкома¹. «Уже три недели, как я в Костроме, – писал он 20 ноября секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой. – За две недели моей работы авторитет губисполкома уже усилен. Завязаны связи с отделами, устраиваю широкие совещания работников соответствующих отделов, ставлю ряд вопросов, выясняю положение, помогаю советом и оказываю непосредственную помощь»². На заседании губисполкома по инициативе Волина были обсуждены такие важнейшие вопросы жизни губернии, как укрепление связи с местами, агитационно-инструкторские поездки в уезды, централизация управления. Все это в своеобразных условиях Костромского края, когда губернский

центр находился в значительном удалении от большинства уездов, при слабой транспортной сети, имело особое значение. Посетив казармы и лазареты, Волин созвал совещание по выяснению нужд Красной армии, на котором присутствовали военные комиссары, начальники госпиталей, работники губпродкома, совнархоза и других ведомств и учреждений.

Широкий резонанс имело проведенное Волиным совещание по топливу. Дрова и торф были особенно нужны железнодорожному транспорту, армии, городам. Выяснилось, что на станциях Северной железной дороги в Костромской губернии лежат огромные запасы дров и торфа. Сообщая об этом Е.Д. Стасовой, Волин просил проинформировать В. И. Ленина и прислать в Кострому на вывозку топлива работника с чрезвычайными полномочиями. Ознакомившись с письмом Волина, Ленин направил его председателю Главтопа В.Н. Ксандрову с резолюцией «вернуть с отзывом». В письме Ленину Ксандров сообщил о принятых мерах³. В свою очередь губком РКП (б) и губисполком усилили гублеском партийными работниками, а в уезды направили специальных уполномоченных. Приходилось решать вопросы лесозаготовок, заготовок картофеля и сдачи льна крестьянами. В годы Гражданской войны, когда не хватало хлеба, сырья для промышленности, строительных материалов, эти вопросы приобретали важнейшее значение. Директивы Центра воспринимались как боевые приказы.

Но Волин не ограничивал свою деятельность только хозяйственными, текущими вопросами. Будучи крупным политическим работником, он сразу же включился в жизнь партийной организации и был избран в состав горкома и губкома РКП(б). Примечательно, что его приезд совпал с началом партийной недели в Костроме: «Количество речей, мною произнесенных, докладов, мною сделанных, и собраний, мною проведенных, – сообщил Б. М. Волин Е. Д. Стасовой, – насчитывается уже, пожалуй, десятками»⁴.

Прошедшая в Костроме партийная неделя дала совершенно неожиданные результаты, увеличив ряды городской организации более чем в 3,5 раза. Особенно поразили Волина своей активностью, политической зрелостью костромские работницы. Их вступило в партию более 700 человек. И это вдохновило Волина на публикацию в губернской газете яркой статьи, посвященной работницам, заслужившим, по его словам, чести и славы.

Волин хорошо понимал, что новые партийцы нуждались в особом внимании, поскольку со временем они пополнят руководящие кадры. Выступая 16 ноября на общем партийном собрании города, он рекомендовал молодым коммунистам учиться грамоте, овладевать программой и уставом партии, а горпарткому – вовлекать их в разнообразную работу⁵. Позже Волина заинтересовал опыт Костромского комитета по созданию из молодых коммунистов групп практикантов как одной из форм подготовки к общественно-политической деятельности. Он посвятил пропаганде этого опыта специальную статью в «Правде», выразив уверенность, что начинание костромичей представляет интерес и для других организаций⁶. Вообще, Б. М. Волин уделял большое внимание подготовке кадров, считая их решающей силой руковод-

ства. Он принимал участие в разработке программы и чтении лекций на губернских партийных курсах. По его инициативе при отделе управления губисполкома стала действовать школа для подготовки волостных советских работников. Волин выступал с лекциями и докладами перед партийно-советским активом. С большим интересом слушали его рабочие и красноармейцы на беспартийных конференциях, митингах и собраниях. Побывал Волин и в некоторых уездах.

Как видим, в поле зрения председателя губисполкома находились самые различные вопросы. На заседаниях губисполкома, пленумах губкома партии и губпрофсовета, конференциях, собраниях он выступал с докладами о текущих задачах, об оказании помощи деревне, семьям красноармейцев, об организации субботников, о проведении недели фронта, различных мобилизаций, о выполнении военных заказов. На одном из митингов после речи губернского руководителя рабочие приняли волнующую резолюцию: «Всеми силами, всем пролетарским рвением приняться за оказание всяческой помощи нашему победоносному красному фронту!» Информацию об этом выступлении Б. М. Волина и резолюцию митинга опубликовала газета «Красный мир» 21 января 1920 года.

Под руководством Волина прошла подготовка к IX губернскому съезду Советов, состоявшемуся в марте 1920 года. По его инициативе и под его редакцией были подготовлены и изданы отдельной книгой доклады отделов губисполкома. Он же написал предисловие к книге и доклад о работе президиума губисполкома, в котором убедительно показал достижения новой власти во всех областях жизни губернии. Волин высоко оценил деятельность Костромской инструкторско-агитационной коллегии, сформированной из ответственных и опытных работников губкома партии и губисполкома. Коллегия обследовала пять отдаленных уездов. «Материал, – писал Б. М. Волин, – получен очень богатый и разнообразный. Результаты этой поездки в высшей степени значительны... Костромская инструкторская коллегия – первая в Советской республике. Она уже сейчас находит во многих губерниях подражание. Неслучайно ЦК РКП(б) предложил даже другим губерниям организовать наподобие ее уездные «Красные повозки»⁷. Во время работы IX съезда партии Волин преподнес эту книгу с автографом В.И. Ленину.

Весной 1920 года в условиях мирной передышки в губернии развернулась подготовка к IX съезду РКП(б), проходившая под знаком письма ЦК, призвавшего принести на съезд продуманный и общими усилиями переработанный практический опыт хозяйственного строительства. С докладом о предстоящем съезде Волин выступил на общем партийном собрании самого крупного промышленного предприятия города и губернии – 1-й Костромской льняной мануфактуры (позже льнокомбинат имени В. И. Ленина)⁸.

Под знаком письма ЦК прошла 13–15 марта 1920 года и III губернская партийная конференция. Волин был избран в президиум конференции и выступил с докладом по текущему моменту. С интересом слушали делегаты выступление председателя губисполкома, давшего глубокий анализ международного

положения и охарактеризовавшего основные задачи экономического строительства. Он выразил уверенность в прочности советской власти и способности рабочих и крестьян построить социалистическое общество, отличное от капиталистического⁹. Живейшее участие принял Волин в обсуждении других вопросов, включенных в повестку конференции.

В числе пяти делегатов Волин был избран на IX съезд РКП(б)¹⁰. Событием для него стало избрание в секретариат съезда и предоставленная возможность дважды выступить с речью. Волин подверг резкой критике взгляды группы «демократического централизма» и горячо защищал Центральный комитет от ее нападков. Он убедительно показал возросшую роль ЦК в руководстве местными организациями. Во время перерыва к Волину подошел Ленин и одобрительно отозвался о его выступлении. Особое внимание во второй речи Борис Михайлович уделил подготовке партийных кадров, поделившись интересным в этом отношении опытом работы в Костроме. Он осудил кустарничество в организации губернских и уездных партийных школ, высказавшись за их функционирование по единому плану. Волин обратил внимание на необходимость регулярного информирования местных работников о положении в партии, на совершенствование практики перемещения партийных кадров (частные переброски с места на место он уже испытал на себе), на важность работы в комсомоле, на принципы его взаимоотношений с партией¹¹.

Вернувшись в Кострому, делегаты съезда много сделали по пропаганде и претворению в жизнь его решений. Но пребывание Волина в Костроме после съезда оказалось недолгим. По инициативе Ленина, по решению ЦК РКП(б) в апреле 1920 года он был откомандирован на Украину, где возглавил Харьковский губисполком. Харьков был тогда столицей Украины. В Москве хорошо знали Волина, его возможности как крупного партийного и советского руководителя, поэтому вполне оправданным было его назначение на более масштабный государственный пост. К тому же он знал положение в Харькове, где был летом 1919 года проездом. Его поразили тогда бездеятельность и антипартийное поведение харьковских руководителей. Обо всем увиденном Волин написал записку Ленину. И вот вызов в Москву, на заседание Политбюро ЦК¹². А 23–24 апреля 1920 года бюро Костромского губкома партий уже обсуждало вопрос о кандидатуре нового председателя губисполкома¹³.

Большой жизненный путь прошел в дальнейшем Б. М. Волин. Был заместителем наркома внутренних дел УССР, редактором газеты «Рабочая Москва», заместителем редактора газеты «Известия» ЦИК, находился на дипломатической работе в Париже и Вене, работал первым заместителем народного комиссара просвещения РСФСР и начальником Главлита, директором Института красной профессуры, редактором журнала «Борьба классов», заместителем редактора «Исторического журнала» и журнала «Вопросы истории». Возглавлял отдел школ ЦК ВКП(б)¹⁴. Выехав на фронт в октябре 1941 года в качестве лектора, попал вместе с воинской частью в окружение. Оказавшись в тылу врага, Волин стал одним из руководителей партизанского отряда.

С 1945 года Б. М. Волин – научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, профессор МГУ, автор воспоминаний о Ленине, ряда работ по историко-партийным и общеполитическим вопросам, автор популярного учебника «Политграмота»¹⁵.

И спустя годы он не забывал о своей работе в Костроме, не раз писал об этом в воспоминаниях¹⁶.

Умер Б. М. Волин 16 февраля 1957 года и был похоронен в Москве¹⁷.

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ

(23.01.1893–29.06.1973)

Николай Кузьмич Козлов родился в Костроме 28 января 1893 года в семье рабочего печника¹ (по другим данным – 23 января в семье запасного старшего фейервейкера К. Е. Козлова²). Окончил 4 класса городского училища. С 1909 года член РСДРП. Вошел в группу социал-демократической рабочей молодежи Фабричного района Костромы. Уже тогда молодой Козлов проявил себя энергичным организатором. Он распространял революционную литературу, проводил кружковые занятия с рабочими. Весной 1910 года познакомился с представителем Московского областного бюро РСДРП А. С. Бубновым. Неоднократно встречался с членом III Государственной думы рабочим, социал-демократом П. И. Сурковым. В революционной работе Н. К. Козлову помогало сотрудничество в губернской газете «Костромская жизнь». Он имел корреспондентский билет, с которым посещал фабрики и рабочие общежития. Публиковавшиеся в газете заметки Козлова правдиво освещали жизнь рабочих, обличали произвол фабрикантов. По доносу провокатора летом 1910 года последовал первый арест, но после недельного задержания Козлова освободили. За печатание и распространение революционных листовок весной 1911 года его арестовали второй раз. После выхода из тюрьмы Козлов был отдан под гласный надзор полиции на 2 года. Жандармское управление считало его «одной из центральных фигур Костромской группы»³. Н. К. Козлов активно работал в легальных организациях: Обществе образования, Лиге борьбы с туберкулезом, Обществе трезвости.

В Обществе образования читались лекции по общественно-политическим вопросам, обсуждались материалы из газет «Звезда» и «Правда», проводились занятия по подготовке руководителей фабричных кружков. Неслучайно жандармский полковник доносил департаменту полиции: «Костромское общество образования» является легализованным руководящим центром, объединяющим не только будирующий, но и революционный элемент Костромы. Собрания этого общества посещаются зарегистрированными социал-демократами, большинство коих составляют местные фабричные рабочие»⁴.

Весной 1912 года в Костроме образовался городской комитет РСДРП, в состав которого вошел и Козлов. Под руководством комитета в знак протеста против расстрела рабочих Ленских приисков в Костроме прошла всеобщая забастовка и мощная Первомайская демонстрация. В связи с этими выступлениями весь состав городского комитета был арестован. Козлова сослали в Вологодскую губернию, в Великий Устюг. В августе 1913 года закончился срок ссылки и Козлов вернулся в Кострому. Но на свободе он был недолго. В конце сентября его вновь арестовали и выслали в Олонецкую губернию. После окончания срока ссылки в декабре 1915 года Козлов был мобилизован в армию. Война требовала все новых солдат. Власти вынуждены были призывать в армию даже таких политически неблагонадежных людей. На Румынском фронте Козлов был избран членом солдатского корпусного комитета 4-й армии.

В Кострому Н. К. Козлов вернулся только в марте 1918 года и сразу же был востребован новой властью. Он возглавлял фабричный райком партии, был редактором партийной газеты «Северный рабочий», председателем общегородского комитета РКП(б). Во многом благодаря Козлову деятельность городской организации летом 1918 года значительно оживилась. Она взяла на себя инициативу создания губернской организации⁵, отсутствие которой отрицательно сказывалось на решении многих вопросов жизни губернии. На это, конечно, нацеливали директивы ЦК. Но глубоко это осознал и Козлов, с именем которого стали связывать дальнейшее формирование губернской организации. 4 июля собрание коммунистов Костромы признало необходимым созыв губернского партийного съезда, а для его подготовки – образование бюро. Оно было создано совместным решением губисполкома и общегородского комитета РКП(б), выполнявшим до некоторой степени функции губкома. Первое заседание бюро состоялось 29 июля. Оно разослало по уездам агитаторов-организаторов, снабдив их инструкциями и литературой. Центральный комитет был проинформирован об этой работе.

После большой подготовки удалось созвать губернский съезд, на который прибыл 61 делегат, представлявший около 1 200 коммунистов губернии. Съезд открылся 12 сентября 1918 года в одном из лучших зданий города в бывшем дворянском собрании на Павловской улице. Открыл съезд приветственной речью Козлов, рассказавший о роли общегородского комитета в его подготовке⁶. Делегаты обсудили важнейшие вопросы партийного и военного строительства, задачи текущего момента. Съезд принял устав, определивший структуру губернской организации и функции партийных комитетов, утвердил единый для всей организации партийный билет.

О зрелости руководителей, подготовивших проекты основных документов и делегатов, принявших их, свидетельствует, в частности, резолюция «Об отношении партии к Советам». Время первых шагов правящей партии было отмечено противоречивыми и не всегда продуманными директивами из Центра и указаниями руководителей, большим разбросом мнений на местах. В этом отношении большой интерес представляет понимание костромскими работниками, и в частности Козловым, взаимоотношений партии и Советов.

«Подчинение Советов партии, – указывалось в резолюции съезда, – должно быть идейным, и партийные организации должны давать Советам, как органам власти и управления, лишь общие принципиальные указания и общее направление работы. Вмешательство в техническую сторону управления признать нецелесообразным»⁷. Только спустя полгода подобное положение, но более четкое и развернутое с учетом Конституции, запишет в своих документах VIII съезд РКП(б), осудив смешение функций партийных и советских органов, подмену Советов партийными комитетами. Николай Кузьмич не только осознал эти принципы, но и руководствовался ими в своей дальнейшей деятельности.

Съезд избрал губком РКП(б) во главе с Козловым. Это было признание его ведущей роли в партийном строительстве. Состоялось оформление губернской организации, развернулся процесс избрания уездных комитетов, ускорились создание партийных ячеек в волостях, на предприятиях, в воинских частях, в учреждениях.

Насущной задачей стала подготовка партийных и советских кадров, в которых ощущалась огромная потребность, особенно в уездах. С этой целью в Костроме была открыта губернская школа. Но из-за многих трудностей она вынуждена была досрочно закончить свою работу. Неоднократные обращения в ЦК с просьбами материальной поддержки и присылки лекторов остались неудовлетворенными. Более того, ЦК вообще считал нецелесообразным открытие такой школы в Костроме, поскольку в Москве уже была создана школа агитаторов при ВЦИК, и рекомендовал направлять именно туда всех желающих учиться. Но костромичи утверждали, что их школа даст большую и скорейшую отдачу, поскольку она краткосрочна, готовит слушателей для практической низовой работы с учетом губернской специфики. А именно таких выпускников и ждали тогда на местах. С их приездом оживилась в уездах деятельность старых партийных организаций, стали усиленно расти новые волостные ячейки. Вот почему губком в своих отчетах в ЦК, составленных Козловым и другими членами бюро, не раз отмечал правильность избранного пути – подготовки кадров в губернской партшколе⁸.

Можно смело утверждать, что Н. К. Козлов стоял у истоков образования не только губернской партийной, но и комсомольской организаций. Один из первых комсомольцев Петр Победоносцев вспоминал: как-то в конце 1918 года «вызвал нас к себе наш "Кузьмич" – председатель губкома партии Козлов. Испытующе оглядел нас и, по своему обыкновению гмыкнув, начал разговор:

– Почему вы так отстае? Вот в Москве съезд молодежный прошел. Коммунистический союз молодежи организован. А вы что, в старики записались? Разве у нас нет чудесных ребят и девушек. Ведь им совсем не обязательно быть в партии, но они наши...»

Ребята пытались оправдаться, ссылаясь на занятость, но вскоре поняли неуместность своих доводов. Н. К. Козлов перевел разговор в практическую плоскость и помог определить первые шаги по организации комсомола в Костроме. «И вот через несколько дней, – продолжал воспоминания Петр Победоносцев, –

в маленькой комнатухе типографии, где печаталась в то время газета «Северный рабочий», корректором которой был Алексей Лясыч, собралась инициативная группа молодежи, ставшая ядром комсомольской организации»⁹.

...Разгорелась Гражданская война. Непокойно было в уездах. Все новых воинских частей требовал фронт. Шла мобилизация коммунистов и комсомольцев. Республике нужен был хлеб. Все больше внимания и заботы ожидало от власти крестьянство. Эти и многие другие вопросы были в поле зрения Козлова как руководителя губернской партийной организации. Он считал своим долгом побывать на проводах уходивших на фронт полков, маршевых рот и команд, добровольцев-коммунистов и комсомольцев, сестер милосердия и найти для них вдохновляющие слова. «Провожали нас со знаменами и музыкой, – вспоминала М. Я. Дмитриева, окончившая краткосрочные курсы медсестер. – Председатель губкома партии Н. К. Козлов, или просто “Кузьмич”, произнес напутственную речь. Отъезжающие написали в костромскую газету «Красный мир» клятву, где заявили, что не пожалеют своей жизни для защиты советской Родины»¹⁰.

Мобилизации коммунистов, переброски их на работу за пределы губернии, выходы из партии из-за боязни быть в первую очередь отправленными на фронт, перерегистрации – все это значительно сократило ряды губернской организации. Вот почему Козлов, обеспокоенный этим, так надеялся на проведение партийной недели, призванной пополнить ряды коммунистов за счет рабочих, крестьян, красноармейцев.

Небывалого размаха достигла в те дни осени 1919 года массово-политическая работа, в которой Козлов вместе с Бляхиным, Волиным и другими руководителями принимал живейшее участие. Театрализованные массовые представления, факельные шествия, манифестации, митинги, собрания, обходы рабочих районов, посещение их жилья и казарм, доверительные беседы с рабочими, работницами, красноармейцами, молодежью, распространение различной литературы, воззваний, афиш, листовок – все это помогло всколыхнуть многих костромичей, заставило их задуматься о политике советской власти и компартии и ответить им доверием. Более чем в 3,5 раза выросли в партийную неделю ряды городской организации.

Но результаты недели в уездах обеспокоили Козлова. В двух уездах она по существу не состоялась, а в девяти – в партию вступило только 500 человек. И это несмотря на то что курс VIII съезда РКП(б) на союз со средним крестьянством широко обсуждался и пропагандировался в губернии, где только за три месяца было издано более 100 тыс. экземпляров различного рода литературы, воззваний, листовок, возросла помощь крестьянским хозяйствам, особенно красноармейским.

Обо всем этом с тревогой говорил Козлов, выступая с речью в декабре 1919 года на VIII конференции РКП(б). По его мнению, и после съезда отношение к среднему крестьянству продолжало оставаться в области деклараций. «Тяжести, от которых изнывает среднее крестьянство, – отмечал костромской руководитель, – все больше и больше увеличиваются, и, может быть,

вследствие этого и приходится наблюдать нарастание если не враждебного, то какого-то равнодушного отношения крестьян к власти. Это особенно ярко проявилось в частности во время партийной недели»¹¹. И Козлов дал анализ партийно-политической кампании в Костромской губернии. Он считал недостаточными результаты недели не только среди крестьян, но и среди красноармейцев. Костромской гарнизон пополнялся главным образом за счет крестьян, приносивших настроения недовольства советской властью. «Если это наблюдается не в одном месте, но и в других местах, – говорил Козлов, – то это симптом чрезвычайно серьезный, и на него надо обратить серьезное внимание»¹². Вместе с тем он высказал ряд критических замечаний в адрес ЦК, призвав оказывать большую помощь местным работникам.

Н. К. Козлов участвовал также в работе IX и X съездов РКП(б), проходя там своеобразную школу партийного руководства. В 1920 году некоторое время он совмещал работу в губкоме с выполнением обязанностей председателя губисполкома. Именно в Костроме Козлов сформировался как крупный партийный и советский руководитель. Яркую и точную характеристику ему дал А. В. Луначарский, обследовавший в 1919 году в течение месяца Костромскую губернию. «Несмотря на относительную молодость (ему меньше 30 л.), – сообщал он в ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, – это настоящий муж совета, пользующийся уважением среди всех товарищей, прекрасный председатель, высокостепенная фигура. Если бы во всех губерниях мы имели такого председателя, то можно было бы облегченно вздохнуть... Он хорош именно на своем месте как человек безукоризненной моральной строгости, довольно тонкого психологического чутья и полный политической выдержанности»¹³.

Действительно, Н. К. Козлов был внимателен к людям, проявлял принципиальность, готов был отстаивать свое мнение и не боялся высказать критические замечания в адрес вышестоящих руководителей. Примечателен такой факт. В начале 1919 года губвоенком Н. А. Филатов приказом Троцкого был смещен с должности. Козлов направил в ЦК телеграмму, в которой сообщал, что Филатов смещен Троцким за неисполнение невыполнимых нарядов. «Филатов, – писал в телеграмме председатель губкома, – лучший из имеющихся работников этой области нашего округа. Фрунзе хотел иметь его заместителем. Ходатайствуем отменить смещение, назначить ревизию на месте. Губпартком берет на себя ответственность оставления Филатова»¹⁴.

Деловые и личные качества снискали Н. К. Козлову большой авторитет и глубокое уважение. Уважительно-теплое отношение к нему проявлялось в том, что его часто по-за глаза называли «Кузьмич», хотя по возрасту он был многих моложе. И когда Козлов был уже на другой работе, костромичи его тепло вспоминали. Интересен в этом отношении такой факт. Осенью 1921 года ответственный секретарь Костромского губкома П. А. Бляхин по решению ЦК был направлен на работу в Баку. Чтобы восполнить потери в связи с его отъездом, губком возбудил перед ЦК ходатайство об откомандировании в Кострому ранее здесь работавших Н. К. Козлова и Н. П. Растопчина. Значит, хотели в родном городе его возвращения.

После отъезда из Костромы в 1921 году Козлов работал председателем Архангельского губисполкома, ответственным инструктором ЦК партии, секретарем Крымского обкома и Нижневолжского крайкома, заместителем заведующего распределом ЦК, с 1935 года – начальником канцелярии Президиума Верховного Совета СССР, избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР, был делегатом многих съездов партии и Советов. С 1959 года – персональный пенсионер союзного значения, автор воспоминаний¹⁵. Умер Н. К. Козлов 29 июня 1973 года в Москве. О его жизненном пути и заслугах сообщалось в некрологах, опубликованных в центральных и местных газетах¹⁶.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕДНЕВ

(1888–06.03.1961)

Родился в 1888 году в деревне Васильевское Вознесенской волости Галичского уезда. Образование получил в церковно-приходской школе и начальном училище, после окончания которого в течение трех лет обучался кровельному делу. Как и большинство рабочих-профессионалов уехал в поисках «лучшей доли» на заработки в Петроград, где с 1914 года трудился на заводе акционерного общества «Динамо». Среди рабочих Леднев имел высокий авторитет и пользовался уважением, входил в правление завода, в состав больничной кассы, позднее был избран председателем ревизионной комиссии рабочей столовой.

Высокая активность Леднева, увлечение социалистическими идеями в сочетании с «неблаговидными поступками» стали причиной его постановки на учет в полиции, с особой отметкой: «политически неблагонадежный». В ноябре 1916 года он подвергся аресту по обвинению в антиправительственной деятельности, но за отсутствием доказательств был освобожден из-под стражи. Позднее в анкете Леднев писал: «Арестовывался, но не сидел»¹. Через несколько месяцев после ареста в мае 1917 года вступил в ряды РСДРП(б) и закончил в Петрограде курсы агитаторов при Московско-заводском райкоме партии. С мандатом уполномоченного ЦК по агитации за большевистский список кандидатов в Учредительное собрание, полученным из рук секретаря ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасовой, и направлением для организационной работы от Петроградского совета и костромского землячества питерских заводских рабочих в начале октября Леднев прибыл в Кострому. Учитывая место рождения и знание специфики края, местный комитет партии направил его для реализации поставленных задач в Галич.

Немалое значение имели связи, налаженные им с большевиками расквартированного в городе 181-го пехотного полка, который за отказ стрелять

в бастовавших рабочих завода «Новый Лесснер» был выслан из Петрограда. Хотя Леднев не получил никакой военной подготовки, «курсов военного образования не проходил, не воевал»², он имел авторитет среди солдат, впоследствии многие из них прониклись большевистскими идеями, стали его соратниками и ближайшими помощниками. В полку осенью 1917 года Леднев организовал большевистскую ячейку, в которую вошли П. А. Сизиков и В. И. Кукушкин. Близко сотрудничали с Ледневым С. Юров, П. Смирнов, М. Казанцева, З. Говядин. «Собрание ячейки решило отобрать из солдат наиболее надежных, большевистски настроенных и создать из них особый хорошо вооруженный отряд, чтобы при захвате власти опереться на него. Эта работа проводилась под руководством военного комиссара полка В. И. Кукушкина и при содействии выборного командира полка Ф. Ф. Ожерелкова»³.

Первым результатом работы Н. А. Леднева стало принятие полковым комитетом весьма важной в условиях продолжающейся войны резолюции – ни одной маршевой роты не пропускать по железной дороге на фронт.

15 октября в Галиче состоялось объединенное собрание Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уезда, на котором решался вопрос о направлении делегатов на II Всероссийский съезд Советов. По вопросу о власти выдвинуты два лозунга: большевистский – «Вся власть Советам!» и эсеровский – «Вся власть демократии!». Голосование дало преимущество большевикам.

После получения из Петрограда телеграфного известия о победе вооруженного восстания, большевистская ячейка и полковой комитет собрали в гостинице Громова совещание, в котором принимали участие представители Галичского совета, городской думы и земской управы. Именно Леднев огласил телеграмму о свержении Временного правительства и озвучил требование передачи всей полноты власти из рук думы и управы в руки Совета.

Под «давлением» вооруженного отряда солдат, вызванного В. И. Кукушкиным, деятели городской управы и земства собрание покинули. Большевики и им сочувствующие приняли решение взять власть в свои руки, избрали ревком. Леднев настаивал на пополнении состава совета большевистской организации за счет солдат и рабочих. 31 октября в городе была установлена советская власть уездным съездом Советов. Н. А. Леднев избран в состав уездного исполнительного комитета, а вскоре, по разным данным в конце 1917 года или марте 1918, стал его председателем. Помимо этого выполнял функции предгубсовкома, председателя экономического совещания и члена губпродсовещания, в связи с чем наблюдал за ходом работ по сводке переписи 1920 года⁴. Заместителем председателя уисполкома был приехавший в 1918 году из Петрограда Д. И. Долматов.

Люди, работавшие бок о бок с Ледневым, характеризовали его как человека деловитого, инициативного, обладающего организаторскими способностями. Сохранилась оценка, данная председателю УИКа А. В. Луначарским: «Человек умный, надежный, воздерживающийся одновременно от чрезвычайной ретивости и держащий, тем не менее, неопределенные обывательские элементы в достаточной дисциплине»⁵.

14 марта 1918 года за подписью Леднева из Галича в Костромской совдеп поступила телеграмма об аресте Кологривского совета «бандой». Автор настаивал на высылке вооруженного отряда в сборный пункт Парфеньево. 18 марта из Костромы выехал отряд из 50 солдат с тремя пулеметами и бомбометом. 1 апреля произведен арест 29 человек, виновных в событиях.

Во многом благодаря успешной агитации Н. А. Леднева на выборах в Учредительное собрание большевики прошли пропорционально с эсерами. 9 июля 1918 года после получения телеграмм из Москвы и Костромы о вооруженном мятеже в Ярославле исполнительный комитет Галичского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов под председательством Леднева объявили город и уезд на военном положении и мобилизацию членов исполкома, которые вооружались, устанавливали дежурство в здании исполкома и на железной дороге.

В числе первоочередных хозяйственных вопросов, вставших перед представителями советской власти в Галиче, был поднятый Ледневым вопрос об электрификации и телефонизации. Город к тому времени находился на керосиновом освещении и был совершенно лишен телефонной линии. Выказывалось предложение о возведении электростанции, которое некоторые воспринимали скептически, но большинство поддерживало.

Строительство сопровождалось многочисленными трудностями. Все работы осуществлялись на «голом» энтузиазме за счет воскресников. В срочном порядке был найден опытный инженер. Общими усилиями, вручную в город доставили котел, размещенный в специально подготовленном помещении. Раздобыли остальное оборудование, но финансовых средств не хватало. Представители буржуазных слоев города в ответ на требование уплаты чрезвычайного налога выступили с предложением снять налог на их счете арест. Получив свои сбережения, они обязались заплатить и налог. Проблему удалось решить только тогда, когда Н. А. Леднев обратился к Ленину. В. И. Ленин оказал содействие, деньги были отпущены из центра. 1 мая 1920 года состоялось официальное открытие электростанции.

По воспоминаниям И. Усачева, близко знавшего Н. А. Леднева, он был открытым человеком, «умел привлекать к себе людей, быстро завоевал в Галиче авторитет, переизбирался в председатели Совета до тех пор, когда его выбрали в Костромской губисполком»⁶.

В октябре 1920 года X губернский съезд Советов избрал Леднева в состав губисполкома и делегатом на Всероссийский съезд. 23 октября его избрали председателем ГИК. 28 октября на объединенном заседании губкома, президиума ГИК и представителей губчека прошла процедура утверждения кандидатуры Леднева. Ответственный секретарь губкома Н. К. Козлов дал характеристику деловых качеств председателя: «В основу конструирования губисполкома положен принцип подготовки соработников... Леднев, лучший из уездных председателей исполкомов, имеющий трехлетний стаж работы»⁷.

С ноября 1920 года Леднев стал председателем губисполкома, но менее чем через год, осенью 1921 года ЦК партии направил его для работы на